

Исламская культура

№ 1 (7) 2016

www.islamic-culture.ru

Журнал для педагогов

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Маркус Сергей Владимирович,
главный редактор

Хайриддини Абдулло,
заместитель главного редактора,
руководитель отдела по духовному
воспитанию и духовной культуре
Общероссийского общественного
Движения «Таджикские трудовые
мигранты»

Рамазанов Магомед Багаудинович,
доктор педагогических наук, профессор
Дагестанского государственного
университета

Хайретдинов Дамир Зилюрович,
кандидат исторических наук, ректор МИИ,
Московского исламского института

Синельников Михаил Исаакович,
поэт, действительный член Российской
академии естественных наук и Петровской
академии, академик Академии культуры
и поэзии (Чанаккале, Турция)

Зарипов Ислам Амирович,
кандидат исторических наук,
руководитель Департамента культуры,
науки и образования ДУМ РФ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Попов Вениамин Викторович,
дипломат ранга Чрезвычайный
и Полномочный Посол, кандидат
исторических наук, директор Центра
партнерства цивилизаций Института
международных исследований
МГИМО (У), Москва

Хачукаев Эдуард Магомедович,
заместитель директора Фонда
поддержки исламской культуры,
науки и образования, советник
Российской академии
естественных наук

Резван Ефим Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор международного
журнала Manuscripta Orientalia,
заместитель директора Музея
антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамеры)
Российской академии наук, Петербург

Михайлов Юрий Анатольевич,
глава Научно-издательского центра
«Ладомир», Москва

Журнал «Исламская культура». Адрес: 129110, Россия, Москва, проспект Мира, д. 70. Тел.: 8 (499) 975-25-40.
Сайт — www.islamic-culture.ru. Страницы в соцсетях — Фейсбук, ВКонтакте «Исламская культура — журнал
для педагогов». E-mail: glavred@islamic-culture.ru
Издательский дом «Народное образование». 109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2. Тел.: (495) 345-59-00.
E-mail: kushmir@narodnoe.org
Отпечатано в Чебоксарской типографии № 1. 428019, г. Чебоксары, пр-т Яковлева, д. 15

Содержание

Вступительное слово главного редактора

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ризаэтдин Фахретдин

Начало года у мусульман

Абу Ханифа

Абу Ханифа и его 12 принципов

Муфтий Гайнутдин

Выступление на Международном форуме
в Лондоне

Аятолла Макарем Ширази

Ислам и рабство

Теймур Атаев

Мусульманка — основатель первого в мире
университета

Теймур Атаев

Халиф на час

ГОТОВИМСЯ К УРОКАМ

Мунир Беюсов

Мусульманин не станет убивать! Проповедь

Саид Кямилев и Сергей Маркус

Лев Толстой: русский классик на пути к Исламу

Гуфран Таиров

Фронтальной хирург-мусульманин: воспоминания
детей

Марат Сафаров

К столетию узбекской поэтессы Зульфийи
(1915–1996)

Дамир Мухетдинов, Михаил Синельников
К новой хрестоматии «Пустыня внемлет Богу.
Аллах, Мухаммад, Коран, Ислам в творчестве
великих поэтов мира»

НАУКА И ПЕДАГОГИКА

Олег Редькин
Арабский язык не только инструмент, но Вселенная!

НОВИНКИ

Комплект из восьми пособий СПбГУ для изучающих
арабский язык и историю ислама

Сергей Маркус
Кто объяснит феномен Ефима Резвана?

Теймур Атаев
Качественное образование — залог продвижения
умы к прогрессу

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Михаил Синельников
Александр Юдахин — «Русский азиат второго поколения...»

Илья Зайцев
Исламский Крым — наше общее достояние!

Юрий Михайлов
Как побороть ДАИШ (ИГИЛ) — религиозный мутант
эпохи глобализации

Илья Полонский
Африканский «халифат». Северная Нигерия идёт
по стопам Ближнего Востока.

Дамир Мухетдинов
Вызов Европе, вызов Исламу (Читая «Покорность»
Мишеля Уэльбека).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Журнал, открывающий наступивший 2016 год, как и ранее, состоит из материалов двух типов. Это, во-первых, краткие тексты, которые подготовлены для использования в классах как светскими педагогами, так и учителями конфессиональных учебных заведений. Причём, не только исламских и не только по курсу ОРКСЭ, или ещё конкретнее «Основ исламской культуры» в средней школе. Ведь Исламом в наши дни интересуются все. Такова особенность нашего времени. И об Исламе мы узнаём, когда хотим постичь географию, химию, математику, события, о которых рассказывают новости в СМИ... а не только литературу или историю, или — ещё уже — историю религий.

По мощи воздействия и изощренности новых приёмов в своих рассказах об Исламе в современном мире, кажется, наиболее яростно и во многом эффективно действуют силы исламофобии. Их цель — дискредитация этой великой мировой рели-

гии, стравливание мусульман разных школ, традиций и мазхабов внутри исламских стран. А также — что особенно актуально для России — стравливание исповедующих Православие и Правоверие, Христианство и Ислам. Древний опробованный принцип «разделяй и властвуй!» стар, как мир — но и актуален, как никогда.

Но — вот парадокс! — силы антипатии подталкивают людей к познанию истины, многие хотят сами понять правду и сделать собственные выводы — и движутся от антипатии, через сомнения, к симпатии. Так исламофобия стимулировала в наши дни неслыханный ранее рост исламоведческих исследований. Причём, самых серьёзных и очень продуктивных.

Таким исследованиям, конечно же, посвящены специальные научные журналы. Но мы всё же считаем необходимым для наших читателей дать избранное из этого могучего потока. Нам кажется, что наш выбор поможет вам в практике.

Повторю: задача нашего журнала — помощь практикующим педагогам и имамам в их работе. Немусульманам — в равной мере, как и мусульманам. В этом свете трудно выделить какую-либо «основную тему» этого номера. И всё же остановлю ваше внимание, как минимум, на двух явлениях.

Это университет и мечеть в марокканском Фесе — знаменитый Аль-Карауин, самый древний, действующий ныне вуз современного типа. Оглядываясь на его опыт, позднее появились и Сорбонна, и Оксфорд, и Кембридж... выросла европейская университетская высокая культура. Увы, почти забывшая о своих истоках.

И второе — также «хорошо забытое старое» — учение о тотальной Ми-

лости Бога, кораническое по происхождению, коренящееся в предыдущих формах Авраамического Единобожия (в Иудаизме и Христианстве). Это учение заново и ярко, на современном языке сформулировал выдающийся татарский богослов 20 в. Муса Биги. Его памяти в апреле 2016 года в Петербурге проходят Третьи международные Бигиевские чтения. Уникальный базис для межконфессионального диалога, для осознания общих корней культуры всех народов Европы и Азии.

Уверен — силам негативизма мы сумеем противопоставить лучшие традиции духовных школ наших народов. «Исламская культура» — не отвлечённая «теоретическая» дисциплина. Скорее, это знания, жизненно необходимые каждому в наше время.

*Главный редактор журнала
«Исламская культура»
Сергей Маркус
Москва, март 2016 года*

Ризаэтдин Фахретдин

НАЧАЛО ГОДА У МУСУЛЬМАН

Новый год сто лет назад —
взгляд мусульманина

6

Если сейчас выражение «новый год» у большинства из нас ассоциируется с датами 31 декабря — 1 января, то наши предки из числа мусульмане, говоря эти слова, подразумевали **1 мухаррама**.

Да, к сожалению, сейчас исламский календарь стал не ежедневным, а сезонным — мы вспоминаем о нём лишь тогда, когда наступает месяц Рамадан, в два праздника и некоторые исламские даты. Раньше же даже совсем не религиозные издания использовали в своих выходных данных две даты — **христианскую и исламскую**.

В одном из номеров журнала «Ан» напечатан опрос, связанный с наступившим **новым 1332 годом**: «Что вы желаете в новом году?» Интересно почитать ответы разных общественных

и политических деятелей того времени, ведь многие из них актуальны и сегодня.

Например, **мирза И. Терегулов** ответил на русском языке: «Отъ души желаю мусульманамъ воспользоваться плодами просвещенія и служить возвеличенію нашего дорогого отечества Россіи». **Галимжан Баруди** дал религиозное пожелание: «С помощью Аллаха начался новый исламский год, в связи с чем желаю в будущем для нашей нации развития и исправления. Будь то молодёжь или старики, всей своей душой, даже всем своим существованием желаю им в делах прогресса и национального развития прилагать максимум усилий и при этом очень крепко держаться религии, так как знаю, что счастье нации заключается в этом».

Шахар Шараф ответил так: «Желаю своему народу делам уделять больше внимания, чем словам, а так-

же быстрого развития, как это было у мусульман первых двух веков. По случаю нового года всем мусульманам желаю оживления и стремления к развитию и просвещению, подобному тому, как после переселения вся Аравия ожила и пришла в движение».

Новогодние номера детских журналов украшали соответственно. Например, на обложке московского журнала «Тарбият аль-Атфаль» («Воспитание детей»), нарисован сюжет, где старый год в виде старика, выкинув листок с цифрой прошлого 1334 года, уходит восвояси, а новый

год в виде мальчика, спешит, держа листок с написанным на нем новым 1335 годом (смотрите фото).

Внимание к новому году по мусульманскому летоисчислению не оставалось только на страницах газет и журналов, городская интеллигенция, подражая русским согражданам, устраивала праздники, особенно интересно они проходили для детей.

Предлагаем вашему вниманию текст, который сто лет назад, в 1915 г. н. э. опубликовал выдающийся деятель российского ислама **Ризаэтдин Фахретдин:**

Шура. 1915. № 21.

Начало года у мусульман

27 день прошедшего октября (вторник) по арабскому и хиджрийскому календарю стал началом нового года. Завершился 1333 год, и с 27 октября начался 1334 год. Если сказать иначе, с момента переселения прошло 1333 года. Если же считать по солнечному календарю, то с момента хиджры прошло 1293 года.

Пусть новый год станет благословенным для всех мусульман земли и всем людям подарит спокойствие, мир и любовь, пусть увеличатся знания, и все обретут радость и раздолье.

Несмотря на то, что новый год известен всем, как память о том, что к Посланнику Аллаха после трудностей пришло облегчение, и ислам стал преобладать, всё же хотим ещё раз напомнить об этих событиях, ведь как сказал поэт:

Ещё раз вспомни для нас Нумана,
ведь память о нём,
Как мускус, который всякий раз свой
запах отдаёт!

Я учился в простом деревенском медресе. За исключением, может быть, одного года, всё наше обучение прошло в нём. С детства и до того, как я, завершив свою учительскую деятельность хальфы, покинул медресе, прошло много лет, однако, по причине отсутствия периодической печати, неиспользования ни одного вида ежегодных календарей [в это

время уже издавались календари Габдуль-Каюма хазрата (Габдуль-Каюм Насыри — основатель татарских календарей, которые он издавал четверть века — прим. пер.), но они не распространялись в сёлах, и народ их не знал. Муллам был известен маленький календарь «Гурралек», но большинство из них не умело пользоваться им, да и сама книга на весь уезд была лишь у двух-трёх человек], никому и в голову не приходила мысль о начале нового года, и начиная с детей до бородатых учителей, никто и не знал, какой год шёл по хиджре.

Сейчас ситуация поменялась коренным образом. Не только учителя в медресе, но и школьники знают, что это за день — первое мухаррама, и память о каких событиях он хранит.

Посланник Аллаха (мир и благословение Аллаха ему) с начала откровений прожил в Мекке 13 лет. По велению Аллаха он призывал людей к вере. Этот призыв вначале был тайным, потом он начал призывать открыто. Арабы Мекки были очень высокомерными. Ко всему прочему они предпочитали жить по-старому, считали своей обязанностью хранить обычаи и традиции своих предков, не хотели видеть новизну и даже малейшее изменение устоев.

Движение Посланника Аллаха они сочли за нововведение, восприняли его, как разрушение традиций предков и прокладывание совершенно нового пути, поэтому приложили

все силы для борьбы с этим делом, который задевал их душевные чувства.

По этой причине Посланник Аллаха претерпел множество трудностей, вынужден был услышать слова, которые не говорят даже самому последнему человеку, ему много вредили, что огорчало и печалило его. В минуты, когда его одолевали беды, которые трудно выдержать, он молился: «О Аллах! Если Ты не будешь гневаться на меня, то остальное я вытерплю», — успокаивая этими молитвами своё сердце.

Рассказывать об этом можно долго, всё это описано в книгах по истории и биографии Пророка (мир ему и благословение).

Жители Медины поехали в Мекку и, став мусульманами, вернулись обратно. Они дали друг другу слово защищать Пророка. Это тайное собрание стало каким-то образом известно мекканцам и всколыхнуло их. Они стали ещё больше притеснять Посланника Аллаха и его сподвижников.

Поэтому Посланник Аллаха приказал сподвижникам переселяться в Медину, а сам остался в Мекке, ожидая приказа Аллаха. Сподвижники с целью сохранения религии, поклонения Аллаху в спокойствии начали поодиночке тайно покидать Мекку. В конце концов, в Мекке возле Пророка остался лишь Абу Бакр, Али и несколько слабых верующих, которые не смогли уехать из Мекки.

Когда Абу Бакр спросил разрешения уехать в Медину, Посланник

ответил ему: «Потерпи, возможно, и мне придёт повеление», — и оставил его с собой.

В эти самые дни предводители арабов собрались в своём доме советов «Дар ан-Надва» и совещались о том, что им делать с Пророком. Они приняли решение убить его и стереть его религию, чтобы и следа от неё не осталось.

Пришло веление Аллаха переселиться в Медину, и Пророк сообщил об этом Абу Бакру. Абу Бакр приготовил к этому моменту двух верблюдов и нанял одного многобожника в качестве проводника.

В соответствии с прежней договорённостью неверные собрались возле дома Пророка, чтобы совместно убить его, когда тот выйдет утром из дома, и начали ждать.

Посланник Аллаха оставил на своей постели Али, а сам вышел на улицу. Идолопоклонники дремали и не заметили выхода Пророка. Пророк прочитал аят из суры «Ясин»: «Мы установили преграду перед ними и преграду позади них и накрыли их покрывалом, и они не видят» (Св. Коран, 36: 9) и прошёл мимо них незамеченным.

Вскоре он встретился с Абу Бакром, и они вышли из города, и пошли к горе Саур, а оттуда направились в Медину.

Арабов, которые вынудили таким образом покинуть родные места человека, где он родился и вырос, и заставили его переселиться на чужбину; человека, от которого никому

не было вреда, который был носителем нравственности и чистоты, у которого не было иных прозвищ, кроме как «Правдивый» и «Честный», отца большого семейства, который перешёл пятидесятилетний рубеж жизни, скорее надо пожалеть, чем ругать.

Когда ночью он в одиночестве покидал свой дом, какие мысли, какие расчёты и думы посетили, какие переживания обуяли его, думал ли он о своих прошлых днях или о том, что его ожидает — этого нам уже не узнать.

Посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) 17–20 сентября 622 года (8 раби аль-авваль) в понедельник вошёл в селение Куба и пробыл здесь до четверга. А в пятницу 12 раби аль-авваль (21–24 сентября) он почтил Медину своим прибытием и совершил пятничную молитву.

Это переселение (хиджра) стала причиной великой революции для исламского мира. Мусульмане избавились от притеснений и обид, чинимых идолопоклонниками, стали совершать свои поклонения открыто, никого не боясь, смогли

распространить символы ислама. В результате ислам стал известным и открытым для всех, арабы толпами стали принимать религию Аллаха, в Аравии наступил мир, а призыв «Спешите к спасению!» донёсся до небес.

* * *

Мусульмане в память об этом событии сделали его началом своего летоисчисления. Каждый раз при наступлении нового года они вспоминают эти события, своими мыслями улетают далеко в Мекку, где видят трудности, а потом переселяются в Медину, где обретают спокойствие. Это даёт им понимание того, что после каждой трудности наступает облегчение, обновляется вера в то, что милость Всевышнего безгранична.

Несмотря на то, что переселение случилось через два месяца после месяца мухаррам, который является первым месяцем года, начало года мусульмане не стали менять и оставили как есть.

*Вступительное слово и перевод
с татарского Фатих Хабибуллин*

АБУ ХАНИФА И ЕГО 12 ПРИНЦИПОВ

Имам Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) в своих суждениях избегал любой подражательности. Это хорошо понимал его учитель Хаммад ибн Сулейман. Тем более что Абу Ханифа спорил с ним по всем вопросам, всегда обо всем подробно расспрашивал, ни одну мысль не принимал до тех пор, пока сам всесторонне ее не продумает.

Именно в связи с таким пониманием, вне Корана, сунны и фетв асхабикирама он чувствовал себя довольно свободно, считал себя в праве подвергать сомнению утверждения табинов, и соглашался с ними только проверив их правильность.

В связи с этим, Ибн Абдульбар в своем произведении под названием «Аль-Интика» приводит следующий рассказ Саида ибн Арубь: «Я приехал в Куфу и принял участие на встречах с Абу Ханифой. На одной из них он помянул Усмана ибн Аффана и вознес ему много благодарности. Я сказал ему, что не встречал в этих краях никого кроме него, кто возносил бы благодарности Усмани (пусть Аллах будет им доволен)». Как видим, он не

старался угодить народу или правителям, не боялся раствориться между правящими кругами и народом, не поддавался воздействию чувства любви или ненависти. Он неукоснительно двигался по известному ему истинному пути.

Сам Абу Ханифа так объяснил свой метод и его применение: «Я глубоко почитаю все, что пришло от Пророка (с.а.в.). К дошедшему от сахабов отношусь избирательно. А что касается всего вне этих пределов — и они люди, и мы люди». В одном из преданий Яхъя ибн Маин говорит, что в беседе с Саури и еще с одним человеком Абу Ханифа сказал: «(Сначала) я посмотрю на книгу Аллаха. Если там не найду, буду действовать по сунне Расульуллаха (с.а.в.). Если и там не найду, буду смотреть на слова сахабов Пророка (с.а.в) и оттуда возьму то, что мне нужно. Однако если вопрос дойдет до Ибрахима, Шаби, Хасана, Аты, то я тоже буду совершать иджтихад, как и они»¹.

¹ Каусари, упоминаемое произведение, с. 89–91.

Это и есть тот метод, на котором по его собственным словам он построил свой мазхаб. Конечно же, это вовсе не значит, что он совсем не брал во внимание утверждения табиинов. Он делал лишь выбор среди их высказываний. В большинстве случаев он отдавал предпочтение взглядам Ибрахима ан-Нахаи, как родоначальника иракского направления в фикхе.

Даже можно выразиться и таким образом: когда он не мог определить свою позицию в каком-то спорном вопросе, он подражал Ибрахиму ан-Нахаи. Хотя некоторые и утверждают, что муджтахиды не должны подражать, но правда состоит в том, что в подобных случаях у всех муджтахидов есть элементы подражания. Более поздние специалисты по методам ханафитского фикха еще более четко определили эти принципы. В соответствии с ними доводы ханафитского фикха строятся в такой последовательности:

1. Коран;
2. Мутаватир, машхур и ахад хадисы;
3. Иджма;
4. Взгляды сахабов, если они полностью не противоречат киясу;
5. Кияс, традиция, практика и т. д.

Захид аль-Каусари по-другому рассматривал эту проблему. Согласно Каусари, Ирак вовсе не является бедной областью со стороны распространенности хадисов. Однако у Абу Ханифы отличные от других требования к принятию хадисов. Он не при-

надлежит к группе тех мухаддисов, которые интересовались только хадисами, их изучением, запоминанием и передачей. Вот что об этом говорит Каусари в своей книге под названием «Таниб-уль-Хатип» (стр. 152–154): «Те, кто делает предположения о том, что Абу Ханифа знал мало хадисов, не соглашался с хадисами и брал слабые хадисы, не знают, какие требования выдвигали имамы к принятию хадисов, и взвешивают уровень знаний имамов-муджтахидов на весах испорченными гирями.

У Абу Ханифы имеется ряд сформулированных принципов для принятия заключения о каком-либо предписании. Те, кто его обвиняют, понятия не имеют об этих принципах. Самые важные из этих принципов следующие:

1. Имам Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) принимал во внимание переданные заслуживающими доверия людьми сообщения, которые не противоречили более сильным по сравнению с ними доводам.

2. Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) оценивал ахад хадисы в соответствии с общими основами, выработанными им в результате подробного изучения всех источников исламского права. Если ахад хадисы противоречили этим основам, то из двух доводов он выбирал более сильный. Давая предпочтение упомянутым основам над противоречащими хадисами, он исходил из того, что эти сообщения являются исключением. В произведении Тахави под

названием «Магани-аль-Асар» приведено много примеров на эту тему. Здесь не отвергаются сахих хадисы. Напротив, имеется противодействие только тем хадисам, которые по мнению муджахидов являются второстепенными и слабыми.

3. Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) оценивает ахад хадисы в соответствии с общими суждениями и с прямым значением выражений Корана. Тут есть одно положение, требующее внимания. Имам Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) приводит такой пример: в соответствии с хадис-шарифом «таваф вокруг Каабы является намазом» нельзя делать таваф без омовения. Однако в аяте «пусть совершают таваф» слово «таваф» употребляется в точном и узком значении. И делает фарзом только совершение тавафа. В дополнение к нему не делает фарзом или ваджибом совершение омовения. Когда говорится, что надо поступать в соответствии с аятом, а не с хадисом, имеется в виду следующее: аят устанавливает категоричное предписание, а хадис говорит о предположительном.

В данном аяте указано, что омовение в период тавафа не является фарзом. Поскольку хадис сообщает лишь о предположительном, он не может спорить с аятом по поводу обязательного предписания. Однако хадис не отбрасывается полностью. Из-за того, что в нем говорится о предпочтительном, то принятие омовения в период совершения тавафа становится сун-

натом. Не фарзом. То есть, в аяте закрепляется фарз, а в хадисе суннат.

4. Принимая ахад хадисы, Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) обращает внимание тому, чтобы они не противоречили известному суннату, будь то во взглядах или в действиях.

5. Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему), принимая ахад хадис, ставит условием его непротиворечие равному с ним хадису. Года два хадиса не согласуются друг с другом, по некоторым причинам он отдает предпочтение одному хадису перед другим. Имеется ряд особых причин, по которым делается предпочтение в таких ситуациях, например, один из передатчиков хадиса является факихом или обладает более широкими познаниями по сравнению с другим.

6. При принятии ахад хадиса, Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) ставит дополнительным условием, чтобы его передатчик не противоречил другим переданным им самим хадисам.

7. По сообщению Ибн Раджаба (пусть Аллах будет милостив к нему), если Абу Ханифа находил в одном из двух хадисов какое-то различие в плане доказательств или в тексте, то из предосторожности не принимал это дополнение при отсутствии других причин, делающих это необходимостью.

8. Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) не руководствовался одиночным хадисом в тех случаях, когда речь шла об «умуми белва», т.

е. о таком фарзе или хараме, с которыми каждый человек неизбежно сталкивался каждый день или повторяющимися очень часто. В таких ситуациях необходимо, чтобы хадис был машхуром или мутаваतिром.

9. Есть еще один принцип Абу Ханифы (пусть Аллах будет милостив к нему) в отношении ахад хадисов — это чтобы ни один из предшественников не подвергал этот хадис критике или порицанию.

10. При наличии отличающихся преданий по вопросам наказаний и ограничений Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) выбирал более легкий вариант.

11. Согласно Абу Ханифе (пусть Аллах будет милостив к нему) непременным условием является способность передатчика хадиса помнить наизусть предание с того момента, когда он его услышал до времени его передачи.

12. В том случае, когда передатчик хадиса не помнит, от кого он его услышал, Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) считает его записи в основном не заслуживающими доверия.

13. Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) среди ахад хадисов отдает предпочтение тем, которые подтверждены другими хадисами.

14. Один из принципов Абу Ханифы (пусть Аллах будет милостив к нему) по поводу хадисов состоит в том, чтобы сообщение не шло вразрез всему тому, что применялось в любой стране или городе, где находились са-

хабы и табиины. Лейс ибн Сад в своем письме Иمامу Малику пишет: «Неправильно, опираясь на слова некоторых более поздних ученых, считать слабыми со стороны доводов часть тех хадисов, которые были приняты Абу Ханифой».

Потому что Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к нему) близко был знаком с положением передавших эти хадисы шейхов. В основном между ним и сахабом было не более двух передатчиков. Знание Абу Ханифой большого количества хадисов становится очевидным из тех доводов, которые он приводит в разных разделах фикха. Эти хадисы находятся в семнадцати муснадах, собранных его выдающимися учениками и другими знатоками хадисов. А кроме того, Хатиб аль-Багдади привез с собой в Шам произведения Ад-Даракутни и Ибн Шахина под названием «Муснад Абу Ханифы». Эти два муснада не входят в число тех упомянутых ранее семнадцати сборников хадисов. Муваффах аль-Мекки в книге «Менакип» (1/96) пишет: «Как говорил Хасан ибн Зияд, Абу Ханифа (пусть Аллах будет милостив к ним) передал четыре тысячи хадисов, из которых две тысячи передал от Хаммада, а остальные две тысячи от других знатоков хадисов»².

Источник:

<http://www.islamsng.com/sng/faces/9960>.

По материалам Muftayat.kz

² Захаби «Менакибу'ль-Имам Абу Ханифа».

Муфтий Гайнутдин

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ В ЛОНДОНЕ

*Выступление муфтия шейха Равиля Гайнутдина
на XI Международном мусульманском форуме
«Религия, идентичность и интеграция в условиях ценностных
трансформаций» 15 декабря 2015 года в Лондоне.*

*Уважаемые участники XI Между-
народного мусульманского форума!*

Современный глобальный мир — это мир, полный тревог и опасностей, новых вызовов времени и угроз не только взятому государству или народу, а всему человечеству. В этом контексте нас мусульман, представителей глобальной исламской уммы, чрезвычайно тревожит судьба исламского мира, сердцевиной (или heartland) которого является Ближний Восток.

На протяжении последних столетий мир ислама пережил большое число потрясений: колонизация и потеря суверенитета целым рядом му-

сульманских государств. В XX веке мусульманские народы, освободившись от колониального гнета, прошли сложный путь построения самостоятельных национальных государств, провели важные демократические, экономические и социальные реформы. Однако часто высокой платой за модернизацию общества становился отказ от своих религиозных корней и заимствование ультралиберальных ценностей. Смена парадигмы в развитии государственного устройства и идеологии привела в конечном итоге к коллапсу, что мы и увидели на примере арабской весны. Насаждаемая силой оружия, массивными информационными атаками и финанси-

рованием фитнеса псевдодемократия стала в XXI веке новой формой колониализма.

Между тем в странах Запада идеология ультралиберализма, влияние глобализации во многом исчерпывают себя. Кровавое преступление Андерса Брейвика в 2011 году, уход в Сирию молодых европейцев, поддавшихся на соблазны вербовщиков ДАИШ, теракты в Париже — за этим перечнем не случайных событий однозначно видится призрак самоуничтожающейся Европы, которая переживает тяжелейший кризис идентичности. Этот кризис еще не в полной мере осознан на уровне европейских обществ и правительств, однако в него втянуты уже десятки и сотни тысяч граждан. Он имеет непосредственное отношение к судьбам миллионов людей. Большинство из них разочарованы в идеях либерализма, глобализации и ищут им альтернативу. ДАИШ выдает себя за одну из таких альтернатив.

Любому здравомыслящему человеку сегодня ясно, что после ноябрьской трагедии в Париже Европу ждет резкое усиление националистических настроений и выход праворадикальных сил на политическую авансцену. После 13 ноября 2015 года либеральный политический дискурс будет неизменно терять свое влияние и в ближайшие годы как минимум утратит свое лидирующее положение даже в Западной Европе.

В то же время мусульманский мир находится в состоянии мучительного

поиска новой исламской политической идентичности, переосмысления своей политической субъектности. И в этот драматический момент, воспользовавшись идеологическим и политическим вакуумом, на арену вышла террористическая организация ДАИШ, которая утверждает, что знает рецепт правильного построения политического будущего уммы. ДАИШ смогла привлечь на свою сторону большое количество молодежи именно потому, что выступил с манифестацией политической самостоятельности и решил немедленно продемонстрировать ее на практике, не считаясь ни с чем и ни с кем.

Но можем ли мы смириться с идеей построения так называемого «Исламского государства», террористическая и разрушительная деятельность которого запрещена во многих странах мира?!

Совершенно очевидно, что нет. Мы отвергаем методы псевдоисламского халифата, ценой построения которого сегодня становятся жизни десятков и сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Проблема в том, что альтернативной повестки дня для уммы нет, она не сформулирована, и ответственность за это во многом лежит на мусульманских богословах. Те штампы, в плену которых сегодня находится развитие богословской мысли, не дают возможности ответить на вызовы времени.

Чрезвычайно важной является задача преодоления узости мышле-

ния, охватившей мусульманский мир и, прежде всего, отдельных его богословов. Мы исходим из того, что Коран изначально ниспослан как величайшее гуманистическое откровение, в котором центральное место занимают достоинство человека, гармония и справедливость в обществе. Мы стоим перед выбором: или ислам XXI века будет столетием расцвета коранического гуманизма, или внутри нашей уммы продолжатся негативные процессы радикализации ее части.

Для торжества принципов коранического гуманизма необходимо бороться также и с недоверием к разуму. Всевышний постоянно призывает нас в Коране: «задумайтесь», «наблюдайте», «осмыслийте». При этом знамения Всевышнего — айаты даны не только в Книге, но и явлены нам и в мире, и в самом человеке: «Мы представим им айаты Наши во Вселенной и в них самих», — говорится в Священном писании (41:53). Между тем таклид и интеллектуальная косность ведут к тому, что личное мнение какого-либо средневекового ученого-факиха теперь ставится выше современных доводов разума.

Сегодня требуется борьба с внутренней замкнутостью уммы, с ее герметичностью. Иначе говоря, необходимо преодолеть мотивированное «богоизбранностью» стремление многих членов уммы изолировать себя от внешнего мира и от «неверных». В политическом плане такая изоляция получила отражение в концепции

деления мира на дар аль-ислам, дар аль-куфр и дар аль-харб. Эта система работает лишь в контексте юридического понимания веры. Онтологически же дар аль-ислам является любая территория, где живут мусульмане, то есть смиренные перед Богом. Кроме того, даже те, кто юридически считаются мусульманами, живут теперь во всем мире, так что средневековое деление вдвойне теряет свою актуальность.

Отказ от эксклюзивизма и закрытости уммы предполагает также открытость внешнему опыту, непредвзятую рациональную оценку этого опыта с опорой на Коран и аутентичную Сунну. Мусульмане должны осмыслить наследие других цивилизаций и выработать собственную позицию по поводу этого наследия. Если этого не будет сделано, то в интеллектуальной сфере продолжится господство «ориентализма» в той ее форме, которая критиковалась Эдвардом Саидом и его последователями.

В контексте угроз, вызывающих сегодня серьезную обеспокоенность состоянием, образно говоря, экологии духа — как внутри исламского мира, так и во всем человечестве, нельзя не сказать и о тех катастрофах природного характера, к преодолению которых мы должны также вместе готовиться.

И я перехожу ко второй ключевой теме моего выступления, связанной с экологией природы на нашей общей планете.

Если кратко суммировать сказанное на Климатической конференции ООН, недавно прошедшей в Париже, повышение температур происходит в большинстве стран того географического пояса, где преимущественно проживают мусульмане. Это приведёт к тотальным явлениям: к засухе, выгоранию плодородных слоёв почвы, высыханию источников пресной воды.

Специалисты предупреждают нас: надвигается небывалая в истории катастрофа и предотвратить её имеющимся в распоряжении инструментарием крайне трудно, если не сказать, что практически невозможно. Следовательно, если мы неотреагируем на это новыми методами, мир столкнется с массовой гибелью людей и животных этого пояса, а также вынужденным их переселением в более северные широты. Прогнозы тотального бегства таковы, что все нынешние проблемы с миграцией переселенцев из Ближнего Востока в Европу, покажутся несравненно лёгкими.

Подобную мысль накануне Климатической конференции высказывал принц Уэльский Чарльз. Он заявил, что терроризм и миграционный кризис в Европе связаны с изменением климата, а экологические проблемы, возможно, являются одной из главных причин проблем в Сирии.

Из уст и других публичных политиков приходится слышать, что на смену привычной дихотомии «Запад-Восток» приходит оппозиция «Юг-

Север». Раскола человечества следует ожидать по границе, которая обусловлена близкой к биологическому выживанию формулой «сытый-голодный».

Вымирающий от засухи, жажды и голода безводный Юг в поисках спасения устремится на Север и его жизнеобеспечивающим ресурсам. Как в этом случае люди Севера встретят переселенцев с Юга? Новым железным забором и противостоянием вооруженной полиции и регулярных войск?

В этом контексте вновь особое звучание приобретает коранический гуманизм, следуя которому открываются гуманистические подходы, заложенные в Священном Коране, по регулированию межчеловеческих, межгосударственных отношений, разумному распоряжению природными богатствами во благо всех живущих на земле.

В Коране сказано: «Мы создали вас лучшей из общин...», а также «сотрудничайте в добре и благочестии...». А значит, мусульмане должны думать и о том, как приложить усилия к налаживанию конструктивного и плодотворного диалога между благополучным Севером и находящимся на пороге экологического бедствия Югом.

Мусульманам сегодня важно иметь собственное видение и по таким вопросам, как в дальнейшем будут развиваться сложносоставные и мультикультурные общества, какой мы представляем себе будущее Евро-

пы, исламского мира и всего человечества.

Значительная часть российских мусульман является приверженцами традиционных и консервативных ценностей: семья как институт, предписанный Аллахом, прочность семейных уз между мужчиной и женщиной, установленное Богом естественное продолжение рода человеческого и отношение к человечеству как к единой семье, в которой нет

преимущества одного над другим, кроме богобоязненности.

В этой мысли нас укрепляет многовековой опыт мирного проживания мусульман в России — многонациональном и многоконфессиональном обществе, где на самом высоком уровне ислам признается неотъемлемой частью национальной идентичности и важным элементом российского культурного кода.

Благодарю за внимание.

Источник: <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusopinions/38444/>

Аятолла Макарем Ширази

ИСЛАМ И РАБСТВО

20

Критики Ислама необоснованно обвиняют эту религию в дозволенности рабства и рабовладельческих отношений. Обнаружив в аятах Священного Корана ряд шариатских положений, в которых содержится упоминание о рабах, эти люди начинают придираться к Исламу и мусульманам. Они говорят: Почему исламская религия, в которой так много сказано о возвышенном положении человека, не упразднила рабство?! Почему она одним божественным повелением не отменила рабовладение и не освободила всех рабов?! Ведь свобода и независимость это право каждого человека. Почему один человек должен быть имуществом другого человека? Почему он должен лишаться свободы, которая изначально была дарована ему Творцом?

Но данная критика необоснованна, так как исламская религия не позволяет рабство. Ислам упразд-

нил рабство, но сделал это не сразу, а постепенно, на что были причины. С момента своего возникновения Ислам предоставил в распоряжение мусульман четкую и последовательную программу для отмены рабства и постепенного освобождения всех рабов. Эта программа разработана таким образом, что ее претворение в жизнь не вызовет никаких негативных последствий в обществе.

Ислам никогда не был основанием рабовладения и рабства. Исламская религия возникла в эпоху, когда на земле процветал рабовладельческий строй и все человечество в той или иной степени имело отношение к рабству. Религия единобожия всегда призывала людей к счастью и свободе, всегда воспринимала рабство как опухоль на теле человечества, как большую беду для всестороннего развития человеческого общества. Ислам не мог спокойно взирать на

несчастную судьбу рабов, которых лишили всех привилегий свободного человека. На протяжении истории рабство неизменно сопровождалось несправедливостью, унижениями и страданиями. Поэтому Ислам не обошел стороной эту большую тему и предоставил человечеству мудрую программу, претворение в жизнь которой искореняет рабство и рабовладельческие отношения.

Исламская программа для освобождения рабов

По обыкновению, большая часть людей не придает значения тому, что если в обществе укоренилась какая-либо ошибочная традиция, то для ее искоренения требуется определенное количество времени. Если попытаться изжить ошибочную традицию сразу и без подготовки, вырвав ее с корнями и не составив определенного плана действий, то это непременно повлечет за собой отрицательные последствия. Это можно сравнить с ожиревшим человеком, решившим похудеть. Если хирургическим путем удалить все его жировые отложения, то такая операция может стоить ему жизни. Поэтому ожиревший человек садится на специальную диету, придерживается рекомендаций диетолога и постепенно снижает свой вес. Если бы Ислам на заре своего становления повелел бы разом освободить всех имеющих на тот момент рабов, то они столкнулись бы с огромными трудностями и многие из них навер-

няка погибли. Ведь рабов в то время было немало, и они не имели ни работы, ни доходов, ни собственного жилища, у них не было абсолютно ничего, посредством чего они могли бы продолжить свою жизнь. Если бы в условленный час всем рабам была предоставлена свобода, то в тот же миг в обществе возник бы значительный слой населения, не обладающий средствами к существованию. Они не только подвергли бы опасности свои жизни, но и причинили бы немало беспокойств остальным людям, представляя угрозу для общественной безопасности. Поскольку нужда и безвыходное положение могли заставить их посягнуть на жизнь и имущество других членов общества. По этой причине свобода рабам должна быть дарована постепенно, чтобы не подвергать опасности ни жизни самих рабов, ни жизни остальных людей. Ислам дал человечеству именно такую постепенную и мудрую программу для освобождения рабов. Данная программа имеет несколько важных пунктов:

Пункт первый — искоренение истоков рабства

Рабство на протяжении истории человечества имело несколько истоков. Рабами становились военнопленные. В рабство попадали должники, не способные рассчитаться с долгами. Зачастую рабами становились те, кто не имел возможности противостоять могущественным угнетателям. Во

всех случаях они лишались свободы и права на свободное передвижение. Но исламская религия провозгласила, что превращать кого-либо в раба запрещено. Отныне ни один человек не имеет права отнимать у другого свободу, которую даровал ему Аллах. Исключения составляют только военнопленные, попавшие в плен после окончания битвы. И нет в этом исключении ничего удивительного и аморального, так как после каждой битвы часть побежденных оказывается в руках победителя. И что же с ними делать? По законам военного времени их нужно или убить или взять в плен, ибо если их отпустить, то они соберутся силами, и вновь будут воевать с победителем. Это понятно каждому здравомыслящему человеку. Ислам избрал второй путь решения, то есть побежденных не нужно лишать жизни, их нужно взять в плен. Но обращаться с ними следует хорошо. Даже если до пленения они совершали угнетение по отношению к верующим, то после того, как попали к мусульманам в плен, они являются божественным аманатом в руках мусульман. Необходимо соблюдать их права, о которых сказано в хадисах от непорочных имамов. Имам Али (да будет мир с ним) говорил: «Кормить пленного и хорошо относиться к нему обязательно, даже если завтра его поведут на казнь» [Васаиль аш-шиа, т. 15, с. 92].

Что касается участи военнопленных после окончания войны, то Ислам предписывает три вида решения:

1. Освобождение без каких-либо условий и требований;
2. Освобождение с условием выплаты выкупа.
3. Рабство пленного.

Конечно же, выбор одного из трех решений должен быть согласован с имамом и предводителем мусульман. Он в свою очередь должен принять во внимание условия содержания военнопленных, пользу и выгоду мусульманской общины, внутреннее положение общины и внешнюю угрозу. После этого ему необходимо дать приказ, что делать с пленными. В эпоху становления Ислама предводитель мусульман, учитывая все обстоятельства и пользу для религии, иногда запрещал освобождать военнопленных. В те далекие годы не было больших тюрем, где можно было содержать пленных до окончательного решения об их судьбе. Поэтому мусульманам не оставалось ничего другого, как брать пленных к себе домой и содержать их в качестве рабов. Следует заметить, что их содержание в домах мусульман зачастую становилось причиной того, что они принимали Ислам и становились последователями новой религии.

Пункт второй — предоставление свободы

В исламской религии существует множество заповедей касательно освобождения рабов. Эти заповеди были направлены на то, чтобы в течение недолгого времени рабам была

предоставлена свобода и чтобы они имели возможность ознакомиться с исламским учением. К некоторым из этих заповедей относятся:

1. Одним из восьми способов применения обязательного закята в Исламе является выкуп рабов, то есть приобретение рабов для их последующего освобождения.

2. В исламской религии предусмотрено, что рабы могут заключить договор со своим хозяином и по условиям этого договора получить свободу. В исламском фикхе существует целый раздел на эту тему.

3. Освобождение рабов названо в Исламе важным богослужением и считается одним из лучших благих деяний, влекущее награду обоим мирам Непорочные предводители мусульманской общины являются для человечества лучшим примером в освобождении рабов. В многочисленных книгах сказано, что на заработанные собственным трудом деньги они выкупили и освободили тысячи невольников.

4. Безгрешные имамы если и имели рабов, то освобождали их при первом удобном случае и под самым незначительным предлогом. Этим они давали пример мусульманам. Пишут, что однажды некий раб, живший в доме Имама Бакира (да будет мир с ним) совершил благое дело. После этого имам сказал ему: «Иди, впредь ты свободен. Я не желаю, чтобы обитатель райских садов служил мне» [Ман ля йахдуруху аль-факих, т. 1, с. 27].

5. В мусульманских книгах встречаются хадисы, из которых следует, что через семь лет невольничества рабы становятся свободными независимо от желаний хозяина. В хадисе от Имама Садика (да будет мир с ним) сказано: «Верующий невольник через семь лет становится свободным независимо от того, желает этого его хозяин или нет» [Аль-Кафи, т. 6, с. 196].

6. За нарушение ряда запретов в исламской религии предусмотрено искупление, одним из видов которого является освобождение раба. Например, искупление за непреднамеренное убийство, искупление за умышленное нарушение поста, искупление за нарушение клятвы.

Пункт третий — возрождение личности рабов

После того, как мусульмане стали претворять в жизнь божественную программу постепенного освобождения рабов и искоренения рабства, они в том числе воплощали в жизнь заповеди, направленные на восстановление прав рабов и возрождение их личности. Ислам вопреки мнению доисламской эпохи не считал рабов и бывших рабов людьми второго сорта. Ислам не проводит различий в человечности свободных людей и рабов. Критерием превосходства одних людей над другими Священный Коран провозгласил богобоязненность и благочестие. По этой причине в исламской религии рабам и бывшим ра-

бам дозволено занимать любые общественные должности и посты, вплоть до того, что они могут взвалить на свои плечи важные судебные обязанности. В эпоху Посланника Аллаха (да благословит Аллах его и его род) рабы и бывшие рабы не были униженными и гонимыми. Нередко он назначал их предводителями войска и возлагал на них иные важные общественные обязанности. Многие из его сподвижников были рабами или бывшими рабами, например, Билал, Аммар Ясир, Салман Фарси, Канбар. Они были помощниками Пророка, они давали множество полезных советов свободным мусульманам. И никто даже не думал попрекать их прежним положением.

Пункт четвёртый — достойное отношение к рабам

В мусульманских источниках содержатся множество предписаний, в которых говорится о достойном и хорошем отношении верующих к рабам. В некоторых из них заповедано относиться к рабам как к самим себе, делая для них все то, что человек обычно делает для себя. Посланник Аллаха говорил: «Если верующий брат мусульманина является его слугой или невольником, то он должен кормить его той же едой, которую ест сам, и одевать его в такую же одежду, которую одевает сам. И на него не накладываются обязанности сверх его возможностей».

Пророк Ислама говорил: «Не возлагайте на раба труд, который он не в силах выполнить. Кормите его той же едой, которую едите сами». От него же передается: «Не называйте своих слуг рабами и рабынями, слугами и служанками. Обращайтесь к ним со словами «сынок» и «дочка».

Имам Садик рассказывал: «Когда мой отец давал своим слугам поручение выполнить какую-либо работу, то он смотрел, насколько сложна эта работа. Если работа была сложной, то он говорил «Бисмиллях» и начинал помогать слугам».

Пророк и безгрешные имамы были настолько заботливы и добры к рабам, что зачастую рабы, получив свободу, не хотели уходить от них.

Пункт пятый — торговля людьми наихудшее дело

Торговля людьми, то есть продажа и покупка рабов, является в Исламе наихудшим видом торговли. В хадиесе от Посланника Аллаха сказано: «Наихудшим из людей является тот, кто продает людей» [Аль-Кафи, т. 5, с. 114]. Одного этого пророческого высказывания достаточно для того, чтобы понять отношение Ислама к рабству и работорговле. Более того, одним из непростительных грехов в Исламе названо лишение людей свободы и их превращение в предмет торговли. Посланник Аллаха говорил мусульманам: «Всевышний Аллах может простить грехи всех людей,

кроме трех человек. Того, кто отказывается отдать супруге причитающийся ей махр. Того, кто присваивает плату рабочего. Того, кто продает свободного человека» (Мустадрак аль-васаиль, т. 13, с. 378)

Как уже было сказано ранее, Ислам позволяет брать людей в рабство лишь в одном случае — военнопленных после окончания битвы. И необходимо помнить, что это дозволенность, а не обязательство. Тогда как в немусульманских обществах рабовладение и работорговля всегда процветали в той или иной степени. История не забудет, как развитые государства совершали нападения на страны Африки, захватывали большое число их жителей и превращали их в рабов. Количество захваченных и проданных в рабство людей не поддается точному подсчету. Исследователи пишут, что в конце 18 века одна

только Великобритания в год совершала двести тысяч сделок по торговле рабами. Каждый год Великобритания захватывала сто тысяч жителей Африки и переправляла их в Америку в качестве рабов.

Итак, можно смело сказать, что люди, которые критикуют Ислам за рабство, на самом деле не познали истинного отношения этой религии к рабству. Они не имеют никакого представления об исламской программе, которая была направлена на постепенное упразднение рабовладения и работорговли. Претворение в жизнь этой божественной программы даровало свободу рабам, не допуская того, чтобы бывшие рабы и остальные люди столкнулись после освобождения рабов с многочисленными трудностями.

Перевод с фарси Айрата Баешева

Теймур Атаев,
Баку (Азербайджан)

МУСУЛЬМАНКА — ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОГО В МИРЕ УНИВЕРСИТЕТА

26

Знаете ли вы, что первый современный университет (старейший действующий вуз в мире) был основан мусульманкой?

Согласно portalу Книги рекордов Гиннеса, старейшим из существующих, постоянно действующих университетов в мире, является **Университет Аль-Карауин, основанный в 859 г. в городе Фес в Марокко** [1]. Сайт Центра всемирного наследия ЮНЕСКО также называет основанный в IX в. в Фесе университет «старейшим в мире» [2].

Ну а что стоит за этими скупыми строчками?

Так вот, основательница этого университета — **University of Karueein (Qarawiyyin, Quaraouiyyine) — принцесса Фатима Мухаммед аль-Фихри**. Это девушка, родившаяся в семье богатого тунисского купца Мохаме-

да Бен Абдалла Аль Фихри (выходец из Кайруана). Вместе с семьёй она переехала из Туниса в марокканский Фес, когда её отец решил расширить территорию своего бизнеса (по другим данным, бежал из страны. *Прим. авт.*).

После смерти отца прекрасно образованные Фатима и её сестра Мариам унаследовали значительную сумму денег. По словам д-ра Абдельхади Тази, Фатима, известная как Умм Аль-Банин («матерь сыновей»), с одобрения короля Яхьи (Йахьи I), представителя арабской династии Идрисидов, правившей на западе Северной Африки в 789–985 гг., решила использовать доставшуюся ей в наследство сумму для строительства мечети для её общины (тунисской). При этом девушка поклялась, что до завершения работ она будет соблю-

дать пост. Волею Аллаха, Фатима и осуществила первую молитву в построенной мечети, в качестве акта благодарности и признательности Всевышнему [3].

Мечеть, ставшая центром обучения и образования, была названа **Фатимой** в честь отца и его родины — **Аль-Карауин**. Став первоначально местом обучения религии и Корана, мечеть постепенно расширила функции. Здесь изучалась арабская грамматика, такие науки, как математика, астрономия, химия. Значительное место уделялось естественным наукам. Параллельно шло обучение исламскому законодательству, музыке, искусству ведения политических дебатов и т. д. [4].

Значимость Центра росла неимоверными темпами, в частности, многие из улемов — представителей маликитов — получили образование именно в стенах этого здания [5].

Традиция «женского начала» в образовательном процессе исламского мира продолжилась и далее. Так, в период династии Айюбидов (XII–XIII вв.) 26 из 160 функционирующих в Багдаде (Ирак) мечетей и медресе финансировалось женщинами при помощи вакуфа (имущество, предназначенное для религиозных или благотворительных целей). Среди патронировавших эти заведения по королевской линии — половину также составляли представительницы «слабого» пола [6].

Двери университета раскрыты для студентов и сегодня!

P.S. Что касается Мариам, она финансировала возведение мечети Аль-Андалус в том же Фесе [7].

Список источников.

1. Oldest university. URL: <http://www.guinnessworldrecords.com/world-records/oldest-university>.
2. Medina of Fez. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/170>.
3. The Al-Qarawiyyin Mosque. URL: <http://www.morocco.com/blog/the-al-qarawiyyin-mosque>.
4. *Larbi Arbaoui*. Al Karaouin of Fez: The Oldest University in the World. URL: <http://www.moroccoworldnews.com/2012/10/59056/al-karaouin-of-fez-the-oldest-university-in-the-world/>.
5. Josef W. Meri. Medieval Islamic Civilization. An encyclopedia. URL: https://archive.org/stream/MedievalIslamicCivilizationAnEncyclopedia/23186620-Medieval-Islamic-Civilization-An-Encyclopedia_djvu.txt.
6. James E. Lindsay. Daily Life in the Medieval Islamic World. Цит. по: Islamic feminism. URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Islamic_feminism#cite_ref-Lindsay_15-0.
5. Andalusian mosque. URL: http://www.discoverislamicart.org/database_item.php?id=monument;ISL;ma;Mon01;2;en.

Теймур Атаев

ХАЛИФ НА ЧАС

Хранит ли история факты реальности (жизненности) фразеологизма «Калиф на час»?

Студент — президент — калиф

28

Сегодня уже никого не удивляет проведение в университетах по всему миру т. н. «деловой игры», одной из разновидностей которой является как бы формирование студентами системы органов государственной власти страны (по месту функционирования конкретного ВУЗа). Игра позволяет осуществлять голосование, знакомиться с предвыборной программой кандидатов и т. д., главным итогом которых становится «избрание президента». Отметим, что речь здесь идет не о популярном студенческом самоуправлении, посредством которого учащиеся могут представлять интересы студентов перед администрацией учебных заведений. А именно о создании силами юношей и девушек прообраза (если можно так выразиться) государственной системы во главе с президентом. «Избранный» глава

страны предлагает различные пути к решению проблем и т. д.

Вполне очевидно, что с течением времени (завершение срока учебы студентов) «игроки» сменяются, а на место «экс-президента» заступают новые «лидеры». Возможно, как раз в свете скоротечного пребывания на своем посту «президента-студента», по отношению к ним нередко используется выражение «калиф на час». Но насколько верно применять это определение к данным случаям?

Действительно, согласно толковому словарю Ушакова, «калиф на час (книжн. ирон.) — это человек, наделенный или завладевший властью на короткое время» [1]. Допустим, студента реально «наделили» президентским статусом со всеми «полномочиями», но, опять-таки, становится ли он тем самым «часовым» калифом? Быть может, поспособствовать пониманию, применимо ли к описанной

ситуации столь популярное крылатое выражение, поможет небольшой экскурс в сказочное и исторически реальное пространство?

Ветер дует из «1001-й ночи»?

Происхождение фразеологизма связывают со сказкой из знаменитой «Книги тысячи и одной ночи» — «Халиф на час, или рассказ про Абу-ль-Хасана-Кутилу». По сюжету, популярный герой восточных легенд — багдадский калиф (производное от «халиф» — наименование верховного правителя мусульман в арабских странах до XIII в.) Гарун-аль-Рашид — позволил исполниться желанию одного из обычных жителей города — на небольшой промежуток времени стать халифом («повелитель правоверных», как фиксируется в сказке). Не будем описывать все перипетии, приведшие к данному шагу, ибо читатель беспрепятственно может ознакомиться с произведением [2], обратим лишь внимание, что мечта жителя Багдада была реализована необычным способом. Усыпленного Абу-ль-Хасана перенесли во дворец, где, очнувшись, он столкнулся с царскими почестями по отношению к себе. Однако, поверившего в свое перевоплощение в реального калифа и наслаждавшегося новым образом жизни Абу-ль-Хасана с помощью снотворного вновь усыпили, «доставив» к постоянному месту жительства.

Так вот, эта шуточная сказка часто называется источником рождения

фразы «Калиф на час». Признаем, что сказочная фабула вполне укладывается в понимание сути выражения.

Здесь, к слову, высвечивается параллель с популярным во всем мире рассказом Марка Твена «Принц и нищий», когда «Том Кенти, рожденный в лачуге, возвращенный в лондонских зловонных канавах, близко знакомый с лохмотьями, нищетою и грязью», волею обстоятельств приступил к «обязанностям» короля (на несколько дней) [3].

Говоря иными словами, под «калифом на час» подразумевается человек, внезапно оказавшийся первым лицом государства на кратчайший срок. Правда, как просматривается из сюжетов вышеприведенных произведений, осуществлялось это «революционное» с фактического согласия верховного правителя.

Другое дело, имелись ли исторические прецеденты в этом контексте, в неслучайном, так сказать, сценарии?

Марокканский город Фес. Век XIX-й

Одной из популярных традиций старейшего из существующих, постоянно действующих университетов в мире, Аль-Каруин — University of Karueein (Qarawiyyin, Quaraouiyyine, Фес, Марокко) [4], согласно марокканскому исследователю Ларби Арбуи, являлось избрание студентами «халифа на час». В частности, в преддверие весны, на университетском карнавале, учащиеся определяли

кандидатуру на должность правителя, в течение одной недели должно занимать этот пост. Получивший полномочия студент «имел честь в течение часа провести встречу с настоящим королем», во время которой «надеялся правом обсуждать с ним политические и религиозные дела, излагая в открытой форме собственные мысли и не опасаясь преследования» [5].

Возможно, кто-то к озвученной информации отнесется скептически. Однако, она подтверждается очевидцем самого процесса — русским писателем, путешественником и журналистом Василием Немировичем-Данченко (родной брат знаменитого театрального деятеля — Владимира Немировича-Данченко), посетившего Марокко в последней четверти XIX в. Он пишет, что его пребывание в г. Фесе, где ему удалось посетить знаменитый университет, «совпало с праздником карауинских студентов», на «целую неделю» выбиравших «себе своего султана, власть которого длилась от пятницы и до пятницы». «Участие в торжествах» принимал весь город: «кругом ярко, красочно, весело». Народ занимал всю громадную площадь перед университетом: «колышутся знамёна. Стоят всадники». И тут виднеется «слепительно белое», приближающееся «все ближе и ближе». Под «зелёным тюрбаном молодое, худое, с острыми хищными глазами лицо», это «и есть халиф на час». Султан студентов, «недельный шериф Карауина».

«Семидневный буффон-султан» начинает «эфемерное царствование с мечети. Тысячи студентов собираются туда и вместе с только избранным повелителем молятся». Студент «молится у самого михраба впереди, как сделал бы настоящий султан», его «поклоны и коленопреклонения являются сигналом для всех остальных».

«Вечером, приняв дани и дары, халиф на час едет к настоящему шерифу как равный к равному. Едва ли выход истинного шерифа так встречается народом. Со слепых стен опущены по всему пути ковры. На плоских кровлях воют и поют женщины, бросая ему лепестки цветов полными горстями. Перед ним бегут школы со знаменами и без знамен, стреляют ученики медресе», гудят большие медные трубы. Перед стенами дворца весь двор халифа, в воротах — «сам султан». Пожалуй, свидетельствует В. Немирович-Данченко, молодой шериф смотрел горделивее и держался в седле гораздо царственнее султана. Их взгляды «скрестились», а затем юноша «что-то очень долго и серьезно говорил» правителю. Последний, одарив своего визави подарками, произнес: «Сегодня же из тюрем и башен Феца будут выпущены на волю и помилованы все, кто принадлежит к племенам бени-Гассана! Доволен ли ты, брат мой?». «Семидневный халиф, выпросивший это своим родичам», низко склонил голову. После чего султан даровал «жизнь всем, кто до сих пор приговорен к смерти и

еще не казнен». Ну а после — «ночь сплошного грохота и стрельбы потешных праздников, ярких костров» [6].

Красиво, не правда ли?

Ну а что кроется за этой внешней красотой с точки зрения рассматриваемой темы? Наверное, ситуация, несколько приближенная к воплощению в реальной жизни смыслового значения выражения «калиф на час». Когда некто-студент «официально» становился главой государства при правящем властителе. Пусть номинально, но ведь данный процесс оформлялся на высочайшем уровне и в некоторых случаях воспринимался далеко не только игрой. Ведь султан, как мы увидели, прислушивался к просьбе «новоявленного» лидера.

Тем самым, в некотором смысле, сей фразеологизм оказался не только сказочным. Или, скорее, говоря сегодняшним языком, не до конца «виртуальным». И, как это кому-то не покажется парадоксальным, воплотился он, пусть, конечно, в эфемерном формате, в мусульманской стране. Следовательно, выражение «халиф на час» практическим образом нашло себе применение и в реальной жизни.

Другое дело, насколько данная картина может реализоваться сегодня

в странах, исповедующих Ислам (в аспекте имевшего место в марокканском Фесе)? Но это уже — отдельная тема.

Список источников.

1. «Калиф. Калиф на час». Статья из Толкового словаря Ушакова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/829782>.

2. «Халиф на час, или рассказ про Абу-ль-Хасана-Кутилу». Из «Книги тысячи и одной ночи». URL: http://gatchina3000.ru/literatura/sheherazade/1001night_0.htm.

3. *Марк Твен*. Принц и нищий. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=56028>.

4. Об университете см. подр.: Теймур Атаев. Мусульманка — основатель первого в мире университета. URL: <http://islamic-culture.ru/viewrubric.php?code=158f3069a435b314a80bdcb024f8e422>.

5. *Larbi Arbaoui*. Al Karaouin of Fez: The Oldest University in the World. URL: <http://www.moroccoworldnews.com/2012/10/59056/al-karaouin-of-fez-the-oldest-university-in-the-world/>.

6. Из воспоминаний В.И. Немировича-Данченко от посещения им Марокко. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XVIII/1760-1780/Ross_morocco/text7.htm.

Мунир Бейусов,
(Мунир-хазрат Бейусов)
Имам-хатъб Нижегородской
Соборной мечети

МУСУЛЬМАНИН НЕ СТАНЕТ УБИВАТЬ!

ПРОПОВЕДЬ

32

Дорогие братья и сёстры! Мусульмане! В течение последних двух недель в разных уголках мира произошли циничные и кровавые теракты. От рук преступников в Бейруте и Париже пострадали невинные граждане. Сотни семей потеряли близких родственников, маленькие дети остались сиротами, кто-то от полученных ранений будет страдать всю жизнь и останется инвалидом.

Мы молим Аллаха о том, чтобы Он принял души невинно убиенных верующих и наградил их Раем. Без всяких сомнений, Аллах накажет и покарает всех прислужников сатаны и гореть им в Аду! Кто совершает подобные чудовищные злодеяния не могут считаться мусульманами. До-

сточтимый Коран уподобил убийство одного человека убийству всех людей на земле:

«По этой причине Мы предписали сынам Исраила (Израиля): кто убьёт человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей» (5:32).

В большинстве своем, террористы ДАИШ (ИГИЛ) — это бывшие наркоторговцы и бандиты, ранее отсидевшие большие сроки в западных странах. Они, как правило, разыскиваются за торговлю оружием, насилие и участие в преступных группировках. Тот, кто называет себя мусульманином никогда не станет нарушать законы государства и тем более законы Аллаха. Настоящий мусульманин

только тот, от чьих действий не страдают окружающие. Посланник Аллаха говорил:

«Мусульманин — это тот от чьего языка и рук (зла) сохранены люди» (ан-Насаи, хасан-сахих).

Наоборот, религия Ислам учит распространять и творить добро, вселять в сердца людей надежду и спокойствие. Пророк Мухаммад описал верующего именно с такими качествами:

«Лучший из вас — тот, от кого ожидают добра, и сохранены от его зла, а худший из вас — от кого не ожидают добра, и не сохранены от его зла» (ат-Тирмихи, сахих).

Что отличает мусульман от террористов?

Мусульмане не проливают кровь и проявляют доброе отношение даже к врагам. Все наверняка по экранам телевизоров видели, как радикалы взрывали пленных, сжигали и резали их как животных. Пророк запрещал так поступать. Аллах говорит:

«Они (мусульмане) дают пищу беднякам, сиротам и пленникам» (76:8).

Все знают о десяти наставлениях Абу Бакра (да будет доволен им Аллах) воинам:

«Не предавайте и не будьте ненадежными или мстительными. Не калечьте. Не убивайте детей, пожилых людей и женщин. Не срубайте пальмы или плодовые деревья. Не убивайте овец, коров или верблюдов кроме как для пищи. А коль встретите людей, посвятивших себя поклонению в кельях, оставьте их в по-

кое, дабы они занимались тем, чему они посвятили себя». Война может затронуть каждого, но ислам учит быть человечными.

Мусульмане никогда не соревнуются в дурных и запретных делах. Последователи ислама должны соревноваться друг с другом только в совершении хороших дел, так повелел Всевышний Аллах:

«Поклоняйтесь вашему Господу и творите добро, — быть может, вы преуспеете» (22:77).

«Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах» (2:148)

В Священном Коране вы нигде не найдете даже одного слова, где Господь повелевал бы совершать что-то плохое и враждебное. Только хорошие дела, в этом и заключается цель ислама!

Достоверно известно, что Пророк всегда обращался к Аллаху со следующими словами:

«О Аллах, я прошу даровать мне совершение благих деяний и оставление порицаемых поступков» (ат-Тирмизи, сахих).

Вся жизнь Посланника была тесно связана с добродетелью. Он помогал бедным, заступался за слабых, никогда не отказывал нуждающимся.

Говоря о понятии «хайрат» мы имеем ввиду намазы, пост, пожертвования и добрые слова.

Мусульманин обязан говорить только хорошее и радовать близких:

Пусть среди вас будет группа людей, которые будут призывать к добру, повелевать одобряемое (3:104).

Если внимательно изучить аяты Корана, то можно открыть одну важную вещь. Некоторые хорошие поступки Аллах связал с обязательными делами, например, намаз и кормление нищих:

«Что привело вас в Преисподнюю? Они скажут: «Мы не были в числе тех, которые совершали намаз. Мы не кормили бедняков» (74:42-44).

В мире определенные слои населения нуждаются в лекарствах, питании, воде и теплой одежде. Наша задача помогать и поддерживать им. Но шайтан заблудил многих, вместо того, чтобы поддерживать инвалидов и голодающих, они поддерживают оружием террористов и радикалов. Разве им не известно положение единоверцев в Бирме и Палестине?

Призываю молодежь остерегаться опасных и антиисламских идей ДАИШ. Что может быть у нас общего с радикалами, которые распространяют на земле нечестие и практикуют зло:

- Убийство невинных.
- Убийство послов и дипломатов.
- Обвинение в неверии верующих.
- Убийство «людей Писания» — христиан и иудеев.
- Истребление язидского населения.
- Работорговля.
- Насилие.

- Унижение женщин.
- Преступления по отношению к несовершеннолетним детям.
- пытки пленных.
- Распятие и расчленение пленных.

В России среди наших единоверцев возможно есть и те, кто симпатизирует радикалам. Возможно, это связано с тем, что они не имеют полной картины тех ужасов, которые творят псевдомусульмане.

Ни один авторитетный исламский ученый не оправдывает действия группировки ДАИШ (ИГИЛ). Ученые никогда не станут принимать участие в подобных авантюрах. Большинство мусульман на планете не умеют читать намаз, не имеют представления об исламе. Кто будет заниматься их просвещением? Первостепенная задача каждого из нас получить достойное образование, овладеть языками, стать полезными обществу. Еще никто путем насилия и террора не смог насадить свои идеи.

Мусульманские учёные Йемена, Саудовской Аравии, Судана, Сирии и других стран категорически запретили вступать в ряды террористов ДАИШ и оказывать им какое-либо содействие.

Кто желает идти путем насилия, тот идет против ислама, кто выступает против ислама, то он непременно будет побежден.

Среди сторонников «джихада» и болельщиков ДАИШ (ИГИЛ) нет здравомыслящих и адекватных. Они совершили преступления во Фран-

ции и Ливане, тем самым настроили местное население против простых мусульман. Из-за них могут начаться аресты невинных прихожан, поджоги мечетей, нападения на женщин в платках и людей восточной внешности. Истинный мусульманин не приносит вреда единоверцам:

«Мусульманин — это тот, кто не причиняет (другим) мусульманам вреда своим языком и своими руками» (аль-Бухари).

Хвала Аллаху, что среди жителей стран Европы много грамотных, — понимающих разницу между радикальным «псевдоисламом» и традиционным исламом.

От действий террористов больше всего страдают сами мусульмане.

В средние века мусульманские страны пострадали от монгольского нашествия. Поверьте, от рук ДАИШ мусульмане пострадали больше. То, что впервые произошло во Франции, к сожалению, ежедневно происходит в Ираке, Афганистане, Ливане и в Йемене. На взрывы, убийства в арабских странах уже никто не обращает внимания. Но они такие же люди, как и европейцы. Здесь не должно быть двойных стандартов.

Поверьте, не решив проблемы безопасности на ближнем Востоке, у нас не получится установить мир в Европе.

Да поможет нам Аллах одержать победу над невежеством!

Саид Кямилев и Сергей Маркус

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: РУССКИЙ КЛАССИК НА ПУТИ К ИСЛАМУ

36

У мусульман мира, и особенно России — к Толстому интерес особый. Горячо обсуждается вопрос — был ли Лев Толстой мусульманином?

Предлагаем вашему вниманию статью культуролога Джанната Сергея Маркуса и профессора-востоковеда Саида Кямилева, написанную по заказу Всемирной Исламской лиги (Рабита), Джидда, Саудовская Аравия, в 2007 году.

Лев Толстой: русский классик на пути к Исламу

Лишь единицы писателей становятся признанными классиками уже при жизни и известны всему миру — таковым был русский писатель, граф Лев Николаевич Толстой (1828 — 1910 гг.). Уже к концу XIX века его имя было известно не только в самой России, где он стал любимейшим автором, не только на Западе, но и на Востоке. Огромную роль в этом сыграли его активная переписка с

известными духовными лидерами восточного мира (индусом Махатмой Ганди, египтянином Мухаммедом Абдо и др.), а также популяризация его идей в мусульманской прессе как на арабском, так и на тюркских языках.

И творчеством Толстого, и его яркой общественной деятельностью интересовались миллионы — от государственных деятелей до самых простых людей. Люди на Востоке хотели знать как можно больше об этом неординарном человеке, желали по-

ближе познакомиться с его идеями и произведениями, о которых так много писала пресса. Образованная часть восточной интеллигенции взялась за переводы работ Толстого (сначала с европейских языков, а позже непосредственно с русского оригинала). Причём сразу переводилась как художественная проза, так и публицистика — в двух этих формах литературы великий писатель выступал одновременно и как богоискатель, духовный мыслитель.

Каковы же были этапы религиозных исканий Толстого, что его вдохновляло и к какому итогу он пришёл в конце жизни? Можем ли мы говорить о точке в конце его пути, или он оставил поклонникам своего гения многозначительное многоточие? Наконец, каково было его понимание Ислама? — На эти вопросы мы постараемся ответить в этой статье. И подчеркнём, что в современной России вопрос о том, стал ли великий писатель мусульманином — актуален и горячо обсуждается! Немаловажен он и для всего исламского мира — ибо наследие Толстого давно уже стало достоянием мировой классики, и до сих пор он — один из самых читаемых и оттого влиятельных писателей мира.

В наши дни в России бытуют две крайности: на многих исламских сайтах цитируют фразу из частного письма Толстого «прошу считать меня магометанином» и причисляют его к правоверным, а на сайтах литературных и музейных... вообще об

этом не упоминают, будто Толстой Ислама не замечал! Молчат об этом и официальные школьно-институтские учебники. При этом не забывают упомянуть, что в центре внимания писателя были его попытки постичь личность и учение Иисуса Христа (мир ему!), переложить Евангелие для современников. Все знают, что в 1901 году его отлучили от Православной церкви. Также никто не скрывает, что возникшее ещё при его жизни всероссийское движение «толстовства», почти разгромленное в годы советского атеизма, ныне возрождается и относится религиоведами к одной из форм протестантизма.

Так можно ли Льва Толстого отнести к мусульманам или нет? Каков был окончательный духовный выбор гения русской и всемирной литературы?

Что Толстой знал об Исламе и мусульманах

Во-первых, уточним, были ли у Толстого жизненные пересечения с мусульманами и что он знал об Исламе? Оказывается, личных контактов и знаний у него было, пожалуй, больше, чем у любого иного классика русской литературы.

Когда ему было 13 лет, семья переехала в Казань, древний город на Волге, бывший в Средневековье одним из центров мусульманского государства Волжская Булгария, с 16 века покорённого Русским царём, но всё же сохранявшим своеобразие

старинного исламского стиля жизни (ныне Казань — столица Республики Татарстан в составе Российской Федерации, здесь возрождается мусульманская идентичность татарского народа).

Именно в Казани дед будущего писателя Илья Андреевич был губернатором с 1815 по 1820 годы, там и поныне сохранилась его могила на Кизическом некрополе. В 1844 году юный Толстой поступил в Казанский университет на Отделение восточных языков Философского факультета (затем, правда, он перевёлся на Юридический факультет, где проучился неполных два года). Пусть недолго, но здесь Толстой учил арабский и тюркские языки под руководством крупного учёного Мирзы Казим-бека (1802–1870 гг.) — одного из основателей российского востоковедения. Учил — не значит, конечно, что выучил. Поэтому мы вправе говорить лишь о его первом знакомстве с арабским и тюркским.

В 1851 году старший брат писателя Николай уговорил его ехать вместе на Северный Кавказ, где почти 3 года Толстой жил в казачьей станице на берегу реки Терек, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ и участвуя в военных действиях (сначала добровольно, потом на службе). Военные участвовали, как тогда говорилось в официальной хронике, в «усмирении Кавказа» — по сути это была борьба за колониальное расширение Российской империи на земли восточных народов, часть

которых исповедовала свои древние языческие культы, часть — Православие, но большая часть Ислам. Сахабы Пророка Мухаммада (САВ) пришли в предгорья Кавказа, в город Дербент ещё во 2 веке Хиджры и исламизация труднодоступных горных районов Кавказа шла медленно, продвигаясь, как подсчитали сейчас историки, со скоростью 1 км в год. Поэтому, кстати, религиозность и нравы вайнахов (чеченцев), ингушей, осетин и других народов даже в наши дни пронизаны адатом (языческими традициями гор). Лев Толстой напрямую сталкивался именно с людьми этого многонационального и сложного мира.

Величественная природа Кавказа, знания о быте и нравах воюющих сторон, постижение характеров, сформированных «духом гор» и Исламом, воплотились в автобиографической повести Толстого «Казачи», рассказах «Набег», «Рубка леса», а также в поздней повести «Хаджи-Мурат». Вернувшись в Россию, писатель отметил в дневнике, что полюбил этот «край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

До конца дней он пронёс память о друзьях-кунаках из кавказцев: так, однажды, молодой легкомысленный граф проигрался в карты, и ему грозила долговая яма — но его спас чеченец Садо Мисербиев, полностью отыгравший его проигрыш. Но это были «ошибки молодости», а вот, ка-

кое религиозное потрясение пережил Толстой на Кавказе.

Через всю жизнь пронёс он впечатления об учении суфийского шейха Кунта-хаджи Кишиева, призывавшего к примирению и ненасилию в условиях непрекращавшейся борьбы кавказских народов против захватчиков из России. Этого шейха и сейчас высоко чтят в Чечне и Дагестане. Но нам сразу стоит отметить, что именно его парадоксальные идеи «ненасильственного сопротивления» позднее развил Толстой, и они с особой силой воплотились в идеях «сатьяграхи» Махатмы Ганди, более того — привели к освобождению Индии от английского колониализма!

Знаменитые «Севастопольские рассказы» написаны Толстым в Крымскую войну, где в осаждённом англичанами Севастополе молодой офицер-писатель командовал артиллерийской батареей, проявив редкую личную храбрость, за что был награжден орденом Анны и медалями. В Крыму он познал не только героику и трагизм войны, но и нравы крымских татар, коренного исламского населения этого края. Более того, часть важнейших замыслов, появившихся в те годы, позволяют угадывать в молодом офицере позднего Толстого-проповедника: в Крыму он стал мечтать об «основании новой религии» — очищенной и практической религии Христа.

Позднее он вёл переписку с Мухаммадом Абдо (1848-1905 гг.), известным реформатором Ислама, став-

шим с 1899 года главным муфтием Египта. А тот, в свою очередь, был учеником и соратником теоретика панисламизма Джемала ад-Дина аль-Афгани (1839-1897 гг.). Переписка с Абдо — это отдельная увлекательная тема, говорящая о глубоком интересе Толстого как к теории Ислама, так и к его социально-реформаторскому потенциалу во имя улучшения жизни народов мира.

Общение с арабским учёным, носителем языка и традиций самого Пророка Ислама, стало особо важным для Толстого — ведь он сам переводил на русский язык Хадисы, и со свойственным ему мастерством сделал это блестяще. Теперь читающие по-русски могут на великолепном русском языке проникнуться силой и духом Сунны! Толстой считал знание Хадисов столь же важным для русских читателей, как и знание мудрости других народов.

Удивительно тесным стало общение Льва Толстого с мусульманами-тюрками. Можно обобщённо сказать, что нравственная проза, а затем и публицистика, обличавшая пороки российского общества и учение Православной церкви, которая увела людей слишком далеко от учения Иисуса Христа, вызвали бурю симпатии у мусульманских тюркских народов Российской империи.

Первыми стали активно переводить Толстого на свой язык азербайджанцы в 1896 году. Он переписывался и лично общался со многими татарами, как сторонниками тради-

ционного мусульманства, так и обновителями. И эта сторона его жизни — диалог с татарами — тоже отдельная увлекательная тема. Если с носителем арабской учёности Абдо Толстой мог только переписываться, то с татарами было многократное живое общение лицом к лицу. По словам современного исследователя Азата Ахунова «в татарской прессе 1905-1907 годов, в пору бурного национального возрождения татар, Льву Толстому уделялось столько внимания, сколько не доставалось всем другим русским писателям, вместе взятым.

Его необычайно волновали религиозные вопросы, в частности, Ислам или, как тогда говорили, Магометанство. Татары знали об этом и писали ему о своей вере: спрашивали, советовались, спорили. Он отвечал им. Татары не только писали Толстому — ехали к нему в Ясную Поляну. Тема «Толстой и татары» необычайно обширна. В конце XIX — начале XX веков не осталось, пожалуй, ни одного татарского писателя или общественного деятеля, который в той или иной мере не обращался бы к творчеству и учению Льва Николаевича Толстого...»

Шейх-Касим Субаев писал Толстому из Казани: «Великому учителю нравственности. Я от имени всех мусульман России приношу благодарность за то, что Вы учили нас и вообще народы без различия вероисповедания и национальности. И кроме того, Вы, великий учитель жизни, трудились, описав жизнь башкир в

маленьком, но ценном произведении — рассказе «Ильяс», который я перевёл и издал». Здесь упоминается ещё один из мусульманских народов России — башкиры, к которым на лечение кумысом (лошадиным молоком) ездил Толстой в 1862 году в местечко Каралык. Подчеркнём, что в зарубежных исламских странах Толстой не бывал — но лично знакомился с Исламом через кавказцев, татар и башкир. География его «исламских путешествий» — это Северный Кавказ и Астрахань, Оренбург и Башкирия, татарские поселения в Поволжье и на Пензенской земле, наконец, Крым.

Особую известность в России вызвала переписка Толстого с татарином Асфандияром Воиновым. Возмущённый определением Синода — главного органа Православной церкви — от 22 февраля 1901 года об отлучении Льва Николаевича от церкви, Воинов писал ему из Стамбула: «Признаюсь, прочитав об их обращении с Вами, я содрогнулся за Вас, да спасёт и побережёт Вас Всемогущий». В те годы все российские мусульмане были так же беззащитны перед лицом официальной власти и господствующей церкви, как и Толстой. «Таких людей, как наш дорогой учитель и мировой писатель (не будет сказано в льщении), рождают не годы, а века, а особенно старая матушка Россия родила в 2000 лет только одного в лице дорогого нашего графа Л.Н.Толстого, да просветится его душа теперь и в будущем

вечною, незабвенною памятью!»), — пишет Воинов Толстому.

«Переходя к Вашему веровосстановлению и понятию, вижу, что Вы признаёте и верите во единого Бога. Это очень хорошо. Это самое есть вера Ислама и учение Пророка». Толстой вполне доброжелательно отвечал на эти письма из Стамбула. «Ваше согласие с главными пунктами моего верования, выраженного в ответ Синоду, очень было мне радостно. Я очень дорожу духовным общением с магометанами», — писал он Воинову.

Однако, переписка Асфандияра Воинова с Толстым привлекла внимание царских властей и показалась им крайне опасной. Растущий авторитет писателя среди российских мусульман требовал немедленного ниспровержения. Тогда дело дискредитации писателя было поручено казанскому миссионеру Якову Кублову, который выступил с большой «разоблачительной» статьёй «Граф Л.Н.Толстой и мусульмане» (журнал «Православный собеседник», 1904. — Ч.І). Статья была полностью основана на переписке Воинова с Толстым, но об этом не говорилось ни слова. Таким образом, полемика, которую вёл Толстой с государством и церковью, стала для него и мусульман России во многом общей, крайне важной духовно и очень опасной социально. А мужественный пример Толстого вдохновил многих мусульман на пробуждение: стремление возродить веру отцов и сделать её равной в условиях демократизации страны.

Подведём итог: Толстой, не имея исламского образования и не будучи алимом-учёным, обладал знаниями и опытом сопереживания, уникальными для человека высшего света тогдашней европоцентричной России. Находясь в личном контакте со многими мусульманами, он участвовал в общем с ними духовном пробуждении на рубеже 19-20 веков, как внутри России, так и далеко за её пределами.

Толстой переосмыслил учение Православной церкви

Как известно, честные духовные поиски привели Льва Толстого к переосмыслению значения Христианской церкви: «Мир делал всё что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир учреждал свою, во всём противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что в этом-то состоит учение Христа» — писал Толстой в своей родовой усадьбе Ясная Поляна в марте 1909 года.

В итоге из-под его пера вышло немало ярко обличительных статей о церкви, изменившей Иисусу — они до сих пор являются классикой рус-

ского антиклерикализма, который очень актуален как для протестантов, так и для мусульман. И, естественно, за этим последовало официальное «отлучение от церкви» Льва Толстого — по-гречески «анафема» (дословно — отделение), которая была провозглашена во всех православных храмах России. Это было потрясение для всей страны! Один из самых читаемых и любимых авторов оказался за бортом официальной церкви, являвшейся к тому же оплотом российского самодержавия!

С замиранием духа — кто с отвращением, кто с надеждой — россияне следили за тем, что же позитивного обретёт великий писатель-мыслитель после «анафемы», разлучения с церковным Христианством? А он трудился над новым переводом, точнее говоря, над собственным переложением Евангелий, издал книгу «В чём моя вера?», множество статей о вере и трезвом образе жизни, вёл активную переписку со многими богоискателями и духовными учителями, причём не только в России, но и за рубежом.

Проделанная им критика догматики Православия, его богослужebной практики (литургики), церковной истории и социальной доктрины, освящающей насилие и несправедливость людей, облечённых властью и деньгами — всё это живо звучит и в наши дни. Толстовская критика церковного Христианства — драгоценное наследие, которое помогает мусульманину понять, как чистое учение Единобожия, в частности, слова и

дела Иисуса Христа, были затемнены и извращены, стали противоречить своим истокам и замыслу Творца. Мусульмане 21 века могут пользоваться его определениями и в нынешних спорах с «ахль аль-китаб — людьми Писания», примером и мыслями Толстого терпеливо объясняя суть Таухида и необходимость ниспослания Корана.

В дни мучительных поисков, окружённый непониманием, Толстой писал в одном из писем: «Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной. Вы вникните немножко в мою жизнь. Всякие успехи жизни — богатства, почестей, славы — всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и эстеты — считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры и радикалы — считают меня мистиком, болтуном: правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне... И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина, тогда всё будет прекрасно». Вот из этих слов, казалось бы, можно сделать вывод о том, что Лев Николаевич принял Ислам — но не всё так однозначно...

Какой символ веры обрёл Лев Толстой?

Во-первых, писатель не принял Ислам открыто и ясно, не имел му-

сульманской практики. Нельзя забывать, что одновременно с поиском правды об Иисусе, признанием себя «добрым магометанином», он в неменьшей степени был восхищен Буддой и Конфуцием. И вёл интенсивную переписку с ревнителями разных духовных традиций, к примеру, с Махатмой Ганди, включал их тексты в знаменитый рекомендательный список чтения на каждый день. У индийских и китайских мудрецов он искал «универсальную общечеловеческую истину».

Более того, Толстой в поисках универсальности прошёл через временное увлечение бабизмом и выросшим из него бахаизмом, которые привлекли его тем, что заявляли о возможности продолжить миссию Пророка Мухаммада (САВ), синтезируя её с иными религиозными учениями. И всё же искусственность этого «синтеза» не позволила Толстому остановить выбор на учении мирзы Хусейна Али Нури (1817–1892 гг.).

Мы отчётливо можем говорить, что последние годы творчества Толстого — это напряжённый духовный поиск универсальной истины на основе того, что он признал подлинным в учении Иисуса Христа. Однако, сам он не считал сделанные им переложения Евангелия и свои статьи на моральные темы итогом своих поисков — парадоксально, но так восприняли эти тексты люди, создавшие ещё при его жизни движение, получившее название «толстовства». Да, да — именно так — Толстой объек-

тивно породил «толстовство», но сам субъективно не был «толстовцем» и отказывался от роли учителя и лидера нового течения! Позднее религиозеведы справедливо классифицируют «толстовство» как неопротестантское течение в русском христианстве. Заметим сразу, что по учению и особенностям быта оно буквально стоит на пороге Ислама... но порог этот всё же не переступает.

Наконец, бросив дом в последние дни жизни, Лев Толстой отправился сначала к своей сестре Марии, инокине Шамординского монастыря, а затем к знаменитым духовным наставникам православной России — старцам Оптиной пустыни. Православные историки пытаются на основании этого порыва, этих бесед с монахиней и старцами, а также того, что для примирения с церковью из Оптиной вслед за ним был отправлен старец Варсонофий, сделать вывод, что Толстой «готов был раскаяться и вернуться в лоно церкви». Одни говорят, что «его нужно простить и вернуть ортодоксальному христианству», другие строго указывают, что «для того нет оснований и Толстой ушёл из жизни, оставшись непримиримым противником Православной церкви». На сайте московского музея Толстого уже в наши дни можно прочитать, что ныне учение Толстого вовсе не отталкивает, но наоборот, помогает прийти к церкви — это уж полный абсурд и, увы, яркая примета нашего времени, когда чиновники в России хотели бы примирить «красное и белое».

Важнейшими для определения Символа веры человека является или прямо им заявленная Шахада (Символ веры), или последняя предсмертная воля. Если первого Толстой не сделал, то давайте вслушаемся в сказанное им на рубеже жизни и умирания.

Вот как это было. 6 (19) ноября 1910 года Лев Николаевич Толстой произнёс последние слова, обращённые к собравшимся у его постели близким: «...Пропасть народу, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва... Мужики так не умирают...» И уже в полузабытьи: «Люблю истину...» Потрясающая сцена и удивительные слова! Не стоит уподобляться тем, кто неблагоговейно относится к тайне веры, к тайне личности и перехода в мир иной великого мыслителя и писателя. Скажем прямо: Аллаху алим — это ведомо лишь Всевышнему! И не будем искать определённого ответа на вопрос — с каким вероубеждением пересёк Лев Николаевич последнюю черту. Он не дал для этого никаких оснований.

Единственно, что можно сказать с определённой ясностью: Лев Толстой многое понимал и ценил в Исламе, знал правоверных разных национальностей, дружил и переписывался с ними. И оставил нам как высокохудожественные образы мусульман, особенно кавказцев и татар, так и не всегда бесспорные, но глубокие и волнующие мысли об Исламе. Вдохновлённое им массовое религиозное

движение «толстовцев» было близко, но не двигалось в сторону Ислама. Будучи во многих чертах быта и веры близкими мусульманам, толстовцы развивались и остаются в русле Христианства.

И всё же есть у Толстого такие «исламские страницы», острота и ценность которых не утрачены по сей день. Русская женщина, вышедшая замуж за мусульманина Елена Ефимовна Векилова, писала Толстому, что её сыновья желают принять Ислам, и спрашивала совета, как быть. Он отвечал:

«Что касается до самого предпочтения магометанства православия..., я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтёт магометанство с признанием одного догмата, единого Бога и Его Пророка, вместо того сложного и непонятного в богословии — Троицы, искупления, таинств, святых и их изображений и сложных богослужений... Ясная Поляна, 15 марта 1909 года».

Подводя итог, можно уверенно сказать: великий классик русской и всемирной литературы Лев Толстой был, несомненно, ханифом-единобожником и в последние годы своей земной жизни стоял на пороге Ислама.

Чтобы дойти до такого вероубеждения, он проделал для себя лично и для миллионов его читателей поистине титанический труд: урождённый в далёкой от Ислама семье, получивший европейское и европоцентричное воспитание, будучи одним из богатейших и приближённых к русскому императору человеком с титулом графа, он преодолел косность своей среды, осознал истинность слов Иисуса Хри-

ста и то, что историческое Христианство извратило их. На этой основе он пытался найти подлинную истину Единобожия, универсальную и открытую для всех времён и народов. С вниманием и любовью он переводил на родной язык Хадисы Пророка Мухаммада (САВ).

Из жизни земной в мир иной он ушёл честным богоискателем-ханифом. В этом духовная ценность его пути для читателей. А в остальном — пусть да рассудит Аллах, ибо только Ему принадлежат наши сердца! Аллаху алим.

Москва, апрель 2007 года

Гуфран Таиров

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ-МУСУЛЬМАНИН: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ

Главный хирург Таджикской ССР — он приглашал фронтовых врачей на работу, так как знал, что более опытных специалистов не найти. Гуфран Таиров (1.05.1913–22.07.1975) прошел войну и награжден двумя орденами и четырьмя медалями. Твердость духа, целеустремленность, уникальный хирургический опыт и тысячи операций, которые он провел во время Великой Отечественной войны, позволили ему поднять хирургию на Родине.

Душа компании, добрый друг и непререкаемый авторитет для многих врачей; всегда открытый, но задумчивый и неразговорчивый с неизменной папиросой «Герцеговина Флор» — таков наш герой, твердый и непреклонный в медицинских вопросах главный хирург Таджикской ССР Гуфран Таиров. Все, кто знал Таирова лично, подтвердят — он никогда не был парткротом и к высшим постам не стремился. Видеть главное его научила война.

Твердым характером Гуфран Таиров напоминал свою маму — Назиру. Выражая свое почтение, люди называли ее Би-Назира — приставка «би» употребляется, чтобы выразить свое особое уважение. За авторитет и мудрость соседи прозвали ее «Би-Назира-комиссар».

Отец семейства, Шакир, работал управляющим угольными шахтами купца Дорогомилова в Бухарском эмирате, в Ташкенте. По служебным вопросам он нередко вместе с женой посещал Россию, где Би-Назира и выучила русский язык. Много позже, после смерти мужа и национализации имуществва большевиками, именно знание языка помогло ей поднять детей.

Оставшись с 16-летней дочерью Умринисо и 5-летним сыном Гуфраном, Би-Назира работала переводчиком в госпитале — помогала русскоговорящим докторам общаться с пациентами на узбекском и таджикском языках. Это и предопределило выбор профессии: по настоянию

матери дети получили медицинское образование.

Окончив Среднеазиатский медицинский институт (САМИ) в Ташкенте, Умринисо стала первой женщиной-стоматологом в Таджикистане, а Гуфран прошел войну фронтовым врачом и стал главным хирургом Таджикской ССР.

Дорогами войны

Мать женила Гуфрана по местным обычаям — в 16 лет. И сразу же после свадьбы последовало исключение из комсомола: человек со старыми убеждениями не мог стать прогрессивной частью современной молодежи того времени. Уже после войны Гуфрана не раз приглашали вступить в партию, но будучи верующим человеком и имея собственные убеждения, он тактично отказывался — его состоятельность подтверждал не партбилет, а хирургическое мастерство.

Институт Гуфран окончил в 1935 г., отслужил в армии и работал хирургом в местной больнице. В августе 1941-го был призван на фронт — начал конным кавалеристом, но когда выяснилось, что он квалифицированный врач, его перевели в хирургический взвод.

— Если бы изначально разобрались, что Гуфран врач, то, скорее всего, он попал бы не на фронт, а в тыловой госпиталь, — говорит младшая дочь Зухра.

Но судьба распорядилась иначе, и ему довелось пройти всю войну в составе 17-й гвардейской кавалерий-

ской дивизии, сформированной еще в 1920 г. как 7-я Туркестанская кавалерийская бригада. Гуфран стал ординатором-хирургом 24-го полевого подвижного госпиталя по Западному фронту — одному из самых сложных и тяжелых фронтов ВОВ.

В августе 1942 г. дивизия, в которой он служил, участвовала в Ржевско-Сычëвской наступательной операции, а в последующем совершала отважные рейды по тылам противника в районах городов Гжатск, Сычëвка, Ржев, Белый.

Хирургический взвод работал на износ: полевые госпитали разворачивали буквально в нескольких сотнях метров от линии фронта, врачи оперировали раненых круглосуточно и в условиях постоянных бомбежек. Молодому хирургу Гуфрану приходилось иметь дело с огнестрельными и минно-взрывными ранениями, термическими ожогами, обморожениями.

С ноября 1942-го по январь 1943 г. кавалеристы провели рейд по немецким тылам на глубину 380 км. Это единственный военный эпизод, о котором знают дети и внуки Гуфрана: 40 дней дивизия шла в условиях сурового мороза, провизия закончилась — бойцам и врачам приходилось есть разваренную кору и размоченные кожаные ремни.

— Кругом грязь, вши, в полевом госпитале заканчиваются лекарства, бинты, и силы на исходе, — вспоминает рассказ отца средняя дочь Хикоят. — Но хирурги продолжали работать днем и ночью.

В 1943 г. Гуфран Таиров возглавил хирургический взвод 17-й гвардейской кавалерийской дивизии, с которой прошел до Берлина. Выжить было непросто, но Гуфрану помогал его неутомимый нрав и любовь к жизни. Он шутил с сослуживцами-врачами и ранеными бойцами. Не забывал писать. Но на фарси письма не пропускала военная цензура, а на кириллице жена читать не умела: поэтому письма супруге читали ее дети.

О войне Гуфран рассказывать не любил. — Слишком тяжелые воспоминания, — считает его младшая дочь. Война научила Гуфрана курить: сначала перекуры были просто минутой передыха, а после — возможностью остаться наедине со своими воспоминаниями. Дети Гуфрана рассказывают, что свою любимую папиросу «Герцеговина Флор» он курил обычно в задумчивости и с отрешенным видом.

Мирное время

После войны Гуфран еще год работал в госпиталях Германии. Он демобилизовался в 1946 г. и вернулся домой, где его ждали жена и четверо детей, которые не узнали отца. Своего единственного сына, который родился в начале 1942 г., Гуфран и сам впервые увидел после войны. По местным традициям, когда в семье рождается сын, родители устраивают туй — грандиозный праздник с щедрым угощением. Но какой уж тут

праздник: послевоенная разруха, голодные времена...

Счастливый отец нашел выход из ситуации: он продал привезенный с собой из Германии мотоцикл, и на вырученные деньги вся махалля — улица и примыкающие к ней дома — гуляла три дня. Плов и мясо были царским угощением.

Широкой и щедрой душой Гуфран дорог своим близким и памятен людям, которым довелось с ним работать. Благодаря огромному и уникальному опыту хирургических операций, тысячи из которых он провел во время войны, Гуфран Таиров поднял хирургию в Таджикской ССР на новый уровень и вырастил целое поколение врачей. Он никогда не стремился к высшим постам и навсегда сохранил глубокое уважение к врачам — он приглашал фронтовых хирургов на работу, так как знал, что более опытных специалистов не найти.

Читая подобные истории жизни, доблести и человечности, кажется, что уж эта история не о нас — она о прошлом, о другой стране, других людях и другом времени. Но именно те люди заложили фундамент нашей жизни, а мы должны ее достойно продолжить и помнить о той войне и ее героях!

*Подготовили Людмила Оробец,
Екатерина Печуричко*
Урология сегодня. 2015. № 2 (36)
для Медина аль-Ислам, № 8 (166).

Источник: <http://www.islamrf.ru/news/culture/legacy/38371/>

Марат Сафаров,
кандидат педагогических наук

К СТОЛЕТИЮ УЗБЕКСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗУЛЬФИИ (1915–1996)

Тёплый дом, встречающий гостей

Кадры гуманитарной катастрофы в Сирии, исход сотен тысяч беженцев со своей родной земли, принятие и неприятие их европейскими государствами — всё это стало одной из трагических примет наших дней...

Вспоминаются в связи с этим иные сюжеты, известные по воспоминаниям очевидцев — прочитанным и услышанным. Великая Отечественная война, эшелоны с эвакуированными советскими гражданами, движущиеся на Восток — и тёплый мир мусульманской Средней Азии.

Сколько семей нашли приют в мусульманских домах! Тому способствовали не только условия войны и направления эвакуации — но прежде всего вековой обычай гостеприимства, помощи слабому, оказавшемуся в беде. Наряду с представителями

всех народов Советского Союза, мусульмане не только отстаивали независимость общей Родины на фронте, помогали своим трудом в тылу, но и явили пример сострадания и бескорыстной помощи спасавшимся от войны. В Средней Азии, в Поволжье, в Башкирии — двери домов были открыты гостям военного времени. Сколько людей старшего поколения вспоминают о теплоте приютивших их мусульманских семей! Это стоит помнить и поколениям, к счастью, не пережившим ужасы войн и разорений.

И многие мои соплеменники — татары, включая близких родственников, ещё в предвоенные годы обрели дома в Средней Азии, покидая родные сёла от коллективизации и других тягот эпохи — направлялись в благодатные края. И обрели на долгие десятки лет новый кров и новых соседей, от которых перенимали древ-

ние обычаи и которым в свою очередь также помогали — становились учителями, деятелями культуры, служили мостом между русской культурой и Востоком.

Мысли эти — памятные и современные, связаны ещё с одним сюжетом — **100-летием большой узбекской поэтессы Зульфийи (1915–1996 гг.)**, широко отмечавшемся в Узбекистане в этом году.

Из биографии Зульфийи запомнился мне один эпизод упомянутых военных лет. Когда в Ташкенте в годы войны жила **Анна Ахматова**, во время её болезни муж Зульфийи — поэт **Хамид Алимджан**, приносил продукты, узбекские лепёшки. Ахматова благодарила, передавала привет Зульфийе и приглашала в гости, в свою скромную комнату на улице Карла Маркса, близ шумного базара, где в старом деревянном доме жили эвакуированные московские и ленинградские литераторы. Зульфийа из робости так и не решилась пойти к Анне Андреевне, но очень любила её стихи, переводила на узбекский. Как важно помнить и эти, не только литературные, но и тёплые человеческие связи.

Как я знаю, среди читателей газеты «Медина аль-Ислам» есть много выходцев из Средней Азии, прихожан российских мечетей, активистов мусульманских общин. Думаю, что им биография и стихи Зульфийи хорошо известны (могу судить по своим узбекским друзьям, много рассказывающим мне о древней и новой узбекской литературе). Тем же, кто

впервые слышит имя поэтессы, постараюсь привести краткие сведения о её жизни.

Зульфийа Исроилова родилась в Ташкенте в семье литейщика-кустара, в махалле Укчи на улице Оружейников. В Узбекистане любят подчеркнуть, что Зульфийа появилась на свет в марте, в особое время — бахор (по-узбекски «весна»). И стихи её стали весенними, свежими.

С детства Зульфийа увлеклась литературой, осваивала классические образцы узбекской поэзии. Мать знала много песен, легенд, которые увлечённо рассказывала детям. Она и привила Зульфийе любовь к слову и к литературному узбекскому языку. Родители желали видеть детей высокообразованными и культурными людьми. И их мечты сбылись. Зульфийа, окончив среднюю школу и женское педагогическое училище, стала работать в редакциях республиканских газет и журналов, увлеклась поэзией.

В 17 лет вышел её первый поэтический сборник «Страницы жизни», в который вошли стихи о молодёжи, дружбе и красоте человеческой души. С 1938 года она работает в различных издательствах, является членом республиканских и межреспубликанских организаций.

Эта была интересная эпоха — в культурной жизни Ташкента 1920-х — начала 30-х гг. ещё присутствовали джадида-просветители, как узбеки, так и татары, получившие образование в новометодных медресе. Рядом с джадидами сосед-

ствовала и формирующая узбекская советская интеллигенция. Большое влияние на Зульфию оказали образ и творчество **Хамзы Хакимзаде Ниязи** (1889–1929), которому поэтесса впоследствии посвятил стихотворение «Все помыслы мои в Шахимардане». Тут стоит заметить, что Хамза учился в Коканде в мектебе татарского педагога **Салахеддина Маджиди** (Мазитова; 1878–1956), биографию которого мы опубликовали в словаре «Ислам в центрально-европейской части России (М.: Медина, 2009). Всё переплетено — судьбы татарского и узбекского народов, их культуры.

В этом ярком мире изменяющегося Туркестана Зульфия стала пу-

бликоваться и входить в литературу. Вскоре она соединила судьбу с будущим классиком узбекской поэзии **Хамидом Алимджаном** (1909–1944).

Потом была большая жизнь, трагедии и триумфы, дружба с ведущими деятелями русской литературы, которые часто бывали в её ташкентском тёплом доме и чувствовали искренность и гостеприимство мусульманской семьи. Дом большого поэта.

И были стихи. В этой публикации приведём одни из самых известных стихотворений Зульфий в переводах на русский язык больших мастеров — **Семёна Липкина и Маргариты Алигер**.

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану

Живым дождём омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полётом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожек пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Всё — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурей, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов, —
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой тёмный дом,
Спросив у слёз моих: «О чём?»,
Склонилась над ребячьим сном.

*Дамир Мухетдинов,
Михаил Синельников*

К НОВОЙ ХРЕСТОМАТИИ «ПУСТЫНЯ ВНЕМЛЕТ БОГУ. АЛЛАХ, МУХАММАД, КОРАН, ИСЛАМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ МИРА»

В 2016 году Издательский дом «Медина» выпускает в свет новую хрестоматию, практически важную для работы педагогов, имамов, специалистов по исламской культуре — «Пустыня внемлет Богу. Аллах, Мухаммад, Коран, Ислам в творчестве великих поэтов мира». Предлагаем вашему вниманию два концептуальных вступления к этому изданию — их можно использовать и в работе педагога и имама.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ: СИЛА СЛОВА ИЗМЕНЯЕТ МИР

Уважаемые читатели!

Как издатель, хочу объяснить, почему вот уже не первый год ИД «Медина» прилагает усилия для издания антологий, сборников и хрестоматий, посвящённых Исламу в поэзии и прозе на русском языке. Хрестоматия «Пустыня внемлет Богу» Михаила Синельникова, которую вы сейчас

держите в руках — новое звено нашей большой программы.

А начинали мы ещё в бытность нашего Издательского дома в Нижнем Новгороде, где силами библиотекаря Нины Александровны Кустовой издавали русскоязычную поэзию России и СНГ об Исламе, в частности, сборник «Родной язык» 2007 года, в ознаме-

нование Года русского языка, а в этом 2016 году сборник «Тебе, Восток, я шлю привет...».

Затем по милости Всевышнего началось сотрудничество с выдающимся специалистом в этой области — московским поэтом и переводчиком Михаилом Исааковичем Синельниковым. Вместе с ним мы выпустили уже два издания первой в истории антологии с комментариями «Незримое благословенье. Исламский Восток в русской поэзии» (2008 и 2011 гг.); затем хрестоматию поэзии и прозы, также с комментариями, «Призвание Мохаммеда. Исламский Восток в классической литературе христианского Запада» (2015 г.).

54

Отрадно, что объявленный на государственном уровне «Годом литературы» 2015 год придал новые качества и особое ускорение всем просветительским проектам в поддержку литературы и чтения. Но ещё важнее, что по его завершении принято решение образовать постоянно действующую государственную комиссию во главе с Сергеем Нарышкиным, которая продолжит практику поощрения литературы. Наш вклад и в общенациональный «Год литературы» и в его развитие — выпускаемые сборники, новые переводы, антологии и хрестоматии на стыке двух великих явлений — Ислама и русскоязычного слова.

В чём же суть, каковы цели этой программы? Средствами русского языка в его самом высоком, поэтическом проявлении, мы стремимся вы-

полнить сразу несколько важнейших стратегических задач.

Первое. Русский язык — средство межнационального общения, науки и образования для миллионов людей во всём мире и прежде всего для всех проживающих на землях Евразии. Здесь меняются поколения, формы правления, виды религии и культуры — но скрепляющим на века остаётся великий Русский язык. С его помощью мы уходим вглубь истории и слышим, живо чувствуем своих предков. Также — двигаемся в огромных географических пространствах, обогащая свой личный опыт тем, что видеть глазами не удаётся, но познаётся через слово.

Важным явлением новейшего времени стало то, что Русский стал основным языком общения мусульманских народов Евразии друг с другом, внутри уммы, и вовне уммы — в диалоге с соседями. Причём, не только со славянами, но и с иными нациями с иными языковыми традициями (финно-уграми, иранцами, кавказцами и т.д.).

В начале 20 века великий мыслитель Исмаил Гаспринский предвидел возрастающую великую роль русского мусульманства — и в этом созидательном процессе ключевым стал, конечно же, общий для всех язык. Умма впервые полноценно и сильно заговорила, научилась писать и думать по-русски. А ведь ещё сто лет назад просветителям приходилось убеждать своих сородичей в важности изучения и владения русским язы-

ком! Роль поэзии и художественного слова на русском языке в развитии уммы, поэтому, стала бесценной.

Второе вытекает из первого: поэзии на русском языке теперь, по воле Всевышнего, дана новая уникальная роль как тончайшего инструмента даавата — свидетельства о вере, об Исламе. Ранее у мусульманских проповедников такого инструмента не было. Образно говоря, умели играть на уде и домре, петь гортанно, но вот теперь в руках есть и балалайка и можно петь с иными интонациями. Да, с новыми инструментами — но о той же великой сути!

Потому в своём приветствии читателям этой хрестоматии духовный лидер российских мусульман муфтий Гайнутдин специально выделяет миссии имамов и педагогов, которым даны эти инструменты. Скажу о самом муфтии в его отношении к русскому языку и поэзии: он недаром стал ежегодно писать особые «Рождественские послания» в честь Мавлида, праздника рождения Пророка Мухаммада (мир ему). В них он максимально русифицирует традиционные исламские термины — для доходчивости и эффективности проповеди.

Самый простой и важный пример: слова «Бог» и «Аллах» имеют одно значение, но на разных языках звучат по-разному и оттого долго создавалось неверное впечатление, будто у мусульман есть некий «свой Аллах», а у русских есть «свой Бог». На самом деле, христиане-арабы говорят о Боге на своём родном языке — Аллах.

И вполне естественно нам по-русски вернуть понимание, что Бог един, что на разных языках люди говорят по сути об одном и том же. Бог = Аллах. Мы все «веруем во Единого Бога», веруем в Аллаха.

И тут возникает третья тема: читающему по-русски мы хотим серий наших изданий передать не только знания, но и чувства. Прежде всего — чувство восхищения и любви к Исламу. И здесь нас также подстерегают проблемы и опасности. В чём же они?

А в том, что восприятие любого человека постоянно скользит и сбивается с Прямого пути на второстепенное и малозначимое. Так, в поэзии и прозе на русском языке, как в оригинальной, так и в переводах с европейских языков, внимание во многом сосредоточено на «восточной экзотике», «причудах Востока», на внешних, часто неверно понятых особенностях мусульманского быта.

Ставить это в вину авторам прошлых времён трудно: все мы в плену тех ограничений, которые дают эпоха и её наука. Согласитесь, много ли знали друг о друге народы мира, христиане о мусульманах, мусульмане о христианах, европейцы об азиатах и африканцах, и так далее — ещё век тому назад? До информационной революции, до современных цифровых средств сохранения и передачи знаний? До развитой современной науки страноведения, многообразного религиоведения, языкознания и прочих дисциплин?

Когда мы сегодня читаем (в том числе и в этой хрестоматии) стихи русских поэтов об Аравии или Турции, стихи немца или поляка о Крыме — видим не только Аравию, Турцию, Крым, но скорее тот образ этих мест, который запечатлелся в сознании авторов. Во многом это не «портреты и пейзажи», но «автопортреты, субъективные отражения». И это само по себе интересно. Факт истории, этап во взаимопознании народами друг друга.

Но — очень важно это сказать! — этот путь к настоящим и глубинным знаниям только начался. Да, мы в хрестоматии знакомим вас с сочинениями великих поэтов. Но впереди, в углублённом познании Ислама и культуры мусульман — поверьте! — ещё много неведанного, неосвоенного и непрописанного ни поэтами, ни прозаиками, ни востоковедами!

Вот четвёртая цель, ради которой мы издаём эту серию: пробудить в вас, наших современниках, творческое стремление к познанию Ислама и собственное творчество. Повторю: наши великие поэты и Запада и Востока ещё многого не сказали. Это ваша задача, задача будущих поколений.

Я нередко выступаю как имам и как педагог в самых разных местах и перед разными аудиториями. Вижу, как сильно пробуждает мысль и восприятие слушателя, студента, ученика живое художественное слово. Через культуру открываются такие глубины и высоты, которые не по-

стичь сухим радио. Есть какие-то интуитивные каналы, действующие в подсознании — через них и льётся огонь ильхама-вдохновения, через него пробиваются лучи Нура-Божественного Света.

Скажу практичнее: молодым есть что сказать в мировой культуре, многое ещё не сказано, не прописано и не артикулировано! Мир ждёт ваших усилий и озарений, о молодые поэты и переводчики, филологи и художники!

Михаил Синельников для всех нас — великая находка. Он продолжатель великого и уникального явления в мировой культуре — советской школы поэтического перевода. Скажите — во всех ли языковых культурах есть столько переводов иноязычной поэзии, как в русской? Причём, высококачественной, с уважением к особенностям чужой речи и иного типа мышления? К примеру, французы давно отказались от попыток переводить на свой язык иноязычную поэзию с оригинальными размерами и формами — перешли на облегчённый «лайт-вариант» и всё переводят верлибром, свободным стихом. А это крайнее обеднение самой сути поэтического языка. По сути — нежелание «войти в образ», «перевоплотиться», «стать иным».

Сила русской школы и лично Синельникова — в ясной установке и реальной практике познания Иного. В передаче Иного в Своём. Это, как правило, второе рождение произведения. Именно в поэтической практике

русской школы мы имеем замечательный феномен: второе рождение стиха. Ещё раз риторический вопрос: многие ли языки, многие ли культуры в мире имеют такой опыт и такие достижения? Не это ли даёт тот эффект, о котором писал Достоевский: «всемирную отзывчивость русской души»? Эта отзывчивость — не стихийное природное данное, но итог многовековой культуры, её усилий и, во многом, плод трудов переводчиков поэзии.

Нам нельзя потерять эту традицию. Призываю молодёжь осознать это и подхватить. Преумножить и развить! Это важно и для «всемирной отзывчивости» и для судеб Ислама. Здесь — филологическое ядро будущего успеха «российского мусульманства».

Ещё есть и пятая причина: важно противостоять злу, которое порочит Ислам и делом и словом. Исламофобия существует в двух форматах. Это (как правило, на Западе) исламофобские идеологии и их художественное оформление: писания в широком диапазоне от просто нацистских и антирелигиозных агиток до изощрённых, как бы «изнутри понимающих» текстов типа Салмана Рушди или «Покорности» Уэльбека.

Это также новейшая форма исламофобии... от тех, кто именует себя мусульманами, пытается возродить Халифат, но всеми своими действиями лишь пугает мир и самым эффективным образом унижает и дискредитирует Ислам. Речь о терро-

ристических проектах типа ДАИШ, Аль-Каиды, Боко Харам и им подобных. Там, где веками мусульмане мирно соседствовали с людьми иных верований и культур, теперь взрывают исторические памятники, сжигают библиотеки...

Этим двум видам современной исламофобии мы противопоставляем прежде всего культуру. Исламскую культуру с её ценностями, открытостью, способностью впитывать достижения всех народов и умением истинных мусульман веками быть добрыми соседями людям иных взглядов и языков.

Наконец, шестое: следует сказать, что наш замысел в ближайшее время будет расширен. Сила художественного образа, меняющего мир, является не только в слове, но и в иных искусствах. Так, мы приступаем к работе с образами изобразительного искусства. Прежде всего, с живописью.

Уже получили одобрение и согласие на сотрудничество с руководством Государственного Эрмитажа и Русского музея в Санкт-Петербурге о подготовке серии альбомов с комментариями «Исламский Восток в русской живописи, графике и прикладном искусстве». Мир искусства многообразен и воплощён в языки разных искусств. Потому вполне логично, что мы хотим к имеющимся антологиям, сборникам и хрестоматиям по литературе добавить подобные сборники, иллюстрированные альбомы с комментариями, где красота и глубина

Ислама выражены средствами визуальных искусств.

И ещё — позвольте важное послесловие. Все эти проекты — серьёзная социальная и миротворческая работа. Строя «мосты между языками, народами, религиями», издания цикла «Исламский Восток в русской и мировой культуре» укрепляют наше общество.

Великая Евразийская цивилизация, Российская Федерация как наследница крупных государств Средневековья — Киевской Руси и Волжской Булгарии, Золотой Орды и государственных образований Кавказа — многолика и многообразна. Сейчас наше исторически корневое единство обретает новое дыхание в Евразийской интеграции.

Враги нашей цивилизации издревле и по сей день стремились и стремятся вбить клин между народами, поспорить сыновей разных наций, стравить верующих разных вероисповеданий. О том, что возможны самые невероятные и бесчеловечные приступы вражды между братскими народами, между вековыми соседями, увы, говорит наша новейшая история. Перед глазами трагиче-

ские картины грузино-абхазских и грузино-осетинских, русско-украинских конфликтов... Приступы сепаратизма на Северном Кавказе долгие годы пытались усилить влиянием в политику «религиозного фактора». То есть, наше многообразие пытаются использовать как стимул для развала и вражды.

Мы же, исходя из исламского вероучения, из многовекового опыта цивилизации Евразии стремимся именно это многообразие принять как дар свыше от Аллаха, как богатство общечеловеческого масштаба, которое мы, по примеру наших дедов и прадедов, обязаны принять и преумножить.

Для нас с особой силой и красотой, с высоким общечеловеческим и одновременно патриотическим смыслом звучат бессмертные слова Корана (49:13): «Мы создали вас племенами и народами, дабы вы познавали, обогащали друг друга».

*Главный редактор
Издательского дома «Медина»,
кандидат политических наук
Дамир Ваисович МУХЕТДИНОВ,*

Москва, апрель 2016 года

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ: «И СТИХИ ЗА УЗДЕЧКУ ДЕРЖАЛИ, КАК ЛЁГКИХ КОНЕЙ...»

Громогласная хвала Творцу и чуду Его творения, восхваление Пророка Ислама и его духовного подвига была с несравненной мощью возглашена в нетленных стихах самого Священного Корана. И лишь затем во весь голос прозвучала в мировой поэзии. Прежде всего, естественно, в арабской, затем на языках многочисленных народов Востока, принимавших Ислам. Но силой веры, силой убеждения, силой передаваемых человечеству убедительных истин и, конечно, силой собственной многозвучной стиховой красоты поэзия мусульманских народов преодолела границы исламского мира и убедительно воздействовала и на поэзию христианских стран. Исламские мотивы и образы, первоначально в форме причудливого узора, но с течением времени и на глубине проникновения и осознания самой сущности мусульманского вероучения, явились в словесности многих народов, избравших для себя иной духовный путь. Так сбылось предсказание Пророка, высказанное в хадисе: «Ислам будет прославлен и не мусульманами».

Как известно, и на родине Мухаммада уже изжившее себя, но воинствующее язычество долго и ожесточённо сопротивлялось Исламу. Оружием этим у противников Пророка были не только мечи и копьё, но и речи ораторов и произведения

ряда стихотворцев, для которых был мил старый, обветшавший уклад своевольной кочевой жизни и чужды предписанные от имени Аллаха строгие нравственные установления. Потому-то в суре «Поэты» и выражено явное неодобрение жизни и творчества сбившихся с пути поэтов: «Разве не видишь ты, что они бредут по всем дорогам, как безумные?» (26:225). Хочется уповать на то, что это относится лишь к обуянным демонами беспрепятственного стихотворчества лежецам и богохульникам.

Никогда Ислам в его первородной чистоте не был врагом культуры, мусульмане всегда ценили искусство слова и не только высоко ценили поэзию, но и не могли жить без нее. Её всепроникающее, пронизывающее бытие вошло и в самый будничней быт, в повседневную жизнь мусульманских стран. С другой стороны, и для поэтов мусульманская вера создала благодатную почву. Кораническое истолкование всей всемирной истории, откровения Пророка и его жизнь и судьба, столь удивительные, будили воображение самых великих мастеров словесности, и по наитию и в соответствии с величием замысла создававших бессмертные стихотворные повести, яркие, созданные стихом и словом картины.

Здесь стоит вспомнить сказанные о мирадже Пророка слова одного из

корифеев мировой эпической поэзии, фарсоязычного азербайджанца Низами Гянджеви, этого «Шекспира Азии»:

Словно ждали поэты, чтоб он
возвратился скорей,
И стихи за уздечку держали,
как лёгких коней.

*(Перевод К.Липскерова
и С.Шервинского)*

Количество стихов, ставших наставлениями для верующих и прославляющих Аллаха, как милостивого и милосердного Созидателя мироздания и праведного Судью, Ислам, Коран, Пророка, и его сподвижников, первых халифов — поистине необъятно. Кроме того, все крупные поэтические произведения (дастаны) традиционно и непременно предварялись вступительными главами, посвящёнными Всевышнему и последнему из Его посланников — Печати Пророков, а также и его ближайшим сподвижникам. Можно было бы сказать, что это несколько однообразно, но дело в том, что все великие поэты самобытны и неповторимы. Существуют общие идеи, случаются заимствования, но гений вносит в рамки того же сюжета свой образный строй и могущество своего звукоряда.

Отдельные голоса неповторимы, но совместно они образуют могучий и согласный хор восторга и благодарения.

Эта хрестоматия, впервые возникшая на русском языке, остающимся

и для российских мусульман языком межнационального общения, состоит лишь из стихов великих поэтов мира. Можно считать её логическим продолжением возникшей в том же составлении серии книг. Таких, как выдержавшая два издания антология «Незримое благословение. Исламские мотивы в русской поэзии» и хрестоматии «Призвание Мохаммеда. Исламский Восток в классической литературе христианского Запада».

И в предыдущих случаях понюхали обширные изыскания и строгий отбор. Но сейчас задача составителя была особенно трудна. В атеистическую эпоху религиозные мотивы не одобрялись и лишь как-то проскальзывали в изданиях классики, сопровождаемые ссылками на «тёмные века суеверий и фанатизма», в которые, мол, и великий писатель не мог не попасть под власть «реакционного мировоззрения». Бывало и так, что в книгах поэтов минувших столетий при очередном переиздании снимались бестрепетной рукою редактора-цензора те или иные периоды, отсекались вступления, славословящие Всевышнего. И переводы подобных стихов весьма не поощрялись. Теперь для того, чтобы восполнить некоторые пустоты и ликвидировать отдельные тягостные пробелы, составителю, являющемуся по совместительству поэтом и переводчиком поэзии, пришлось целый ряд стихотворений перевести специально для этой хрестоматии. Занятие нелёг-

кое, но всё же приятное и, конечно, бесполезное для души.

Разумеется, нельзя объять необъятное из имеющегося, да и нельзя в короткие сроки перевести хотя бы и наилучшее из недостающего. Всё же составитель смеет сказать, что ему кажется представительным и даже блистательным ряд великих поэтов, вошедших в книгу, озаглавленную лермонтовской строкой «Пустыня внемлет Богу». Здесь вдохновенные произведения словесности арабской, персидско-таджикской, многоветвистой тюркской, индийской, российской, немецкой (и австрийской), французской, голландской, польской... Как и предвидел Владимир Соловьёв, русской философ и создатель первой в России апологетической биографии Мухаммада, написанной немусульманином, «духовное молоко

Ислама» продолжает быть необходимым человечеству.

Приношу сердечную благодарность председателю Духовного управлению мусульман Российской Федерации муфтию шейху Равилу Гайнутдину, одоббившему рукопись этой книги и изыскавшему возможности её издания. Как и две предыдущие составленные мною антологические книги, посвящённые Исламу в поэзии, и эта хрестоматия обязана своей жизнью попечению Равиля-хазрата, чуткого и к науке и к поэзии исламского деятеля, духовного лидера мусульман России. Благодарю также мусульманского деятеля и издателя Дамира-хазрата Мухетдинова за дружескую поддержку и сотрудничество.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Олег Редькин

АРАБСКИЙ ЯЗЫК НЕ ТОЛЬКО ИНСТРУМЕНТ, НО ВСЕЛЕННАЯ!

Профессор О.И. Редькин: Интерес к арабскому языку был у нас всегда, ещё с петровских времен, и он будет только расти.

62

Выдающийся отечественный учёный, филолог-арабист, профессор СПбГУ О.И. РЕДЬКИН дал развёрнутое интервью, где рассказал об особенностях отечественной школы арабской филологии, новых научных тенденциях в этой отрасли, а также о принципах подготовки современных молодых российских специалистов в области ислама и исламоведческих наук.

— Олег Иванович, прежде чем начать разговор о студентах и профессиональных проблемах педагогов и исследователей-арабистов, скажите, пожалуйста, как Вы пришли в эту профессию, почему делом жизни избрали именно арабский язык?

— Стечение самых разных обстоятельств, которые складываются в один вектор. Есть некая судьба, которая ведет вас по жизни. Я хотел поступать на историю арабских стран,

но в год моего поступления это отделение не проводило набора, и я стал филологом.

— В чём особенности (достижения и недостатки) российской школы арабистики на фоне того, что сделано учёными в других странах мира?

— Что касается недостатков, то они видны лучше «со стороны». К сожалению, мы ещё недостаточно много публикуемся на иностранных язы-

ках, прежде всего, на английском. Поэтому наши коллеги на Западе, да и не только там, имеют достаточно отдаленное представление о том, что здесь происходит.

Я считаю, что наша школа арабистики соответствует лучшим мировым стандартам, в том числе и в области исламоведения, о чём свидетельствуют как актуальность тематики, так и результаты исследований. Что касается качества подготовки кадров, то я могу сравнивать его с уровнем подготовки в других университетах, в том числе, европейских и американских, и следует отметить, что у нас уровень подготовки выше.

Это, возможно, моё субъективное мнение. Но я считаю, что и по широте кругозора студентов, их общей подготовке, по знанию языка, который у нас рассматривается не только как инструмент, а как отдельная Вселенная, у нас дела обстоят лучше.

Но ни в коем случае нельзя останавливаться. Потому что остановка — это регресс. Очень тяжёлая ситуация у нас была в 1990-е годы. Молодёжь уходила в бизнес — туда, где платят больше, и поэтому мы пережили в области восполнения кадрового потенциала очень тяжёлое время. Сейчас ситуация значительно лучше, она кардинально изменилась, мы вышли на качественно новый уровень. В Санкт-Петербургском Университете созданы отличные условия для научной работы, к нам приходят молодые, талантливые ребята.

— Над какими проблемами Вы работаете сейчас как арабист-исследователь и как руководитель кафедры арабской филологии?

— С Ольгой Александровной Берниковой мы подготовили «Грамматику арабского языка на примерах из Корана». Книга была рекомендована Духовным управлением мусульман Российской Федерации и вышла из печати накануне Нового года.

Помимо этого, мы занимаемся очень интересными исследованиями по распознаванию и анализу арабского текста. Известно, что есть распознавание оптическое, т.е. графики, например, кириллицы, латиницы. А у нас принципиально иной подход. Мы хотим не просто распознавать текст, но и проводить его математический анализ, комплексное исследование, которое, в том числе, поможет установить авторство документа. Скажем, когда автор переписывает свой текст, авторство можно определить по почерку. Если же документ переписан несколько раз писцами, как мы можем определить: это действительно авторский текст или нет? И я надеюсь, это у нас это получится.

Такого рода исследования были проведены на материале английских текстов. Теперь мы решаем аналогичные проблемы для рукописных текстов на арабском языке. Совместно с математиками мы создали модель анализа текстов на арабском языке, которая показывает изменения в стиле автора в течение определённого хронологического интервала.

И конечно, мы занимаемся исследованиями по Корану. С моей коллегой Ольгой Александровной Берниковой мы открыли массу интересного в грамматике этого текста. Морфология нас просто удивила! По лексике и синтаксису Корана есть много исследований, а по морфологии значительно меньше.

Кроме того, мы занимаемся проблемами методики преподавания арабского языка. Здесь мы исходим из того, чтобы максимум информации дать за минимальный объём времени, причём эта информация должна быть усвоена. При этом очень важно, чтобы язык усваивался не чисто абстрактно, а с учётом широкого культурно-исторического и лингвистического контекста. В ходе преподавания мы проводим параллели с другими языками, и «привязываем» отдельные слова к какому-то конкретному историческому периоду. И это интересно! Чем больше узнаёшь, тем лучше понимаешь, как мало ты знаешь.

— Для многих совершенно неожиданным стала острая востребованность арабского языка в начале 21 века, прежде всего в связи с «арабской весной», распространением Ислама и той волной терроризма, который ведётся под знамёнами с арабоязычными лозунгами. Что нам в России следует срочно сделать, чтобы ответить на такой вызов современности? Многие ведь полагают, что в «kozyревско-ельцинский период» нашей восточной дипломатии Россия

практически растеряла и соратников в Арабском мире и свои кадры арабистов и переводчиков. Так ли это?

— Я бы не сказал, что мы растеряли всё. Активность была другая. В советское время арабский мир был для нас одним из приоритетов внешней политики страны. Сейчас мы вполне прагматично подходим к решению внешнеполитических вопросов.

Что касается востребованности арабского языка, то она существовала всегда. Достаточно сказать, что конкурс на нашу кафедру всегда был высоким. И в советское время, и в 1990-е годы, и сейчас. Отличие состоит в том, что сейчас к нам предъявляются другие, более высокие требования. Необходима подготовка не просто специалистов, а специалистов экстра-класса, нужны не просто выпускники, которые работают переводчиками, а эксперты.

Сейчас нередко приходится слышать суждения так называемых «экспертов» по Ближнему Востоку, по арабским странам, которые не имеют ни малейшего представления ни о стране, ни о культуре, ни о языке. Поэтому одной из основных наших целей является подготовка специалистов, суждения которых должны быть взвешенными и профессиональными, такими, к которым может и должно прислушаться наше общество.

Так что интерес к арабскому языку был у нас всегда, ещё с петровских времён, и в дальнейшем он будет только расти.

— В чём, на Ваш взгляд, значение программы, в которой со студентами работают и Духовное управление мусульман России и Ваш уважаемый университет, как государственная структура?

— Задача программы — содействие духовным учреждениям в подготовке кадров, специалистов экстра-класса, обладающих компетенциями в области религиоведения, исламоведения, владеющих языками, умеющих пользоваться библиотечными, в том числе и электронными, ресурсами и т.д.

Необходимо отметить, что в СПбГУ очень много делается для этого. Только в течение прошедшего семестра для чтения лекций для слушателей программы приглашались лучшие отечественные и зарубежные специалисты в области арабистики и исламоведения, такие как А.Д. Кныш, Т.К. Ибрагим, Л.Р. Сюкияйнен, Е.А. Резван, Д.В. Мухетдинов. Лекции были интересны не только для студентов, но и преподавателей.

Источник: <http://www.islamdumspb.ru/index.php/145-professor-o-i-redkin-interes-k-arabskomu-yazyku-by-l-u-nas-vsegda-eshche-s-petrovskikh-vremen-i-on-budet-tolko-rasti>

Справка:

Редькин Олег Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой арабской филологии Санкт-Петербургского Государственного Университета. С 2014 года участвует в реализации государственной программы по подготовке специалистов с углублённым знанием истории и культуры Ислама. На кафедре арабской филологии на Восточном факультете СПбГУ учатся рекомендованные ДУМ РФ студенты. В связи с этими новыми процессами — наш разговор с профессором.

И я говорю нашим студентам: «Я вам завидую, потому что в моё время таких возможностей не было».

— Каковы Ваши первые впечатления о новых студентах, рекомендованных мусульманскими организациями, и что Вы им пожелаете на будущее?

— Впечатления — самые благоприятные. Хочу пожелать им и в дальнейшем много-много работать. Порой у студентов на старших курсах возникает ошибочное суждение: мол, всё знаю, понимаю. Но это заблуждение. Работать надо столько же, сколько и в самом начале учёбы.

Изучение нашей дисциплины — это тяжкий труд, но он приносит прекрасные плоды знаний. Это замечательная инвестиция в будущее. Ведь сказано: «Не пригодится тебе ничего, кроме того, что с тобой».

*Беседу провёл
Джаннат Сергей МАРКУС*

НОВИНКИ КОМПЛЕКТ ИЗ ВОСЬМИ ПОСОБИЙ СПбГУ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ИСТОРИЮ ИСЛАМА

Муфтий Гайнутдин одобрил учебное пособие СПбГУ
по грамматике арабского языка

66

Председатель Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) муфтий шейх Равиль Гайнутдин выразил профессорско-преподавательскому составу Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) признательность за содействие отечественному исламскому образованию, развитие научной деятельности в области языка, истории и культуры ислама.

В письме Р. Гайнутдина, адресованном на имя декана Восточного факультета СПбГУ, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора М.Б. Пиотровского, говорится, что ДУМ РФ считает возможным и целесообразным рекомендовать учебное пособие «Грамматика арабского языка (на примерах из Корана)», подготовленное сотрудниками кафедры арабской филологии — доктором филологических наук,

профессором, заведующим кафедрой **О.И. Редькиным** и кандидатом филологических наук, доцентом **О.А. Берниковой**, к использованию в учебном процессе при реализации программ подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама. «В связи с этим настоящим даю согласие на размещение грифа «Рекомендовано Духовным управлением мусульман Российской Федерации» на титульной странице вышеуказан-

ного учебного пособия», — отмечается в документе.

Следует уточнить, что работа по подготовке и согласованию **учебника для студентов светских и исламских вузов** активно осуществлялась СПбГУ в тесном контакте с Департаментом науки, образования и культуры ДУМ РФ вплоть до сдачи рукописи в издательство.

Так, например, идея разместить на обложке одного из пособий по исламоведению изображение Московской Соборной мечети, торжественно открытой президентом страны В.В. Путиным и духовным лидером российских мусульман Р. Гайнутдином 23 сентября 2015 года, была положительно воспринята авторским коллективом и одобрена руководством Санкт-Петербургского университета.

«Важно подчеркнуть, что творческое взаимодействие с Олегом Ивановичем Редькиным и Ольгой Александровной Берниковой, создателями одного из востребованных сегодня учебных пособий для изучающих грамматику арабского языка, а также с авторами другого учебного пособия по исламским дисциплинам, подготовленного руководителем Лаборатории анализа и моделирования социальных процессов СПбГУ, профессором исламоведения Мичиганского университета **А.Д. Кнышом** в соавторстве с старшим преподавателем философского факультета СПбГУ, кандидатом исторических наук **Анной Игоревной Маточкиной**, и другими коллегами с нашим депар-

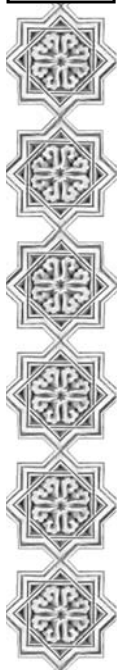
таментом и Московским исламским институтом дало свои позитивные результаты, — отметил в беседе с сотрудниками пресс-службы руководитель Департамента науки, образования и культуры Шамиль Кашаф.

— В преддверии Нового года коллеги из Санкт-Петербургского университета, нашего вуза-партнёра по реализации правительственной программы подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама, смогли успешно завершить очень важную работу и **издать не одно или два, а целых восемь (!) качественных пособий**. Все они были с высоким полиграфическим качеством напечатаны в типографии Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина в Санкт-Петербурге».

Презентация учебных новинок прошла 22 декабря 2015 года в аудитории Московского исламского института с участием сотрудников Восточного факультета СПбГУ О.И. Редькина и О.А. Берниковой. Петербуржцы представили написанное ими учебное пособие, изданное в рамках правительственной программы, а также рассказали о других учебно-издательских проектах своего вуза.

Напомним, в этом году несколько лучших абитуриентов из регионов России по рекомендации первого заместителя Председателя ДУМ РФ Дамира Мухетдинова, также являющегося членом созданной при Минобрнауки России рабочей группы по организации и контролю за испол-

нением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2014–2016 годах, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2014 г., успешно сдали вступительные испытания и стали студентами СПбГУ. Вместе с ними в 2015 году к занятиям в магистратуре и аспирантуре на Восточном факультете приступили еще три человека, получившие качественное образова-

ние и дипломы бакалавров теологии в Московском исламском институте.

По уточнению Ш.Р. Кашафа, весь комплект из восьми пособий, подготовленных СПбГУ к Новому году, поступил как в библиотеку МИИ, так и был вручен руководством Восточного факультета всем мусульманским студентам, обучающимся в старейшем университете страны по направлению ДУМ РФ, проявившим себя в уходящем году с самой лучшей стороны.

Источник:

Пресс-служба ДУМ РФ <http://www.dumrf.ru/common/event/10197>

Сергей Маркус

КТО ОБЪЯСНИТ ФЕНОМЕН ЕФИМА РЕЗВАНА?

*Ефим Анатольевич Резван — уникальная личность, подлинный гражданин нашей страны, который всю жизнь и все свои недюжинные таланты посвятил изучению исламской цивилизации и теперь выступает как на Западе, так и на Востоке, как известный учёный. Он — один из ярких представителей классического светского исламоведения в Санкт-Петербурге, арабист, доктор исторических наук, профессор, главный редактор международного журнала *Manuscripta Orientalia*. Также он по сути «второе лицо» старейшего в России музея, заместитель директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской Академии Наук.*

Знакомые с его творчеством люди говорят о «феномене Резвана», ведь он автор более 250 научных работ на русском, английском, арабском,

французском, немецком, японском, итальянском, узбекском, финском, персидском, украинском, татарском и других языках. Но его интересы не только «чистая наука» — Ефим Анатольевич энтузиаст этнографических экспедиций и активный музейщик, эксперт-тренер программ ЮНЕСКО/ИКОМ «Управление музеем — XXI век». И ещё он вошёл в состав Попечительского совета журнала для педагогов «Исламская культура». Он никогда не отказывается от сотрудничества с мусульманскими организациями России и стремится внести свой вклад в возрождение наших традиций исламского образования. Перечислить все его свершения и достижения кратко невозможно — желающие могут обратиться к его досье в Википедии. Вот почему я сразу же решил «взять с места в карьер» и самому доктору Резвану задал такой «вопрос в лоб»:

— **Ефим Анатольевич, Вы личность известная среди востоковедов. Многие Вас знают и ценят в Петербурге как крупного исследователя, неутомимого путешественника и рассказчика. Как сформировался такой мощный характер, откуда столько энергии — короче говоря, объясните нам феномен Резвана!**

— Мне очень повезло в жизни. Я родился в Санкт-Петербурге, одной из мировых культурных столиц, закончил Восточный факультет Ленинградского Государственного университета — место, где студентов ориентируют в первую очередь на научную карьеру и где самые стены хранят голоса выдающихся учёных. Почти двадцать лет я проработал в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). Здесь собрана известная на весь мир коллекция восточных рукописей — больше ста тысяч единиц хранения! В те годы в прекрасном здании на Дворцовой набережной сложился научный коллектив, равного которому, по-видимому, не было ни в одном другом гуманитарном научном центре СССР. Общение с выдающимися учёными было самой лучшей школой. Вряд ли с чем-то можно сравнить и саму возможность ежедневно брать в руки рукописные памятники мирового значения.

Моим научным руководителем стал Пётр Афанасьевич Грязневич — известный арабист и исламовед, равно имевший вкус и к тщательнейшей кабинетной работе, и к экспедицион-

ной работе в поле. Человек энциклопедически образованный и наделённый романтическим отношением к жизни, он стал одним из создателей Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР и возглавлял её работу в течение семи лет, с 1983 по 1989 гг. Учёные разного профиля — археологи и специалисты по арабской культуре, этнографы и антропологи, эпиграфисты и геоморфологи, палеоботаники и лингвисты, специалисты по истории архитектуры и филологи, сотрудники крупнейших академических, музейных и университетских центров СССР, осуществляли в рамках экспедиции грандиозную программу по комплексному изучению — с древних времён и до наших дней — Южного Йемена и, прежде всего, одной из важнейших историко-культурных областей Арабского Востока — Хадрамаута. Я проработал в экспедиции всего один сезон — чуть более трёх месяцев, которые оказались очень важными в моей жизни. Именно опыт, полученный в Йемене, привел к пониманию необходимости побывать на месте создания рукописи, если ты хочешь, чтобы она «раскрылась» для тебя до конца.

— **И вот теперь Вы — служитель знаменитой и таинственной Кунсткамеры...**

— Пятнадцать лет я работаю в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Каждый день вхожу в дверь одного из старейших в мире зданий, построенного специально для музейных нужд. С

начала XVIII в. Кунсткамера является символом Российской академии наук.

В Кунсткамере, а позднее в Этнографическом музее, наследнике наиболее значительной части её коллекций¹, было положено начало этнографическим, археологическим и антропологическим исследованиям в России. В настоящее время собрание музея, основанного по указу Петра Великого в 1714 г., является одним из наиболее полных и интересных в мире. Оно насчитывает более миллиона экспонатов и отражает всё многообразие культур народов Старого и Нового Света. Одновременно музей является одним из крупнейших гуманитарных исследовательских центров Академии наук.

В музее я смог дополнить опыт учёного-рукописника как работой с потрясающими предметными коллекциями, так и многообразным полевым экспедиционным опытом. Сотрудники музея обладают во многом уникальной возможностью реализовать полученные результаты не только в виде монографий и статей, но и в виде выставочных проектов, сопровождаемых развёрнутыми каталогами. Примером работы в этом направлении является проект «Иджма‘ = Согласие», посвя-

¹ Создан в 1836 г.; с 1879 г. — Музей антропологии и этнографии. В 1830-е гг. на основе коллекций Кунсткамеры было создано семь самостоятельных академических музеев: Этнографический, Азиатский, Египетский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический и Кабинет Петра I. Этнографический и Анатомический музеи продолжают находиться в здании Кунсткамеры.

щённый исследованию культурного многообразия исламского мира².

— **Диапазон охвата Кунсткамеры огромен. А что там может открыть для себя тот, кто ищет корни и сокровища исламской культуры?**

— МАЭ содержит одно из самых больших в мире собраний, посвящённых культуре и этнографии мусульманских народов — всего около 1000 коллекций, связанных с культурой и историей мусульман Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Китая, Кавказа и России. Это собрание является результатом деятельности 60 научных и музейных организаций и более чем 400 собирателей (во многих случаях — выдающихся учёных, путешественников и государственных деятелей). В целом мусульманская коллекция МАЭ, безусловно — самая богатая в России. Работа с подобными собраниями, с одной стороны, требует от специалистов высочайшей квалификации, но с другой — сама такая работа воспитывает, формирует специалистов мирового уровня.

На протяжении многих десятилетий МАЭ является ведущим академическим центром по изучению культуры, этнографии, истории и современности мусульманских стран. Сегодня с исламской проблематикой в той или иной степени связаны исследования, проводящиеся в восьми научных от-

² Подробнее см: <http://ijma.kunstkamera.ru/>

делах музея. Ежегодно МАЭ организует серию экспедиционных выездов в страны и районы традиционного распространения Ислама.

— **Говорят, что у исламоведов Петербурга есть некая неповторимая специфика?**

— Спецификой петербургской научной школы по изучению Ислама справедливо считается комплексный подход, сочетающий глубокую филологическую подготовку, изучение рукописных и архивных первоисточников, с одной стороны, со специальными знаниями, полученными в ходе полевой работы и изучением богатейших предметных и фотоиллюстративных коллекций — с другой. В русле такого комплексного подхода проходило становление и развитие научных школ МАЭ, восходящих к именам В.В. Бартольда, И.И. Зарубина, И.Н. Винникова, В.А. Иванова (Центральная Азия), Л.И. Лаврова (Кавказ), П.А. Грязневича, М.Б. Пятровского (Аравия, коранистика), Д.А. Клеменца, С.М. Дудина, А.М. Решетова (Китайский Туркестан).

— **Недавно было объявлено о значительном расширении Музея этнографии благодаря большой сумме выделенных денег. Не сократится ли это из-за общеизвестных трудностей в экономике? Что реально может быть сделано?**

— Речь идёт о создании нового многофункционального музейного центра, который бы решил, наконец,

проблемы, связанные с хранением уникальных коллекций МАЭ. К сожалению, в настоящее время в связи с бюджетными сокращениями, проект заморожен.

— **Вы — главный редактор международного журнала Manuscripta Orientalia. Каковы планы развития этого издания и удаётся ли привлекать новых людей к публикациям, или же круг учёных в этой сфере узок и уже исчерпан?**

— Журнал активно развивается, о чём свидетельствует его сайт³. Запущена серия электронных монографий, основанных на журнальных публикациях, потихонечку растёт подписка. На протяжении многих лет журнал индексируется системами FRANCIS и PASCAL. Я очень надеюсь, что в ближайшее время он будет включён в международную реферативную базу данных Scopus. Этого не произошло много раньше лишь по моему недосмотру. Новые авторы приносят в журнал и новые темы. Так, в последнем номере опубликована статья, посвящённая крымскотатарскому наследию.

— **Российская наука гордится Вашими достижениями в сфере исследования Корана, международными наградами, полученными Вами. Вы уже завершили свои исследования в этой области?**

³ <http://manuscripta-orientalia.kunstkamera.ru/>

— Исследования активно продолжают. Идёт работа над проектом CORPUS CORANICUM PETROPOLITANA⁴. Проблемам, связанным с сенсационно ранними датировками древних коранических списков, была не так давно посвящена моя публичная лекция, прочитанная в Великобритании⁵. Всё это очень важно, потому что вопрос с древнейшими рукописями, с тем, менялся ли текст Корана на протяжении веков, приобретает сегодня очень большую актуальность. Это один из тех вопросов, которые самым активным образом обсуждаются мусульманами в соцсетях, и используются, в том числе, для вербовки молодых людей в радикальные движения. Так достаточно неожиданно, моя, в высшей степени академическая работа, вдруг стала приобретать общественно-политическое значение.

— **Что, на Ваш взгляд учёного, путешественника и музейщика, следует сделать для того, чтобы образ Ислама у россиян был адекватным, без преувеличений и страшилок исламофобии, но и без сладостных фантазий-иллюзий?**

— Нужны честные проекты, рассказывающие правду о многообразии мира Ислама. Именно такой должна быть книжная серия «Мой мир Ислама», первый том которой я планирую

⁴ http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6153

⁵ http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2015_10_28/

представить во время III Бигиевских чтений в Санкт-Петербурге.

— **Итак, поскольку, как Вы сказали, Ваша «в высшей степени академическая работа вдруг стала приобретать общественно-политическое значение», позвольте такой вопрос. Что такое феномен псевдоисламского терроризма? Когда-то в Средние века пугали окружающих ассасины, ныне — изменчивая сеть спящих и неспящих ячеек типа Аль-Каеды, ДАИШ, Боко харам и подобного...**

— С моей точки зрения, людей к терроризму и радикализму толкает в первую очередь социальная несправедливость. Вот мы, люди, живущие в России, хорошо помним времена большевистской революции. Тогда громадная православная страна резко изменила свои взгляды, и Бог знает, что произошло ещё. Во многом, от власти имущих зависит, существуют ли у нас в обществе социальные лифты для молодых людей, получивших достойное образование, или нет. Что происходит, если человек не видит возможностей работать, реализовать себя? Для чего Господь нас всех посылает на Землю? Чтобы дать нам возможность реализовать себя! Значит, человек как бы то ни было, будет искать возможности самореализации. И наша общая большая беда, если такие возможности он находит только у джихадистов.

Это одна сторона. Другая сторона, та международная система принятия решений, которая существует сегодня. Она однозначно несправед-

лива, и — с моей точки зрения — не учитывает возросшее значение мусульманского мира. У нас разве есть мусульманская страна среди членов Совета Безопасности ООН, или в составе Большой семёрки? Получается так, что мусульманский мир обладает громадными богатствами, производством нефти и газа, а их сегодня контролирует огромное число западных компаний, но мнения мусульман не учитываются. В такой ситуации обязательно появляются люди, которые говорят: «Почему с нами не считаются? Потому что мы слабые. Вот будет у нас халифат с атомной бомбой, тогда с нами каждый будет считаться!».

— **Как же разрешать эти действительно болезненные проблемы?**

— Проблемы, существующие сегодня, имеют фундаментальный характер. Они не лечатся мгновенно, по щелчку пальцев. Конечно же, нужно проводить профилактику, надо разговаривать с молодёжью, рассказывать молодым людям об ужасах, связанных с реальностями радикальной интерпретации Ислама. Но нужно понимать: когда исчезла социалистическая альтернатива, появился сначала антиглобализм, а затем и псевдоисламский радикализм, который спекулируют на социальной несправедливости. Мир же всегда будет искать справедливость! Поэтому от всех нас зависит, что происходит здесь на балтийском побережье России или на Северном Кавказе. Молодые люди, приехавшие из Средней Азии в

Петербург, конечно же, чувствуют себя, не как коренные петербуржцы. В общем, сегодня в обществе есть многое, что толкает людей в объятия вербовщиков-радикалов. К сожалению, здесь косметическими мерами ничего вылечить не удастся. Но с другой стороны то, что весь мир осознал эту проблему, толкает его к тому, чтобы эти проблемы решать не только косметически, но и по существу.

— **Каким образом Кунсткамера и Вы лично могли бы помочь развитию образования среди исламской молодёжи Петербурга, в частности, в той группе, которая послана на учёбу по рекомендации ДУМ РФ?**

— Я очень рад, что на моих лекциях на Восточном факультете СПбГУ всегда аншлаг, что туда приходят и те молодые люди, которые не учатся в СПбГУ. Делаю всё, чтобы мои книги, выставочные и медийные проекты становились доступными в Сети как можно раньше. Надеюсь, что на следующий год удастся реализовать большой выставочный проект, посвящённый древнейшим и важнейшим рукописям четырёх религий, которые хранятся в Санкт-Петербурге⁶.

— **И последний вопрос! Чего Вы ещё не знаете об Исламе и мусульманах и что хотели бы узнать?**

— Исламское наследие бесконечно, меня ждут невероятно интересные экспедиции.

Беседу провёл Сергей МАРКУС

⁶ <http://dumrf.ru/common/event/10110>

Теймур Атаев,
политолог, Азербайджан

КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ЗАЛОГ ПРОДВИЖЕНИЯ УММЫ К ПРОГРЕССУ

Образование... Наверное, все мы знаем, что включает в себя это определение. И, по всей видимости, согласимся, что именно образованию по силам продвинуть общество вперед. Также, как его отсутствию — поспособствовать отбрасыванию социума на века назад. К нашему величайшему сожалению, на сегодняшний день ситуация вокруг этого вопроса в умме совершенно не соответствует духу времени. Мы, за редчайшим исключением, уже как несколько столетий отстаем от широкого поступательного шага мирового сообщества в данном направлении.

Безусловно, достижения мусульман в аспекте научных открытий человечеству — неоспоримы, и они, будем откровенны, реально признаются практически всеми, вне зависимости от национальной или конфессиональной принадлежности. Другое дело, давайте взглянем объективно, а на какой период падает тот самый «Золотой век ислама», вложивший тонны знаний в общемировую цивилизацию? Правильно, на эпоху от примерно середины VIII по середину

XIII века, когда в рамках Арабского халифата сложилось общемусульманское культурное пространство, продолжавшее функционировать и после его распада. В те столетия мусульманские ученые, мыслители, деятели искусства внесли значительный вклад в развитие мировой науки и культуры.

Ну сколько еще веков приверженцам Ислама можно продолжать находиться на сухом пайке в данном векторе, нередко чувствуя реальней-

шую стагнацию? Парадокс тут еще и в том, что непосредственно ислам еще XIV(!) веков назад позволил планете по-новому взглянуть на свободу личности, права человека и плюрализм.

В целом, эта тема, в той или иной форме, обсуждается аналитиками различных мастей. Но практически во всех случаях первейшей причиной происшедшей метаморфозы (метаморфозы ли?) высвечивается образование. Вернее, его уровень. Сия картина несет далеко не голословный формат, в качестве подтверждения чего можно сослаться на один исторический прецедент.

Вокруг университета Аль-Карауин

Прежде всего, напомним, что этот ВУЗ — University of Karueein (Qarawiyyin, Qaraouiyyine) — будучи старейшим из существующих, постоянно действующих университетов в мире (г. Фес, Марокко) [1], был известен с середины IX в. как центр обучения и образования (хотя первоначально тут функционировала только мечеть). Здесь изучалась арабская грамматика, математика, астрономия, химия. Значительное место уделялось естественным наукам. Параллельно шло обучение исламскому законодательству, музыке, искусству ведения политических дебатов и т.д. [2].

Однако, как бы это парадоксально и не звучало, именно на примере ситуации вокруг (или внутри?)

университета (пунктирная линия от Средневековья к последней четверти XIX в.), просматриваются истоки происходящего на сегодня в аспекте образования мусульман. Проследить эту тенденцию можно посредством обращения к воспоминаниям русского писателя, путешественника и журналиста XIX — нач. XX вв. Василия Немировича-Данченко (родной брат знаменитого театрального деятеля Владимира Немировича-Данченко).

Называя Фес (в его произношении — Фец) африканскими Афинами, в различных уголках которого «хранятся великие предания прошлого», он описывает университет Аль-Карауин. По его словам, процессом обучения 3–5 тысяч слушателей «руководили старики, если не по годам, то по страшному фанатизму, полагавшему пределы науки за последним листом Корана. Несколько священных книг и летописей, кой-какие знания по арифметике и вся казуистика ислама. Они великолепно разбирались в загадках и легендах, а от сегодняшнего дня с его новыми, выдвинутыми и перед страной золотого заката требованиями отступали с ненавистью и с отвращением». «Ни одной из точных наук, — продолжает писатель, — здесь не преподается, и сами светильники мудрости с такими науками вовсе не знакомы. Они мало читают, если что-нибудь читают вообще: “Зачем знать чужие мысли, когда у каждого должны быть свои”». «Мне хотелось узнать, — делится воспоминаниями В. Немирович-Данченко, —

преподается ли здесь землеведение. Но я тщетно добивался заставить понять, что мне надо, и только вечером у одного из здешних ученых мужей мне ответили: “Что пользы знать землю, когда помыслы человека должны быть направлены к небу!”» [3].

Вот спрашивается, нужны ли тут дополнительные комментарии? Возможно, в свете сказанного, излишним будет привести мнение современного турецкого писателя и журналиста Мустафы Акйола. Как он отмечает, тысячу лет назад мусульманские общества «были открытыми и любознательными, тогда как христианская Европа самоизолировалась из фанатичного страха» перед «святотатством». Аристотеля переводили и изучали в Багдаде и Кордове, а в Париже и Риме его сочинения были запрещены. Неудивительно, что в тот период в мусульманском мире делались великие открытия в естественных науках, медицине, математике, теологии. «Величие Ислама стало возможным благодаря его открытости чужим культурам и идеям», застой же и упадок мусульманского мира фиксируются после XIII века, когда он “отгородился стенами догматизма”, а в Европе «началась эпоха процветания, поскольку европейцы стали мыслить более открыто» [4].

Самое печальное, что данный фон характерен и для нынешней структуры момента. Да и вообще, складывается какая-то патовая ситуация: большинство серьезных современных мусульманских мыслителей, пытаю-

щихся не только разобраться в происходящем, но и предложить какой-то выход, получали дополнительное образование на Западе.

Мусульманские авторитеты и западные университеты

В числе этих лиц находится не нуждающийся в особом представлении Хасан ат-Тураби — уроженец Хартума (Судан), выпускник юридического факультета Хартумского университета, где также изучал шариат. Степень магистра права он получил в университете Оксфорда (Англия), а доктора наук (конституционное право) — в Сорбонне, в Париже. Х. ат-Тураби обращал внимание на значительную продуктивность мусульманских ученых раннеисламского «в плане новых идей», благодаря чему они оставили потомкам «богатое интеллектуальное наследие». Но на протяжении тысячелетий «большинство мусульман идентифицируют себя в качестве суннитов или шиитов». На вопрос об их принадлежности к той или иной школе, они «не задумываясь отвечают: к маликитам или ханафитам и т. п.». Однако, при этом не осознают «сути вещей», избегая включать «свой разум и сердце». Как следствие, «мусульманский мир стал деградировать по сравнению с Западом». Призывая к освобождению приверженцев Ислама «от столетий декадентской истории», ат-Тураби актуализирует развитие мусульман, должных вновь стать «оригинально

мыслящими людьми» и не быть «статичными». Это позволит не оказаться «заложниками истории не только в этой жизни, но даже и в будущей» [5].

Один из выдающихся мусульманских мыслителей современности, главный редактор «The American Journal of Islamic Social Sciences» при Международном институте исламской мысли и Ассоциации мусульманских ученых-обществоведов Абд уль-Хамид А. Абу Сулейман — уроженец Мекки (Саудовская Аравия), получил степень бакалавра и магистра в Каирском университете (Египет), а докторскую степень в области международных отношений — в Университете штата Пенсильвания (США) [6]. По его убеждению, вызов мусульманскому миру со стороны Запада затрагивает в первую очередь «сферу науки и технологий, в то время как умма претендует на превосходство над Западом в духовном, моральном и социальном плане». Правда, Запад «не имеет достоверного, надежного источника знаний о том, где следует провести границы свободы человека и увязать ее с интересами общества». Данный «источник — Божественное откровение — есть только в Исламе», не препятствующим «развитию науки и техники». Мусульмане «вполне могут добиться экономического роста», сделав свою промышленность конкурентоспособной. Проблема же «заключается в подходе, препятствующем мусульманам приобретать научные знания

и быть психологически подготовленными к прогрессу». Происходит это вследствие исчезновения из памяти того факта, что «стремление к знаниям — религиозная обязанность». Следовательно, решение проблемы — «в области образования», являющимся «средством формирования психологии детей — будущих членов мусульманского общества». Чем больше внимания на данном этапе будет уделено образованию, «направленному на формирование здорового исламского менталитета и психологии», тем большие возможности откроются перед ними в остальных областях. Необходимо переформатировать психологию «в сторону творческой и продуктивной работы на благо общества. Новая культура должна быть выдержана в духе времен Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), когда любовь и забота были нормой отношений между людьми». Только таким образом можно «добиться возрождения общественной жизни уммы, исламизации знаний и самих мусульман, т.е. их сознания» [7].

Обратим внимание на фразу «исламизация знаний»...

Один из читаемых мусульманских авторов по всему миру — Тарик Рамадан — имеет степень магистра философии и французской литературы, докторскую степень — в области арабского языка и исламских исследований Университете Женевы (Швейцария). Также изучал

исламскую юриспруденцию в знаменитом университете Аль-Азхар в Каире (Египет). Можно отметить, что он читал курс «Введение в исламоведение» во Фрибурском университете (Швейцария), является профессором современного исламоведения на факультете востоковедения Оксфордского университета (Восточный институт, Колледж Святого Антония).

В одной из своих лекций для молодежи Т. Рамадан высказался следующим образом: «Нужно больше знаний, вы должны приехать домой, взять книги и начать работать». Должно быть «чувство потребности в новых знаниях», что приведет к попыткам составлять собственное мнение. С учетом коранического призыва читать «во имя Господа твоего», мы обязаны ознакомиться с массой литературы, но «этого не делаем». Посему, «если ты хочешь изменить мир, измени свой разум, создай свой разум, свой интеллект» [8].

По словам Т. Рамадана, «существует ошибочное представление о том, что означает скромность и попытки оградить себя от запретного, как для мужчин, так и для женщин. Есть восприятие, что для женщин это означает не появляться на публике и не находиться в обществе мужчин, не бывать в общественных местах и сидеть дома, что совершенно противоречит даже действиям самого Пророка (мир и благословения ему), который разрешал женщинам находиться в мечетях, в социальной и экономиче-

ской сфере. Мы должны изменить понимание, основанное на буквалистском понимании и культурных обычаях стран происхождения, чтобы осознать: можно одновременно и выполнять религиозные обязанности, такие как нормы одежды и скромности, и учиться, поскольку это тоже обязанность.

Известно изречение Пророка о том, что стремление к знаниям является обязанностью как для мужчин-мусульман, так и для женщин» [9].

Позицию проживающих на Западе мусульман Т. Рамадан видит в следующем ключе: «Я живу здесь, я — европеец, но это не значит, что я такой же как все остальные. К пониманию общечеловеческих ценностей я иду своим путем, и я привношу в жизнь общества что-то свое». При таком подходе «наше присутствие будет заметно в общем течении жизни, а не в каких-то чрезвычайных ситуациях, в результате которых ислам срастается в общественном сознании с экстремизмом и терроризмом». В этом свете он призывает не бояться диалогов с немусульманами, ведь приверженцы Ислама пытаются наладить диалог не для отказа «от своей идентичности», а для отстаивания своей правоты в аспекте «нашего понимания ценностей». Мы «не боимся слушать других, мы берем все хорошее и оставляем все плохое», ибо «мы должны быть открытыми, как учит нас Коран» [10].

Бассам Тиби, уроженец Дамаска (Сирия) учился во Франкфурте-

на-Майне под руководством Макса Хоркхаймера (Max Horkheimer), получив степень доктора философии. «При помощи институциональной современности (науки и технологии, а также их достижений), — говорит он, — западная цивилизация через европейскую экспансию сумела прийти на смену господству исламской цивилизации. Ей удалось одержать победу во всем мире и таким образом привести в движение всеобъемлющие процессы глобализации, которыми охвачен и мир ислама». «В современном исламской ортодоксии и исламизме, — продолжает он, — мы постоянно наталкиваемся на культурную установку, заключающуюся в представлении о себе как о жертве, которая служит оправданием для антизападного неомоабсолютизма». Как отмечает Б. Тиби, «политизация религии разжигает мировоззренческий конфликт», предотвращая «ценностный консенсус как основу для мирного сосуществования». Поддержать плюрализм «в осложнившихся условиях» возможно исключительно путем «настоящего диалога».

«Мировоззренческие различия между цивилизациями — явление нормальное. Это правильно, если они признают и уважают друг друга. Демократический мир возможен при плюрализме цивилизаций. Но это не работает, когда в действие вступает политизация религии», приводящая к «цивилизационным конфликтам», могущим принять военный характер [11].

Интеллектуал д-р Фатхи Усман, уроженец Египта, получил степень бакалавра по истории в Каирском университете, степень по праву — в Александрийском университете, а докторскую степень по ближневосточным исследованиям — в Принстонском университете (США). Переехав в 1987 г. в Лос-Анджелес, основал там Институт изучения Ислама в современном мире при Фонде Омара ибн Хаттаба; также занимал должность старшего исследователя Центра мусульманско-еврейского взаимодействия Университета Южной Калифорнии.

Одним из его наиболее выдающихся произведений стало уникальное издание на английском языке — «Концепты Корана» (1996). Как отмечается, эти англоязычные комментарии к Священной Книге мусульман были организованы по принципу от таухида к ибаадаату и к шариату. Из-под его пера вышли в свет книги по шариату, правам человека и демократии в частности, «Ислам и свобода выражения мнения». По мнению Фатхи Усмана, развитие понимания прав человека являются неотъемлемым компонентом исламских законов (шариата) [12].

Интересную характеристику предоставили ему западные СМИ. В статье его памяти в британской The Telegraph говорилось, что Ф. Усман «разъяснял суть Ислама, разряжая его агрессивное восприятие на Западе. Параллельно, обращаясь к своим мусульманским братьям, он выска-

звался в том духе, что реформация может происходить без наслоений в Ислам и вне искажений переданного Всевышним пророку Мухаммеду, да благословит его Аллах и приветствует» [13]. В издании Los Angeles Times подчеркивался «мощный голос» Ф. Османа в деле модернизации подхода к восприятию Ислама, а также обращалось внимание на его высказывания о роли женщин [14].

К слову, дочь ученого — Гада Осман — профессор арабистики Государственного университета Сан-Диего (США).

В своем произведении «Бог — это Всемирный призыв человечества к миру», Ф. Осман, со ссылкой на коранические аяты, писал: «Человеческое разнообразие не может игнорироваться, провоцировать враждебность и препятствовать разумной связи между людьми. Напротив, этот фон обогащает человеческий опыт, позволяя дополнять различные взгляды и усилия. Поэтому разнообразие людей — одно из Божественных чудес, позволяющее индивидуумам сотрудничать благодаря интеллектуально-практическому взаимодействию». «Не может быть насильственного навязывания веры (путем применения силы), так как такой подход не имеет смысла, противоречит психологическим и религиозным принципам».

В аспекте Джихада мыслитель констатировал, что «во времена посланника война была лишь ответом на нападение, единственной целью которого была самооборона». В бо-

лее поздний период, «когда власть в мусульманском государстве была достигнута силой, а не путем свободного общественного выбора, как раньше, произошло установление наследственной династии, результатом чего стало жестокое правление. Действуя как деспоты, правители пытались отвлечь внимание своих угнетаемых подданных внешними войнами и победоносной экспансией».

«Коран и сунну, — резюмировал ученый, — нужно рассматривать через призму развития и в комплексе» [15].

Наверное, с примерами можно остановиться. Но, спрашивается, неужели для формирования в умме «свободолюбивых» настроений необходимо дополнять «родное» образование западным? Однако, не средневековое ли исламское общество формировало независимое мышление и свободу дискуссий? Так что произошло? Автор ранее затрагивал данную проблематику [16], в связи с чем не заостряет внимания на этом. Другое дело, факт остается фактом — на сегодня и сейчас все мы нуждаемся в формировании в умме творческой атмосферы, позволяющей мыслить не шаблонно. Однако, чтобы подойти к этому, прежде всего, необходимо ставить на ускоренные рельсы аспект образования мусульман. Поголовного, если можно так выразиться. Иначе нам останется лишь стагнировать, молчаливо наблюдая за происходящими в мире переменами. Но разве мусульманам предписано на празднике жизни следовать в последних рядах?

Список источников

1. Oldest university. URL: <http://www.guinnessworldrecords.com/world-records/oldest-university>.

2. *Larbi Arbaoui*. Al Karaouin of Fez: The Oldest University in the World. URL: <http://www.moroccoworldnews.com/2012/10/59056/al-karaouin-of-fez-the-oldest-university-in-the-world/>.

3. Из воспоминаний В. И. Немировича-Данченко от посещения им Марокко. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XVIII/1760-1780/Ross_morocco/text7.htm.

4. *Мустафа Акйюл*. Как мусульманские правительства насаждают невежество. URL: <http://islam.com.ua/mnenie/20403-kak-musulmanskiye-pravitelstva-nasazhdayut-nevezhestvo>.

5. Интервью Хасана ат-Тураби. URL: <http://www.idmedina.ru/medina/?575>.

6. AbdulHamid Abu Sulayman. URL: <http://www.globalmbwatch.com/wiki/abdulhamid-abu-sulayman/>.

7. *Абд уль-Хамид А. Абу Сулейман*. От исламизации знаний — к исламизации образования и личности. URL: <http://deyerler.org/ru/texts/news/interview-comments/print:page,1,97-ot-islamizacii-znaniij-k-islamizacii-obrazovanija.html>.

8. Тарик Рамадан о стремлении к знаниям. URL: <http://islamua.net/etika/829-tarik-ramadan-o-stremlenii-k-znaniyam>.

9. Д-р Тарик Рамадан об исламском феминизме. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/d-r-tarik-ramadan-ob-islamskom-feminizme>.

10. *Тарик Рамадан*. Самый лучший способ представить ислам — делать это через Пророка Мухаммада и его жизнь. URL: <http://www.posledniyprorok.info/samyi-luchshii-sposob-predstavit-islam-delat-eto-cherez-proroka-muhammada-i-ego-jizn>.

11. *Бассам Тиб*. Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/tib1.html>.

12. В США скончался мусульманский интеллектуал Фатхи Усман. URL: <http://teraze.org.ua/page.php?id=8&article=1409>.

13. Fathi Osman. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/8127235/Fathi-Osman.html>

14. *Elaine Woo*. Fathi Osman dies at 82; voice for modernism in Islam. URL: <http://articles.latimes.com/2010/sep/15/local/la-me-fathi-osman-20100915>.

15. *Dr. Fathi Osman*. God is the All-Peace, the All-Merciful. URL: <http://www.usc.edu/org/cmje/articles/beyond-violence.php>.

16. *Теймур Атаев*. Предписания Корана, Шариата и свобода личности. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/4/tataev.htm.

Март 2016 года

Ушёл в мир Иной «Русский азиат второго поколения...» —
поэт Александр Юдахин

*Член редколлегии нашего журнала-сайта «Исламская культура»
Михаил Синельников проводил своего друга очерком.*

Михаил Синельников

АЛЕКСАНДР ЮДАХИН — «РУССКИЙ АЗИАТ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ...»

Сообщаю о кончине поэта Александра Юдахина, которая глубоко огорчит наших общих с ним друзей в Москве, Средней Азии и Закавказье, в Коктебеле. Он умер в одиночестве в своей квартире, дверь пришлось взламывать. Это одиночество в последние дни — горький укор близким, к которым отношу и себя («В молчанье твоего ухода / Упрёк невысказанный есть...»).

Наша дружба, основанная первоначально на землячестве (наши ранние годы прошли поблизости — в Ферганской долине) и ставшая близкой, длится 45 лет.

Александр Владимирович Юдахин родился в интеллигентной семье, судьба которой связана с Востоком. Его родной дед князь Шаховской (впоследствии репрессированный) был строителем первых хлопкоочистительных заводов в Туркестане, двоюродный дед академик Юдахин — знаменитый тюрколог, создатель ряда словарей, в том числе, знаменитого монументального русско-киргизского словаря.

Александр Юдахин хорошо был знаком с Павлом Антокольским, Александром Твардовским, Константином Симоновым. Его друзьями,

любившими его и ценившими его стихотворные удачи, были из старших поколений: Сергей Марков, Александр Межиров, Михаил Луконин, Анисим Кронгауз, Владимир Глоцер, Булат Окуджава, Фазиль Искандер.

Юдахин прожил необыкновенно бурную жизнь и переменял множество профессий: был учителем истории и директором школы в Сибири, сторожем дачи и литературным секретарём, учеником главного повара эмира бухарского и коком на океанском судне, инструктором милиции по самбо, директором Дома творчества во Внукове (пожалуй, единственным честным, и не воровавшим и не доносившим, из всех директоров подобных учреждений), редактором газеты «Московский литератор», заведующим отделом «Литературной газеты» и позже ТАСС, и так далее, и так далее — перечень слишком велик.

Его литературная деятельность разнообразна: стихи, проза, статьи, переводы. Особое место в творчестве занимали произведения, посвящённые среднеазиатскому детству и вообще Исламскому Востоку и его людям. Юдахин был человеком религиозным, воспитанным в православном духе, но был интернационалистом и с детства любил мусульманскую жизнь. Поэтому он охотно принял предложение об участии в намеченном на апрель семинаре «Исламский

мир в поэзии» (этот семинар должен пройти в рамках Третьих международных Бигиевских чтений в Петербурге в апреле 2016 г.)

Александр Владимирович был старожилом Коктебеля и после долгих скитаний, казалось бы, обрёл тихую пристань, воздвигнув циклопической постройки дом под Карадагом. Но вся жизнь пошла наперекосяк и здоровье было сломлено гибелью любимого сына, которого пытались сделать осведомителем и забили в подьезде оборотни в погонах. Тем не менее трагическая утрата дала импульс творчеству, и стихи, написанные на смерть сына, пронзительны и сильны...

Юдахин несомненно был человеком чести и доброй воли. Однажды на юбилейном чествовании я сказал, что считаю его «нравственно гениальным, как Склифосовский». Все знали его доброе сердце, отзывчивость, смелость и непреклонность. Его чувство справедливости и готовность пойти против общего настроения «аэропортовских идиотов», что в частности, проявились во время постыдных пиар-компаний, проявлений либерального террора. Он всегда был готов встать на защиту друзей, поддержать слабых и гонимых. Всё это не забывается... После этой потери образовалась невосполнимая пустота.

*5 марта 2016 года
Москва*

Александр Юдахин
(1941–2016)

ИЗ АНТОЛОГИИ «НЕЗРИМОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ. ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК В РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

«Русский азиат второго поколения...» — так назвал себя поэт, родившийся недалеко от Самарканда в Катта-Кургане. Дед Юдахина создавал хлопкоочистительную промышленность в Туркестане, мать была учительницей в узбекской школе, и узбекский язык стал в семье вторым родным. В стихах разных лет ностальгическая память возвращалась к среднеазиатскому детству. Навсег-

да простившись с Ферганской долиной, с Андижаном, где прошли ранние годы, поэт нашёл некую замену знакомым пейзажам в окрестностях Коктебеля, подружился с возвратившимися в Крым татарами, с любовью вспоминая тот же Узбекистан. Искренний интернационализм и равнодушие к судьбе земляков-мусульман — свойства этой поэзии.

85

Артельщик

Семь детей, как велит шариат. По-фергански обритый, молчаливо живёт азиат на земле ледовитой.

Кипяток превращается в лёд при жестоких морозах — он живёт, чай спасительный пьёт, вспоминает о розах. Хоть загар со скуластой щеки смывает шугой Беломорья, он персидские пишет стихи на рыбацком подворье.

1973

Сулейман-гора¹

М. Синельникову

Вспоминаю, земляк, знаменитую гору,
где последний бедняк уподоблен Моголу
перед Господом. Пусть на минуту намаза.
Помню каменный груз супермощного МАЗа.
Исчезает гора на глазах человека,
разрушают её всеми силами века:
возят ночь напролёт, рвут бульдозером люто,
а она восстаёт первозданно наутро.
Годы всё-таки шли, для мечети известной
мусульмане нашли незаметное место.
Но порой промелькнёт на колючке самшита
лоскуток бумазеи с молитвой зашитой...
Узнаю старика в чайхане у подножья.
И река с ледника вспоминается тоже.
Распивают чай богомольцы Омана
в благодатной тени у горы Сулеймана.

1970

Толкование Корана

*... Что мне июльский ад
узбекского селенья?
Я — русский азиат
второго поколения.*

Сколько за кровь получает в несчастной стране
чёрствый наёмник, который на Бога кивает,
к смерти готовит людей, к «справедливой войне»,
но для детей справедливой войны не бывает.
Трупы невинных десятки и сотни калек...
Самоубийство «шахида» — особенный грех.
Семижды семь за него кто-нибудь да ответит!
Бог от юнца отвернётся, и Ангел не встретит.

2003

¹ Сулейман-гора — это гора посредине древнего Оша, на которой, по местной легенде, похоронен прах Сулеймана (библейского царя Соломона). Маленькая мечеть, воздвигнутая на вершине горы основателем династии Великих Моголов и великим тюркским поэтом Бабуром, была разрушена в годы хрущёвского «волюнтаризма» (ныне восстановлена). Сулейман-гора, окружённая могилами почитаемого мусульманского кладбища, всегда была местом благочестивого паломничества.

Илья Зайцев

ИСЛАМСКИЙ КРЫМ — НАШЕ ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ!

Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник и Духовное управление мусульман Российской Федерации в 2016 году выпускают первое в своём роде иллюстрированное издание «Мечети Крыма на старых фотографиях из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника».

В этом альбоме представлены редкие и уникальные фотографии мечетей Крыма из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Мы беседуем с одним из его составителей, Ильёй Владимировичем ЗАЙЦЕВЫМ, ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН, доктором исторических наук, многие годы специализирующимся на истории Крыма.

— Уважаемый Илья Владимирович! Правильно ли полагать, что до вас, группы составителей этого альбома, никто таких старинных фотографий не видел и тем более не мог их грамотно прочесть, поставить в контекст общекрымской истории, истории мусульман в целом?

— Фотоколлекция Бахчисарайского музея — уникальное собрание, которое уже давно используется учёными. В основном это фотографии 1920-х годов, когда Крым вместе со

всей страной переживал серьёзные социальные метаморфозы. В это время на короткий период произошёл колоссальный всплеск интереса к изучению прошлого Крыма. Именно во второй половине 20-х годов такими учёными, как Усейн Боданинский, Осман Акчокраклы, Илья Бороздин, и многими другими проводятся археологические и этнографические экспедиции по изучению прежде всего мусульманского наследия на полуострове, собираются коллекции, кото-

рые стали основой музея. Именно к этому времени относится и большая часть использованных нами фотографий.

Как я уже сказал, многие из них были известны и ранее. Однако многие негативы на стекле либо не имели надёжной атрибуции, либо были атрибутированы неправильно. Наша задача заключалась в том, чтобы заново попытаться отождествить зафиксированные на негативах памятники. Для этого мы использовали и другие фотоколлекции – архива РАН, Российской государственной библиотеки по искусству и др. Кроме того, мы решили снабдить альбом некоторыми данными исторического характера о числе и географии крымских мечетей.

— На титуле издания отмечено, что оно «посвящается 100-летию со дня основания БИКАМЗ». В чём значение такого юбилея для музейного дела в целом, для Крыма, для России? Вы ведь сами некоторое время были сотрудником этого музея.

— Я и сейчас продолжаю сотрудничать с музеем и считаю это для себя большой честью.

Мы говорим об официальной дате. В действительности экспозиция в Бахчисарайском дворце существовала и до 1917 г., проводились экскурсии, особенно для разного рода высокопоставленных лиц, посещавших Бахчисарай. 31 марта 1916 г. Петроградское общество защиты и сохранения в России памятников искусства и

старинны открыло Бахчисарайский отдел (кружок), инициатором и председателем которого стал уже упомянутый художник, археолог и музейщик Усейн Абдурефиевич Боданинский (1877–1938). Членами кружка и был создан Татарский художественно-исторический музей, однако официального статуса на первых порах он не имел. В сентябре-октябре 1917 г. произошло официальное учреждение музея как первого и, добавлю, долгое время единственного национального крымско-татарского музея.

За эти сто лет он превратился в настоящий музейный комплекс — единственный в Российской Федерации научно-просветительский центр, который специализируется на изучении, охране, реставрации, популяризации и использовании памятников византийского культурного круга (это так называемые «пещерные города» Крыма), культурного наследия Крымского ханства и крымских татар (Бахчисарайский ханский дворец, Музей Исмаила Гаспринского и др.), а также мемориалов Крымской войны (поле Альминского сражения, воинские памятники в Бахчисарае).

В заповеднике есть место и археологии, и истории, и этнографии, и искусству. Его коллекции охватывают все исторические эпохи — от мустье до этнографической современности.

— В числе составителей альбома наряду с вами значатся Р.Р. Эминов и Ш.С. Сеитумеров. Расскажите об этих коллегах!

— Рустем Русланович Эминов — известный специалист по истории и этнографии крымских татар, изучает как раз историю Бахчисарайского музея. В течение долгих лет работал в нём в качестве заведующего этнографическим, а потом и экспозиционным отделом Музея истории и культуры крымских татар «Ханский дворец». Вместе с Рустемом Руслановичем в прошлом году мы подготовили книгу «Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещённые в результате Великой Отечественной войны». Это сборник документов и материалов о судьбах экспонатов музея в военное время. В этой книге мы много использовали и материалы фотоархива.

Шукри Сейтмететович Сеитумеров заведует архивом БИКАМЗ. Я думаю, что сегодня это лучший знаток истории города Бахчисарая, который знает всё о любом из домов старого города.

— Представленные фотообразы мечетей Крыма — некая ушедшая в небытие Атлантида или мы можем и ныне путешествовать по мусульманскому Крыму? Крым ведь — соединение на компактном пространстве сразу нескольких временных и цивилизационных измерений. Жив ли «Крым исламский» в XXI веке?

— Конечно, исламский Крым жив. К счастью, уничтожено не всё. Уничтоженное можно и нужно вос-

создавать: что-то восстанавливать и строить заново, что-то воссоздавать в народной памяти. То, что делаем мы, — как раз попытка вернуть память об утраченном и дать возможность воссоздать.

— Можно предположить, что этим альбомом не исчерпаны все сокровища, хранящиеся в музее Бахчисарая. Что предстоит ещё открыть?

— Собрание БИКАМЗ поистине неисчерпаемо. Я связываю очень большие надежды и возможные серьёзные открытия с изучением и публикацией исламского рукописного наследия из собрания БИКАМЗ. Изучение рукописей уже даёт чрезвычайно много для понимания крымского Ислама в XV — начале XX веков. А даст в будущем ещё больше.

— Каким Вы видите развитие Бахчисарайского музея? Попутно вопрос сравнительного характера: насколько плодотворным для музейной работы, для реставрации и исследований, был период пребывания Крыма под началом киевских властей? И что изменилось в новый российский период?

— Начну со второго вопроса. Мне сложно судить о том, насколько плодотворно работал музей до марта 2014 г. Я не слишком близко был знаком тогда с его проблемами. Естественно, что они были, как у любого регионального музея. Вхождение Крыма в состав РФ, конечно, весьма способствовало возобновлению контактов

между музейщиками и учёными. Резко возросло количество и качество публикаций по истории Крыма. Это очень отрадно.

С другой стороны, совершенно очевидно, что непризнание Крыма в качестве субъекта Российской Федерации мировым сообществом существенно осложняет возможности международного сотрудничества (я имею в виду прежде всего выставочную деятельность).

Я уже говорил, что памятники заповедника отличаются уникальным культурным разнообразием и наглядно иллюстрируют все периоды истории Крыма: от древнейших в Восточной Европе неандертальских стоянок и эллинистических городищ к византийским пещерным монастырям и единственному в мире образцу крымско-татарской дворцовой архитектуры. Именно это разнообразие, мне кажется, и определяет миссию заповедника: во-первых, сохранение,

изучение и популяризация этого уникального наследия, а во-вторых — воссоздание исторической модели плодотворного межэтнического сотрудничества, что чрезвычайно важно в таком многонациональном и многоконфессиональном регионе, как Крым.

— Соиздателями альбома стали светский музей и религиозная организация. В чём смысл сотрудничества с Духовным управлением мусульман Российской Федерации?

— Смысл — в сохранении наследия российских мусульман. Это наше общее достояние, которое мы и беречь должны совместно. И мне лично очень отрадно, что такие инициативы находят понимание и поддержку ДУМ РФ.

*Беседу провёл
Джаннат Сергей МАРКУС*

Москва, 19 марта 2016 года

Источник: <http://www.islam.ru/content/kultura/46518>

Юрий Михайлов

КАК ПОБОРОТЬ ДАИШ (ИГИЛ) — РЕЛИГИОЗНЫЙ МУТАНТ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Выступление Юрия МИХАЙЛОВА, директора издательства «Ладомир», члена редколлегии нашего журнала «Исламская культура», на форуме «Журналисты исламских стран против экстремизма», который прошёл в Москве 8-9 декабря 2015 года.

Вся история человечества — это история нескончаемых попыток людей осуществлять заветные мечты, ведь когда они сбываются, человек погружается в эйфорию счастья, обретает чувство полноценного бытия, душа его воспаряет. Переживание счастья бывает чаще всего скоротечным, мимолетным, ибо обусловлено оно, как правило, житейскими обстоятельствами, а потому на протяжении жизни человека одна заветная мечта сменяет у него другую.

Высшим пределом наполненности судьбы земными благами высту-

пает так называемая «американская мечта». В «Декларации независимости США» сказано: «жизнь каждого должна быть лучше, богаче и полнее, с возможностями для каждого в соответствии с его способностями или достижениями — независимо от социального класса или обстоятельств рождения». Эта модель жизнеустройства, предложенная «отцами-основателями» Соединенных Штатов, привела к тому, что для многих в нашем мире данная страна стала олицетворением того, чем для еврейского народа была некогда Земля обетованная.

История человечества немыслима без желания его выдающихся умов улучшить этот мир, предложив в качестве ориентира модель — всякий раз свою — общества всеобщего благоденствия. Думаю, многие читали и уж наверняка все слышали о «Государстве» Платона, «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона, «Утопии» Томаса Мора, «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Путешествии в Икарию» Этьена Кабе, «Четвертом сне Веры Павловны» (из романа «Что делать?») Николая Чернышевского, «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, «Острове» Олдоса Хаксли, «Розе Мира» Даниила Андреева и мн. др.

Россия в недавнем прошлом пыталась на практике реализовать одну из утопий, коммунистическую — «светлое будущее для всего человечества», как было сказано в последней редакции «Программы КПСС», несколько переиначившей слоган Карла Маркса «Коммунизм — истинное счастье всего человечества».

Мало кто знает, но ради победы коммунистической идеи, построения всемирного общества всеобщей гармонии и счастья соратник Маркса Фридрих Энгельс готов был принести в жертву какую угодно часть рода людского: «В ближайшей мировой войне, — написал он 13 января 1849 года в статье «Борьба в Венгрии», — исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом». Особую нелюбовь не-

мецкий интернационалист, борец за вселенское счастье питал к славянским нациям Европы, «славянским варварам», как он выражался, отпетым «контрреволюционерам», которые, по его мнению, заслуживали расплаты «кровавой мезтью», проще говоря, поголовного истребления, а по сути, геноцида. ненависть к русским, — развивал Энгельс свои идеи в феврале того же года в статье «Демократический панславизм», — была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции [1848 года] к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем, где сконцентрированы враги революции (т. е. враги здоровой части человечества. — Ю.М.): в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам. борьба [со славянством] на уничтожение и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции (т. е. будущих граждан всепланетарного общества счастья, в котором нет места русским и братским им народам. — Ю.М.)!»

Трагедией беспрецедентного масштаба обернулось для всего мира построение общества счастья на родной

земле Маркса и Энгельса. Выступая 13 июля 1941 года перед войсками СС, отправлявшимися на Восточный фронт, Генрих Гиммлер сказал: «На одной стороне стоит национал-социализм — идеология, основанная на ценностях нашей германской, нордической крови, стоит мир, каким мы его хотим видеть — прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении мир, который, быть может, пока и страдает какими-то недостатками, но в целом счастливый, замечательный, наполненный культурой, — таким миром как раз и является Германия».

А еще ранее, 3 апреля 1937 года, спустя каких-то четыре года после всенародного избрания рейхсканцлером, Адольф Гитлер, или «Гитлер-освободитель», как тогда писали немцы, прямо провозгласил: «Народ в Германии сейчас гораздо счастливее, чем где-либо в мире».

Мы-то в России знаем, какой ценой давалось это счастье. Не существовало таких жертв, на которые не готовы были бы пойти творцы совершенных обществ, чтобы тем, кто останется на планете в живых, «жить стало лучше, жить стало веселее».

Николай Бердяев, крупнейший российский религиозный мыслитель, изгнанный из страны Владимиром Лениным и его комиссарио-опричниками, писал в работе «Царство Духа и Царство Кесаря» (1949 г.): «Обыкновенно утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в

большинстве случаев осуществлялись. Об утопиях судили по изображению совершенного строя Томасом Мором, Кампанеллой, [Этьеном] Кабе и др., по фантазиям [Шарля] Фурье. Но утопии глубоко присущи человеческой природе, она не может даже обойтись без них. Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни. Утопии всегда осуществлялись в извращенном виде. Большевики — утописты, они одержимы идеей совершенного гармонического строя. Но они также реалисты, и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию. Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения». К этой последней мысли мы еще вернемся.

Меж тем самыми мощными, не подверженными коррозии времени концепциями общества счастья являются религиозно мотивированные социальные построения, опирающиеся прежде всего на авраамическое (монотеистическое) мировоззрение. Ныне они — главный оппонент «американской мечте».

Формы общежития верующих в рамках одних и тех же религиозных традиций неизбежно отличаются друг от друга, поскольку обусловлены историко-культурным своеобразием конкретных народов, что находит наиболее яркое выражение в национальных богословско-правовых школах. Эти-то школы и призваны

формировать означенные социальные учения, базовая цель которых — защита духовного суверенитета государства и привитие гражданам иммунитета к духовным патологиям, без чего невозможна социальная стабильность. Если такой школы нет, или она еле дышит, или разгромлена, или ей не дают сформироваться, подсовывая верующим ее имитацию-пустышку, значит, государство будет обречено жертвовать своими гражданами, угодившими в сети либо под нож религиозных извращенцев.

Для благочестивого человека высшей формой счастья является служение Богу, и венцом этого служения, пиком блаженства выступает встреча с Создателем на Страшном суде с получением от Всевышнего заслуженного праведником воздаяния: обретения новой формы существования — вечной жизни в изобильных чертогах безмерного и непреходящего счастья, то есть бессмертия в Раю.

Поскольку земная жизнь — это лишь долгий экзамен перед переходом в мир иной, каждый верующий стремится с честью выдержать этот экзамен, а потому ему крайне важно знать, как себя вести, дабы, творя земные дела, не сбиться с Божьей стези. Но что делать, когда понимание правил поведения, заповеданных нашим Создателем, входит в прямое противоречие с правовыми уложениями, установленными государством, а точнее — людьми, не свободными от греха? Для набожного человека двух мнений быть не может. Так, в начале

октября председатель отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин заявил, что «для верующего человека Закон Божий стоит выше любого человеческого постановления или закона». По словам Чаплина, если государственный закон противоречит «божественным постановлениям», то верующий может и должен не исполнять этот закон. «Вот так мы будем жить, нравится это кому-то или нет», — предупредил иерарх Русской Православной церкви. У мусульман, кстати, позиция аналогичная: здесь также действует принцип «Нет повиновения тому, кто не повинуется Богу».

Таким образом, мы выходим на ключевую проблему дня: как гармонизировать государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения, как избежать антагонизмов, перерастающих порой в непримиримое противостояние с реками крови? Понятно, что речь идет не о декларациях. Мастеров их сочинять у нас полным-полно. Со стороны верующих такие вопросы должны разрабатываться в лоне национальной богословско-правовой школы.

Возьмем, к примеру, РПЦ. Московский патриархат многие годы занимается вопросами религиозной социализации верующих, понимая под ней прежде всего воцерковление, становление членом приходской общины, то есть добровольное признание человеком влияния Церкви через

усвоение принятого в ней образа жизни и образа мыслей. При этом усвоение образа мыслей должно происходить параллельно с усвоением образа жизни. Этот последний и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяя тому выработать со временем новое отношение к миру и к самому себе.

Традиционная культура России зиждется во многом именно на православии. А потому в условиях религиозного возрождения в нашей стране проблемы социализации православных не вызывают каких-то концептуальных и методологических затруднений. Иное дело исповедники ислама. Если евангельский постулат «Цезарю — цезарево, а Богу — Богово» (Мф. 22: 21) во многом снимает для православных граждан напряжение в отношениях с государством, то для правоверных, не знающих разделения на «цезарево» и «Богово» (для них всё — Богово), эти отношения приобретают ныне особую остроту. И она тем выше, чем разительнее контраст между окружающей повседневностью и идеалом бытия, какой усвоен мусульманином в процессе религиозного образования и духовного взросления. Поэтому крайне многое зависит от личности наставника.

Если в стране сложилась сильная богословско-правовая школа, то есть такая, которая способна обеспечить общество (в том числе и поликонфессиональное) мощной социальной доктриной, консолидирующей и мо-

тивирующей это общество на опережающее развитие, на приумножение его духовности, то и сложностей с компетентными наставниками, помогающими государству вырастить законопослушных граждан с активной жизненной позицией, быть не должно. Но в реальности ситуация, к сожалению, сложнее.

Успех ИГИЛ высветил огромное количество проблем, с которыми столкнулась мировая и, в частности, российская умма. Ведущие интеллектуалы Исламского мира, представляющие наиболее известные богословско-правовые школы, оказались бессильными перед идеологией этого квазигосударственного образования. Какие бы фетвы ни принимались, какие бы проклятья ни обрушивались на головы приверженцев группировки, самоназавшейся «Исламским государством», — всё оказывается тщетно. Сколько бы территория ИГИЛ ни подвергалась бомбардировкам, поток новобранцев со всех концов земного шара не уменьшается, и метастазы этого ракового образования продолжают возникать по всему миру. Какие только объяснения данного феномена ни озвучиваются. Чаще всего мы слышим о потрясающем уровне игиловской пропаганды. Затронем эту тему.

Как известно из психологии, любая пропаганда опирается на укоренившиеся в людях стереотипы, то есть на готовые схемы восприятия окружающего мира, которые реша-

ющим образом определяют идентичность индивида. Но если это так, то получается, что высокая эффективность игиловской пропаганды — это не более чем вершина айсберга, низовую часть которого составляет нечто иное, намного более значимое. Поэтому, как мне представляется, успех идеологического рупора ИГИЛ объясняется не той голливудской мощью, какую ему настойчиво приписывают впечатлительные, охочие до сенсаций журналисты, а подспудным воздействием на те сокровенные механизмы верующих, которые порождают сильнейший эмоциональный отклик, мотивирующий их покинуть родину, близких, семью и отправиться в дальние края на чужбину в желании обрести... — думаю, многие читатели уже догадались, какое слово я сейчас употреблю в свете сказанного выше — счастье. Россиянам известен нашумевший пример Вари Карауловой, восемнадцатилетней романтической девушки, умницы и отличницы, поверившей, что именно ИГИЛ станет для нее и ее далекого возлюбленного обителем столь чаемого личного благополучия.

Комментируя первую высадку американцев на Луне, Рухолла Мусави Хомейни (1902—1989), великий аятолла и вождь Исламской революции, свершившейся в Иране в 1979 году, заметил: «Пусть себе едут на Марс или за пределы Млечного Пути — они всё равно не достигнут настоящего счастья».

Остальные версии причин успешности проекта ИГИЛ уже набили оскомину — столь часто их настойчиво внушают обществу. Это и разгром офицерского корпуса и в целом государственности Ирака и Ливии, и обострившийся гражданский конфликт в Сирии, и безрассудная политика США в регионе, и тайные операции спецслужб, и много чего еще из событий конца XX — начала XXI века. В последние же дни мы постоянно слышим, что ИГИЛ — это банда головорезов, основная цель которой — демпинговая торговля награбленными на захваченных территориях нефтью и музейными сокровищами, и всё это — под прикрытием семейного клана президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

Как известно, дабы излечить больного, надо правильно поставить диагноз заболевания. А потому, чтобы эффективно противостоять ИГИЛ, следует вскрыть корневую систему этого странного образования, всерьез строящего государственную инфраструктуру и претендующего на свою легитимизацию в будущем. Не случайно глава турецкой Национальной организации разведки (МИТ) Хакан Фидан, один из самых верных союзников Эрдогана, заявил, что «ИГИЛ — это реальность, и мы должны признать, что не можем уничтожить такую хорошо организованную и популярную государственную систему, как «Исламское государство», потому я призываю своих западных коллег

пересмотреть взгляды на исламское политическое движение, отложить в сторону их циничный менталитет и помешать планам Владимира Путина сокрушить сирийских исламистских революционеров». Символический заголовок, под которым это заявление опубликовало немецкое агентство AWDNEWS: «Глава турецкой разведки: ИГИЛ — это реальность, и мы оптимистичны по поводу его будущего». О претензиях ни много ни мало на мировое лидерство говорит переименование ИГИЛ на ИГ, принятое главарями этой группировки в июне 2014 года, то есть была снята вообще какая-либо ее территориальная привязанность, а на бытовом уровне стало приветствоваться еще более вызывающее название — Халифат.

Думаю, что, показав ложность объяснения первопричин успеха ИГИЛ якобы «потрясающим мастерством» его Министерства пропаганды, мы вправе на тех же основаниях квалифицировать как поверхностные, не дающие представления о подлинной сути явления и все остальные упомянутые выше причины.

Так вот я убежден, что рано или поздно нечто вроде ИГИЛ обязательно возникло бы, убежден, что при нынешнем состоянии исламской мысли появление ИГИЛ было неизбежно и лишь стечение драматических обстоятельств на Ближнем Востоке локализовало это псевдогосударство там, где оно сейчас обретается.

В начале октября в Москве прошла международная конференция «Исламская мысль против терроризма». Принятая на ней декларация страным образом не получила в нашей стране широкой огласки, хотя она дает концептуальные ответы на многие вопросы, находящиеся сегодня в центре общественного внимания. В своем выступлении на конференции я затронул многие проблемы, обсуждение которых продолжу в настоящей статье.

В этой конференции принял участие бывший генеральный секретарь Организации исламского сотрудничества г-н Экмеледдин Ихсаноглу. Он сказал, в частности, что надо все-таки разобраться, почему сегодня ни одна из мусульманских стран не демонстрирует лидерские позиции в мире. От себя добавлю: и даже мало-мальски значимых тенденций к этому не наблюдается.

Вторая половина XIX и весь XX век прошли под знаком попыток понять, что не так в Исламском мире. Было предложено множество рецептов по выправлению ситуации. На слуху имена Джамала ад-Дина аль-Афгани (1839—1897), Мухаммада Абдо (1849—1905), Абд ар-Рахмана аль-Кавакби (1849—1902), Рафика аль-Аззама (1867—1925), Мухаммада Рашида Риды (1865—1954), Мухаммада Икбала (1873—1938), Сейида Кутба (1906—1966), Али Абд ар-Раззака (1888—1966), Али Шариасти (1933—1977), Абу аль-Ала Маудуди (1903—1979) и др.

Говоря о начале мусульманского упадка, аль-Кавакби, например, отмечал, что упадок этот начался «тысячу лет назад или более». Среди его причин мыслитель называл, в частности, доминирование веры в предопределение, доктринальные споры, разобщенность, религиозную нетерпимость, невежество, засилье ложных улемов; говорил он и об «усохших» моделях религии, которую постигли расслабленность, отсталость и регресс. Пытаясь наполнить термин «иджтихад» актуальным содержанием, истолковывая его как свободу слова и убеждений, он одновременно развенчивал современную практику иджтихада, подчеркивая, что у нынешних муджтахидов он в лучшем случае сводится к начетничеству. Вкладывая принцип иджтихада, наряду с другими, в понятие свободы человека, аль-Кавакби объявлял свободу личности главной нормой, политической аксиомой, без которой невозможно уничтожить деспотизм, душаций Исламский мир. Утрата свободы, говорил он, в конечном счете приводит к «умерщвлению душ, подрыву прав, нарушению законов», к торможению социального и национального развития.

Максималистскую позицию выражал Сейид Кутб, утверждавший, что истинно мусульманское общество «прекратило свое существование с тех пор, как со всей земли исчезло правление по закону Аллаха» (а произошло это, по оценке Кутба, давным-давно, «уже много веков назад»),

что настоящая умма похоронена под «руинами исламской идеологии, под обломками социальных форм и порядков, которые не имеют никакого отношения ни к Исламу, ни к исламскому пути, хотя некоторые деятели утверждают, что мусульмане существуют в рамках так называемого Исламского мира». Кутб настаивал, что «в настоящее время весь мир живет в джахилийе».

Примерно в том же диапазоне мнений рассуждали и рассуждают многие из тех, кто озабочены судьбами исламских народов. Если резюмировать, то чаще всего речь идет об интеллектуальном застое, сковавшем мусульманскую умму. Схоластический тип мышления, догматический способ усвоения религиозных знаний, общая деинтеллектуализированность духовного пространства транслируются и закрепляются через сложившуюся в мире сеть мусульманских учебных заведений, вплоть до ведущих университетов. И российские вузы здесь не исключение. В результате значительная часть мусульман живет представлениями о далеком историческом прошлом как пике развития человечества, к которому надо во что бы то ни стало вернуться, пусть даже через внешнее подражание тому времени. Обычно говорят о «золотом веке» Халифата, но имеют в виду прежде всего эпоху пророка Мухаммада (как писал Маудуди, это была «цивилизация и культура без всяких намеков на ущербность, неполноценность и какие-либо недостатки»), в

которую хотелось бы перенестись, порвав с окружающим миром торжествующей несправедливости. Не зная ислама как живого учения, требующего своего постоянного осмысления в контексте современности, воспринимая эту религию как застывшую и раз и навсегда окостеневшую систему, требующую скрупулезного воспроизведения словесных и поведенческих конструкций и не предполагающую каких-либо усилий разума, эти верующие убеждены, что, лишь подчиняя себя образу жизни Пророка, с доскональным копированием всех, даже самых заурядных, исторически и территориально обусловленных особенностей его быта, можно удержаться на прямом пути к Богу и испытать подлинное счастье. То есть, вместо того чтобы заняться духовным самосовершенствованием, овладением всем накопленным человечеством богатством знаний (а ведь это тоже благо Всевышнего!) и раскрытием собственного творческого потенциала, даруемого Господом каждому человеку для выполнения им функции наместничества, эти люди посвящают свою жизнь механистическому воспроизведению в деталях бытового уклада Пророка и его окружения, превращая этот самый уклад, по сути, в идола, которому они истово поклоняются, обличая в неверии (такфир) всех, кто с ними не согласен. И они даже готовы расправляться со своими оппонентами как с личными врагами, вплоть до садистского лишения их жизни, будучи убеждены, что такие распра-

вы ожидаются от них Богом как свидетельства чистоты их веры. Кстати, весьма символично, что, захватывая города, игиловцы первым делом уничтожают городские библиотеки и тех, кто почитается местными жителями как знатоки ислама.

В психиатрии давно установлено, что если некто склонен к насилию над несогласным с ним, то это прямо свидетельствует о шаткости позиции насильника, в нашем случае — о слабости его веры (вспомним коранический рассказ о бедуинах: они хоть и приняли ислам, но «вера не вошла в их сердца» (49: 14)). И, поскольку вера у насильника еле теплится — что воспринимается им как мучительно саднящая душевная рана, — он нуждается в новых объектах насилия, всякий раз убеждая себя, что это насилие Богом заповедано и во имя Бога совершается.

Мухаммад Абдо писал о тех, кто, «слепо следуя былым авторитетам», поражен «болезнь таклида»: «Сначала уверуют во что-то, убедят себя в чем-то, а потом ищут обоснования этому, причем им требуется только такое обоснование, которое совпадает с тем, во что они уверовали. Если такого совпадения нет, они отвергают любые аргументы, сопротивляются им даже в том случае, если для этого потребуется опровергнуть все доводы рассудка». В предисловии к своей книге «Умм аль-Кура» («Мать городов») Мухаммад Абдо обращался к читателю с призывом быть членом «общины следования по правильному

пути», а не «общины подражателей». Вспомним, наконец, Коран: «Скажи: «О люди Писания! Не излишествуйте в своей обязанности [перед Богом] вопреки истине и не потакайте прихотям людей, заблудших еще раньше. Они ведь многих в заблуждение ввели и [сами] сбились с прямого пути» (5: 77).

Сформировавшееся на исходе XX века информационное общество позволило охватить колоссальные аудитории самыми экзотическими идеями, которыми ранее были одержимы порой исключительно маргиналы. Сторонники радикальных идей переустройства земного мира также получили уникальную трибуну и легионы преданных поклонников.

Осталось упомянуть американцев с их проектом Большого Ближнего Востока и иллюзиями демократизировать то, что демократизации по западным лекалам не поддается. Ну не готовы мусульмане воспринимать «американскую мечту» как свою путеводную звезду, сколько бы Запад ни усердствовал. Разломав, словно слон в посудной лавке, геополитическое равновесие на Ближнем Востоке, стимулировав подъем и консолидацию местных деструктивных сил, а то и вооружив некоторые из них, США подтолкнули развитие событий в том направлении, которое они и предвидеть-то не могли — возникла быстро расширяющаяся территория, куда со всего мира потянулись те, для кого воспроизведение исторического Халифата здесь и сейчас было равно-

значно построению общества счастья на земле.

Вот в чем кроется успех игиловской пропаганды — она лишь пробудила давным-давно сформировавшиеся ожидания у огромной массы верующих. Вот почему ИГИЛ стал центром притяжения, своего рода Землей обетованной для граждан более чем восьмидесяти стран.

Понятно, что не все прибывшие увидели ожидаемое. Но иначе и быть не могло, поскольку движение вспять по шкале исторического времени невозможно.

Итак, что же такое ИГИЛ?

Во-первых, это попытка реализовать утопическую идею — восстановить исторический Халифат.

Али Абд ар-Раззак писал, что в первоначальном исламе не было институциональных основ государства, ислам создал духовно-нравственное единство уммы, и последняя вольна в выборе своего политического устройства. При выборе формы государства, призывал Абд ар-Раззак, надо обращаться к доводам разума, опыту наций и правилам политики; Халифат — не более чем политическое оформление исторического опыта мусульман в области государственного строительства.

А вот что говорил Сейид Кутб: «Исламское общество, с точки зрения его формы и масштабов, разновидности господствующей в его рамках жизни, не представляет собой незыблемый исторический образ»; мусульманская

цивилизация может «принимать различные формы в процессе своего материального развития»; мусульманское общество должно быть гибким в том, что касается внешней формы.

И здесь я хочу вернуться к приведенной мной ранее цитате из Николая Бердяева: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения». А потому в ИГИЛ ради построения общества счастья, как и при гитлеризме с ленинизмом-сталинизмом, тоже живших утопиями, льются реки крови и подлежат уничтожению кяфиры — «враги народа».

XX век отмечен тяжелейшими для человечества экспериментами по реализации трех грандиозных социальных утопий: фашизма, национал-социализма и коммунизма. Попытка восстановления исторического Халифата — это, в определенном смысле, пик данного процесса, на сей раз стимулированного еще и религиозными основаниями.

Во-вторых, ИГИЛ — это типичная тоталитарная секта, с жестко выстроенной вертикальной иерархией (во главе с халифом — харизматичным лидером-диктатором, возмнившим себя избранником Бога, мессией-махди), мощным репрессивным аппаратом и мобилизующей целью — осчастливливания человечества путем его спасения (от всего греховного-харамного) через безжалостное и систематическое уничтожение той его части, что погрязла

в нечестии (сюда относятся все не согласные с мнением халифа), завоевание мирового господства и построение на обломках сокрушенной языческой цивилизации совершенного общества, всецело подчиненного Закону Божьему (шариату) и халифу — наместнику Всевышнего, единственному носителю и выразителю правильного истолкования Его законоустанавливающей воли.

В-третьих, ИГИЛ — это апофеоз язычества.

Помните, как говорится в Коране: «Ужель не видел ты того, кто обожествил свою прихоть? Бог ввел его в заблуждение, запечатал его слух и сердце, а взор его покрыл завесой» (45: 23)?

В ИГИЛ нет ничего, что отличает подлинный ислам, — лишь внешний антураж. Это карнавал прихотей осатаневших безумцев, готовых принести в жертву своим неумным страстям миллионы людей, целые народы. Мухаммад Абдо когда-то произнес знаменательную фразу: «Фанатики вышли за пределы веры во имя веры».

В четвёртых, ИГИЛ — это общество недовольных, обиженных, неудовлетворенных, угнетенных, не нашедших себя в жизни, а потому утративших ее смысл мужчин, совершивших «хиджру» на «заповеданную Богом» территорию («зачищенную» от греха Его передовым отрядом) и тем самым необратимо порвавших с

царством язычества; это также и общество мужчин, одержимых жаждой «праведной мести» взрастившему их порочному миру и идеей героической самореализации на этом пути через беспощадное тотальное уничтожение врага-зла, а если понадобится, и через принесение себя в жертву (отказ от продолжения земной жизни в пользу небесной) во имя высшей цели — избавления творения Божия от человеческой скверны и построения халифата XXI века как мира высшего мужского счастья, в котором радикальный сексизм (гендерная сегрегация) возведен в повседневную норму жизни (на всю женскую половину человечества распространена практика восточной тирании); это, ко всему прочему, еще и сообщество яростных фанатиков, охваченных гневом религиозной ненависти, а кроме того, романтиков и идеалистов, ослепших в самообольщении.

В пятых, это террористическое сетевое интернациональное бандформирование, продукт эпохи глобализации и фундаментального кризиса сложившегося миропорядка. Трудно отделаться от ощущения, что во главе ИГИЛ стоят абсолютные циники, с отменной (похоже, европейской) выучкой во многих отношениях, у которых нет ни капли веры, но есть четкое понимание, где находится ахиллесова пята современной исламской уммы, и которые прекрасно знают законы мирового политического закулисья.

Короче говоря, ИГИЛ — это религиозный мутант эпохи глобализации, порождение многовекового застоя в исламской мысли, вооруженный до зубов монстр, возвращенный на крутом замесе дремучего мракобесия, сектантского мировоззрения, безмерной похоти, коррозии мировой политической системы и, наконец, близорукости американской властной элиты.

Думаю, теперь понятно, почему никакое бомбометание не способно обеспечить полный разгром ИГИЛ, почему выносимые богословами фетвы не достигают цели, почему игиловцам удастся продолжать решительное наступление на современную цивилизацию. Думаю, ясно и то, что отгородиться от ИГИЛ методами, которыми сегодня оперируют спецслужбы, невозможно, поскольку территориальная привязанность сторонников этого государства к его нынешнему месту пребывания весьма условна и число этих сторонников неуклонно растет. Они есть повсюду, поскольку интеллектуальный ступор в умме, затхлость системы религиозного образования и костоломные методы работы силовиков исправно пополняют кадры исламских радикалов. Что же нам делать?

29 сентября 2015 года, в обращении к участникам саммита ООН, президент США Барак Обама заметил: «Экстремистскую группировку «Исламское государство» не победить силой оружия, а только предложением лучших идей». Кто бы спорил? Ведь

испокон веку известно, что с идеями можно бороться только идеями же. К сожалению, сторонников такого метода решения проблем терроризма всегда было мало среди сотрудников спецслужб. Полагаю, их критически мало не только у нас, но и в США. И это тоже одна из проблем, которую надо во что бы то ни стало срочно решать.

Любопытно конечно же, где Обама возьмет эти самые контр-идеи. Между тем, в России проблема осмыслена намного глубже. Задолго до Обамы, 22 октября 2013 года, В.В. Путин выступил в Уфе с программой, которая призвана как раз и породить востребованные президентом США идеи и навсегда искоренить в России питательную почву для радикализации мусульман. Лидер нашего государства предложил концепцию социализации российского ислама, призвав вытянуть его из трясины Средневековья и сделать опорой развития страны, что, на мой взгляд, несомненно, оправдано, ведь подлинный ислам — это религия постоянных инноваций и непрекращающейся социальной модернизации, обеспечивающей процветание общества.

Ключевой задачей на этом пути является создание авторитетной отечественной богословско-правовой школы, которая выставит надежный заслон проникновению деструктивных идей в российское духовное пространство, разработает модель современного государства, в рамках которого сможет быть реализован

гигантский созидательный потенциал ислама. Глядишь, и фетвы наших муфтиев перестанут быть интересными только им самим, а также их кураторам, контролирующим выделение немалых денег на подобный вид самодельного (а подчас откровенно дилетантского) творчества.

К реализации программы Путина надо было бы привлечь ведущих мыслителей Исламского мира, ведь в конечном счете разработанный комплекс идей будет востребован всеми странами. В этом плане, на мой взгляд, самое время вспомнить о хадисе «Бог посылает этой умме того, кто обновляет ей веру каждые сто лет», то есть каждые три-четыре поколения умма должна обновляться, преображая свое состояние.

К сожалению, должного развития программа главы государства пока не получила: группа высоко сидящих влиятельных твердолобых тупиц заблокировала ее реализацию, расходуя доверенные им средства так, чтобы сложившийся статус кво не был изменен, а дабы избежать ответственности, они стали плодить бумажки-пустышки с названиями, похожими на те документы, о которых говорил президент (см. подробнее мои статьи «Деинтеллектуализация российского ислама: почему чиновники проигнорировали «уфимские тезисы» Путина?» (<http://regnum.ru/news/1820985.html>) и «Какой должна быть «социальная доктрина ислама» ([!\[\]\(83f22ed94ec5517769dd76d702c6bfd8_img.jpg\)

103](http://www.islamantiterror.ru/eksperty/kakoj-dolzha-byt-</p></div><div data-bbox=)

sotsialnaya-doktrina-islama)). Так уж сложилось, что до сих пор в России действенная работа поставлена лишь в плане физической ликвидации вооруженных радикалов, а всё, что касается профилактики, подменено болтовней, правда, хорошо оплачиваемой.

Несмотря на яростное сопротивление упомянутых чиновников, «уфимские тезисы» Путина снискали широкую популярность у российских мусульман. Теперь все статусные

представители духовенства считают своим долгом ритуально упомянуть их по делу и без дела. Я искренне надеюсь, что реализация этих тезисов начнется не тогда, когда банды игиловцев станут свободно расхаживать по улицам наших городов, а гораздо раньше.

Напоследок напомним коранический императив: «Человек обретёт лишь то, в чём он усердствовал» (53: 39). Так давайте же постараемся.

Источник: <http://www.rusisworld.com/novosti-gruppy/vystuplenie-yuriya-mihaylova-na-forume-zhurnalisty-musulmanskih-stran-protiv>

Илья Полонский

АФРИКАНСКИЙ «ХАЛИФАТ». СЕВЕРНАЯ НИГЕРИЯ ИДЁТ ПО СТОПАМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Кровопролитная война на Ближнем Востоке, развязанная при прямой поддержке США и стран Персидского залива религиозными экстремистами, вытесняет на второй план события на Африканском континенте. Между тем и там наблюдается невиданная по сравнению с предыдущими десятилетиями и даже столетиями активизация религиозных радикалов. Фактически в Африке давно открыт не менее мощный, чем в Сирии, Ираке или Афганистане, фронт вооруженной борьбы исламских фундаменталистов.

Как и на Ближнем Востоке, в Африке активна международная организация «Исламское государство» и ее региональные союзники и последователи. Стратегическая цель этой организации на Африканском континенте — опять же «возвращение мусуль-

манских земель» и создание халифата на огромной территории, включающей в себя Судан, Эфиопию, Сомали, Эритрею, Кению, Уганду, Чад, Нигерию. Религиозные радикалы особенно активны в тех странах, где проходит линия раздела между территориями распространения ислама и христианства, или традиционных верований. Как известно, границы в Африке устанавливались искусственно — по границам бывших колоний европейских держав, что не предполагало учета действительных исторических, социально-демографических, социокультурных особенностей африканских стран. В результате в одном государстве оказывались христиане и мусульмане, кардинально отличавшиеся друг от друга по образу жизни и мировоззрению. Религиозные различия усугублялись этническими, а

этнические — экономической конкуренцией.

Не только представители разных религий, но и враждовавшие друг с другом народы оказывались объединены в рамках одних государств и были вынуждены пытаться строить совместную жизнь, что почти никогда не получалось без большой крови. Практически везде, где в пределах одного государства проходила «линия культурного разлома», после деколонизации наблюдались конфликты, выраставшие в лучшем случае в вялотекущее политическое противостояние с периодическими массовыми беспорядками и терактами, а в худшем случае — в кровопролитные гражданские войны, жертвами которых оказывались сотни тысяч человек. Разумеется, этнические и религиозные противоречия на континенте стимулировались и поддерживались заинтересованными третьими сторонами. Некогда ими были США, СССР, КНР — каждая из этих стран вела собственную военно-политическую игру в Африке.

Сейчас многократно усилился фактор исламского радикализма, за спиной которого стоят нефтяные монархии Персидского залива и те же Соединенные Штаты Америки.

Нигерия — христианско-мусульманская страна

До 1990-х гг. основной территорией активной деятельности исламских фундаменталистов оставалась Север-

ная Африка, в первую очередь — Алжир. К югу от Сахары наиболее активно фундаменталисты проявляли себя в Сомали. Однако в 2000-е гг. ситуация стала стремительно меняться, что было связано как с продолжающейся исламизацией «Черного континента», так и с радикализацией мусульманского населения Африки, в особенности — в тех странах, где мусульмане не составляли большинства населения и были вынуждены соседствовать в рамках одного государства с христианами или приверженцами традиционных верований. Новой зоной влияния радикальных исламистов стала Западная Африка, в первую очередь — Нигерия. К концу 1990-х гг. Нигерия превратилась и в одну из наиболее динамично развивающихся в экономическом отношении стран Африканского континента. Высокие показатели экономического роста, вызванные ростом цен на нефть, способствовали улучшению экономического положения страны. Произошел и переход от военных диктатур, периодически сменявших друг друга на протяжении 1960-х — 1990-х гг., к гражданскому правлению. Несмотря на многочисленные проблемы, с которыми сталкивалась страна в сфере политического управления (а это трайбализм, коррупция, злоупотребления властью и прочие вполне обыденные для Африки явления), Нигерия оставалась одной из наиболее развитых и стабильных стран континента.

Однако в 2000-е гг. ситуация стала меняться в худшую сторону. И при-

чиной тому стал как раз тот «культурный разлом», о котором мы писали выше. По численности населения Нигерия занимает первое место в Африке и седьмое место в мире, обогнав, в том числе, и Россию. В стране проживает более 180 млн. человек.

Это представители 250 народов и племён, среди которых наиболее многочисленны йоруба, составляющие 21% населения страны, игбо (18%), хауса и фульбе (вместе — 29% населения). Население страны практически поровну делится на мусульман и христиан. Ислам исповедует около 50% нигерийцев, 40% являются христианами и 10% — последователями местных традиционных верований (последние в политическом отношении больше тяготеют к христианам). Естественно, что такая пропорция мусульман и христиан в населении страны значительно усложняет межконфессиональный диалог. Тем более, что религиозные различия в стране совпадают с этническими и географическими. Процесс распространения основных мировых религий — христианства и ислама — осуществлялся в Нигерии двумя путями.

Христианство принесли в страну европейские миссионеры, высаживавшиеся вместе с торговцами и колонизаторами на побережье Гвинейского залива — на юге Нигерии. Поэтому южные и восточные районы страны и стали регионом наибольшего распространения христианства. Христианство исповедуют народы йоруба, игбо, иджо, ибибио и многие другие.

20 млн. нигерийцев исповедуют англиканство, еще 20 млн. католицизм, более 18 млн. являются последователями различных течений пятидесятничества.

Ислам является господствующей религией в Северной и Западной Нигерии. Его исповедуют практически все представители народов хауса, фульбе, канури, сонгай. В 12 северных и западных штатах Нигерии действуют законы шариата, причем 9 штатов являются полностью шариатскими, а еще в трех шариат утвержден в районах компактного проживания мусульман. Утверждение шариата в северных штатах началось с того, что в 1999 г. губернатор штата Замфара Ахмад Руфай Сани выступил за введение шариатских правовых норм на государственном уровне. В настоящее время шариатское законодательство действует в штатах Замфара, Кано, Сокото, Кацина, Баучи, Борно, Джигави, Кебби, Йобе. В штатах Кадуна, Нигер и Гомбе шариат действует в районах компактного проживания мусульманского населения.

«Фульбский джихад» и исламизация Северной Нигерии

Распространение ислама осуществлялось «сухопутным» путем — с северо-запада, с исламизированных ранее территорий Западной Африки, на территорию современной Нигерии прибывали сначала отдельные мусульмане — странствующие

дервиши, торговцы. Однако наиболее активно исламизация народов Северной Нигерии стала проходить после так называемого «фульбского джихада». «Фульбским джихадом» называют религиозно-политическое движение, приведшее к настоящей революции в Западной Африке. У его истоков стоял шейх суфийского тариката (религиозно-мистического ордена) Кадирийя Осман дан Фодио (1754-1817) — этнический фульбе по национальности. Будучи знаменитым в регионе мусульманским ученым, дан Фодио создал религиозную общину в городе Дегеле, на протяжении двадцати лет развивая ее и превращая в центр исламской культуры. Однако в 1802 г. правитель хаусанского государства Гобир, на территории которого находился город Дегель, принял решение ликвидировать его автономию и убить дан Фодио. Шейх со своими соратниками бежали на запад, в Гуду, где получили поддержку со стороны кочевников — фульбе.

Османа дан Фодио провозгласили амир-аль-муминином — повелителем правоверных в Гуду. Ему удалось создать многочисленную армию из числа своих последователей — преимущественно фульбе по национальности, после чего началось восстание против языческих государств хауса. Войскам Османа дан Фодио удалось одерживать победу за победой над армиями царей хауса, поскольку фульбе, кочевой народ, имели сильную кавалерию и могли прекрасно

сражаться в конном строю. Кроме того, джихад активно поддерживали крестьянские массы хауса, которым надоело терпеть притеснения со стороны царей — соплеменников. Пропаганда Османа дан Фодио носила не только религиозный, но и социальный характер. Шейх обвинял царей хауса, в том числе и тех из них, кто формально считался мусульманином, в несоблюдении шариата. Несправедливость, царившая в хаусанских государствах, по мнению дан Фодио являлась результатом «неверия» их правителей. Народным массам подобные проповеди шейха были близки и численность его сторонников постоянно росла, а подконтрольная восставшим территория расширялась. В результате, власть царей хауса пала, а на территории современной Северной Нигерии был создан султанат Сокото. Во главе него встал Осман дан Фодио, а после его смерти титул «повелителя мусульман» получил Мохаммаду Белло — сын дан Фодио. В годы его правления продолжалось дальнейшее расширение владений султаната Сокото. В частности, были покорены все государства хауса, часть Нупе и Илорина.

Правитель султаната носил титул халифа, а его губернаторы считались эмирами. В Сокото был установлен шариат. После британского завоевания Нигерии колонизаторы не стали упразднять существовавшую систему феодальных государств, поэтому султаны Сокото сохраняли номинальную власть над своими террито-

риями, как и подчиненные им эмиры продолжали властвовать в своих городах и областях. После провозглашения независимости Нигерии султан Сокото потерял реальную политическую власть, но до сих пор остается номинальным главой мусульман Нигерии. Именно в результате джихада фульбе и последующего создания султаната Сокото была исламизирована территория Северной и Северо-Западной Нигерии. В настоящее время, несмотря на то, что Нигерия является светским государством, на территории ее северных штатов действуют законы шариата. Более того — порядки в Северной Нигерии очень жесткие, сравнимые с саудовскими или сомалийскими. Периодически в Северной Нигерии вспыхивают погромы христианского населения. Межконфессиональные противоречия отражаются и на политической жизни страны, для которой характерно противостояние северных и южных кланов. Конечно, мусульманам и христианам Нигерии было бы лучше жить в отдельных государствах, учитывая их практически равную численность и исторические противоречия, но пока Нигерия остается единым государством, религиозно-политическая ситуация здесь далека от стабильности.

Практически сразу после провозглашения независимости страны усилилась борьба между мусульманами и христианами. Северные штаты хотели жить по собственным законам, установив шариатский порядок на

своих территориях. Однако это неминуемо влекло за собой притеснения христианского меньшинства, проживавшего на территории северных штатов. Рост религиозно-политической напряженности в северных штатах был вызван, в первую очередь, причинами социально-экономического характера. Север Нигерии является гораздо более замкнутым и консервативным регионом, нежели Юг, имеющий выход к морю и воспринимающий западную культуру и западный образ жизни. Во многих северонигерийских штатах жизнь практически остановилась. Географическое положение Северной Нигерии, характеризующееся отсутствием выхода к морю и сложными климатическими условиями, также оказывает влияние на экономическое положение этого региона, являющегося беднейшим в стране. Как известно, Северная Нигерия — это зона Сахеля, одной из главных проблем которого является постепенное опустынивание в результате наступления сахарских песков и увеличивающейся частоты засух. Опустынивание сгоняет крестьян с земель, создает препятствия для земледелия и скотоводства и, в конечном итоге, способствует концентрации огромных масс маргинализованных людей в городах.

На окраинах городов возникают трущобные поселки, заселенные переселившимися с опустыненных территорий крестьянами. Естественно, что в таких поселках процветает безработица, а общее социальное са-

мочувствие остается крайне неудовлетворительным. Учитывая очень высокую рождаемость в мусульманских семьях Северной Нигерии, среди обитателей городских трущоб большую часть составляют молодые люди и подростки. Именно они оказываются наиболее восприимчивыми к пропаганде радикальных движений, которые делают упор не только на религиозную, но и на социальную риторику. Во всех проблемах, с которыми сталкивается обездоленное население Северной Нигерии, проповедники винят власти, отступающие от религиозных традиций. Возвращение к чистому исламу рассматривается как единственный способ установления социальной справедливости. Естественно, что подобные проповеди находят большое количество сторонников среди люмпенизированной городской и сельской молодежи Северной Нигерии. Помимо маргинальной молодежи и разорившихся крестьян, социальную базу радикальных движений в регионе составляют и «мухаджиры» или «талибы» — странствующие ученики местных коранических школ, которые перемещаются по Северной Нигерии в поисках учителей — богословов и средств к существованию. На жизнь эти молодые и здоровые люди зарабатывают, прежде всего, попрошайничеством и, по этой причине, также составляют наиболее благодатную для агитационной деятельности радикальных организаций почву.

Движение «того, кто проклинает»

Еще в 1980 г. на территории Северной Нигерии возникло массовое движение «Майтаине» — «Тот, кто проклинает». Его создал и возглавил мусульманский проповедник Мохаммед Марва — выходец из Северного Камеруна, переехавший в 1945 г. в старый хаусанский город Кано на севере Нигерии. Мохаммед Марва утверждал, что является продолжателем дела шейха Османа дан Фодио. Он выступил против использования автомобилей, велосипедов, часов, радио, телевидения. По мнению Марвы, любые книги, кроме Корана, являются языческими и еретическими. В 1972 г. Марва создал воинственную секту «Ян Тадине», однако в 1975 г. был арестован нигерийской полицией за клевету в адрес действующей власти. Однако вскоре проповедника освободили. Численность секты продолжала расти, в первую очередь — за счет безработной молодежи и мигрантов из отсталых в экономическом отношении районов Северной Нигерии и соседних мусульманских государств. В 1979 г. Мохаммед Марва пошел еще дальше — он провозгласил настоящим пророком самого себя, назвав себя «Аннаби» (на языке хауса — «пророк»). В 1980 г. секта приступила к боевым действиям против нигерийской армии и полиции. Причиной начала боевых действий стала гибель сына Марвы в одном из столкновений с полицейскими. По-

сле этого в декабре 1980 г. началось крупное восстание в городе Кано. В результате боевых действий только в одном Кано погибло 5 тысяч человек.

Сам Мохаммед Марва вскоре умер — причина смерти точно неизвестна, по всей видимости он был ранен во время одного из вооруженных столкновений с правительственными силами. Одна из нигерийских газет распространила информацию, что шейх после смерти был кремирован, а его прах помещен в бутылку, которая хранится в полицейской лаборатории в городе Кано. Но и после смерти Мохаммеда Марвы его сторонники продолжали беспорядки в городах Северной Нигерии. В октябре 1982 г. массовые беспорядки вспыхнули в Булумкутту, что в районе Майдагури, а также в городе Кадуна. Именно в Кадуну перебазировались многие последователи шейха после его смерти. Там сосредоточилось около трех тысяч адептов учения. После подавления выступлений в Кадуне, восстание вспыхнуло в городе Йола. К этому времени лидером движения стал шейх Муса Маканики — ближайший соратник и ученик Мохаммеда Марвы. Во время восстания в Йола погибло более 1000 человек, 60 тысяч горожан остались без крова над головой после проводившейся правительственными войсками операции по усмирению повстанцев. Лидер восстания Муса Маканики бежал в свой родной город Гомбе, где в апреле 1985 г. произошли новые беспорядки. Затем Маканики отступил на террито-

рию Камеруна, где находился до 2004 г., пока, во время одного из посещений Нигерии, не был арестован.

«Боко харам». Война народа канури

Однако, постепенный упадок движения «Майтадине» не повлиял на распространение исламского радикализма в северных штатах Нигерии. Так, в городе Майдугури, что в штате Борно, появилась организация «Собрание верных последователей Пророка и община мусульман». Первоначально деятельность организации не носила экстремистского характера и ее представители даже участвовали в теледебатах с местными чиновниками. Однако впоследствии движение становилось все более радикальным, чему способствовал и общественный запрос именно на радикальную идеологию. В 2002 г. «Собрание верных последователей» было переименовано в «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад», что в переводе с арабского языка означает «Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада». Во всем мире «Общество», созданное в Майдугури, получило известность под названием «Боко харам» («Западное образование греховно»). Последователи «Боко харам» выступили за запрет западного образования в нигерийских школах, западной культуры и форм политической организации по западному типу. Правительство Ни-

гории было обвинено последователями «Боко харам» в прозападных симпатиях и атеизме, причем даже если глава государства является мусульманином, в действительности он — неверующий, поскольку позволяет распространение западной культуры на территории страны и действует в интересах Запада. Африканский «халифат».

Северная Нигерия идёт по стопам Ближнего Востока Движение «Боко харам» выступило за свержение действующего в Нигерии политического строя и установлении законов шариата на территории страны. У истоков движения стоял Мохаммед Юсуф (1970-2009) — уроженец нигерийского штата Йобе. Отец Мохаммеда Юсуфа в год рождения сына участвовал в хадже в Мекку вместе с Мохаммедом Марвой — основателем движения «Майтадине». После того, как Мохаммед Юсуф открыл в 2002 г. в Майдугури мусульманский религиозный центр, включавший мечеть и школу, к нему стали стекаться молодые люди и подростки, преимущественно — из низших слоев населения. Основную массу сторонников «Боко харам» составили представители нигерийской народности канури. Этот древний африканский народ проживает в северо-восточной части Нигерии — на территории провинции Борну, а также на юго-востоке республики Нигер и на побережье озера Чад в Республике Чад. Численность канури в Нигерии — около 7 млн. человек. Специфика социальной и политической

организации народа канури заключается в том, что обладает собственной традицией государственности, уходящей в те времена, когда никакой Нигерии не существовало. Ислам этот народ принял еще в XI веке, а в XIV веке канури создали султанат Борну, который вел религиозные войны с соседями под знаменем джихада. Борну просуществовал до 1893 г., пока не был разгромлен войсками суданского работорговца Рабиаха ас-Зубайра, которого, в свою очередь, не разгромили французские колонизаторы. Территория султаната была поделена между Англией (британская часть вошла в состав Нигерии), Францией (французская часть вошла в состав Нигера и Чада) и Германией (германская часть затем вошла в состав Камеруна).

Город Майдугури — это один из исторических и культурных центров народа канури. Когда-то он был третьей по счету резиденцией султана Борну, после его старых столиц Кукава и Диква. Затем в Майдугури размещались военные и административные учреждения британских колониальных властей. С середины 1960-х гг. Майдугури неоднократно становился центром религиозных выступлений, в которых канури принимали самое активное участие. В настоящее время в городе проживает около 1 млн. 200 тыс. жителей. Несмотря на то, что султанат Борну давно прекратил свое существование, эмиры Борну сохраняют свое влияние в среде канури, осуществляя религиозную власть в

штате Борно — основном районе проживания канури на территории Нигерии.

Традиционными занятиями канури всегда были скотоводство и земледелие, однако наступление сахарских песков заставило многих канури искать убежища в городах, где они перебивались случайными заработками и становились прекрасной почвой для распространения радикальных настроений. Поскольку канури говорят на одноименном языке сахарской языковой семьи, непонятном для остальных жителей Северной Нигерии — хауса и фульбе, пропагандистская деятельность «Боко харам» долгое время была ограничена исключительно средой канури. В 2004 г. Мохаммед Юсуф вместе со своими соратниками перебазировался в окрестности города Каннама в штате Йобе, где была создана повстанческая база «Афганистан». В 2009 г. произошел первый крупный инцидент, связанный с «Боко харам». Группа последователей движения, хоронившая погибшего в дорожно-транспортном происшествии товарища, была остановлена сотрудниками полиции. Произошла стычка. После этого 26 июля 2009 г. Мохаммед Юсуф предпринял попытку вооруженного восстания. Его последователи атаковали полицейский участок, после чего правительство было вынуждено ввести комендантский час и начать полицейскую операцию против членов «Боко харам». Экстремисты убили нескольких

местных христиан, отказавшихся принять ислам. В результате полицейской операции и столкновений погибло около 700 человек, в том числе и Мохаммед Юсуф.

Активизация боевых действий

Однако, полицейские репрессии повлекли за собой лишь усиление позиций «Боко харам» и дальнейшую дестабилизацию политической ситуации в штатах Йобе и Борно. Противостояние «Боко харам» и властей приобрело не только религиозные, но и этнические черты, поскольку канури, составляющие абсолютное большинство последователей религиозного движения, сочли действия правительственных сил одним из проявлений этнической дискриминации своего народа. В результате на стороне «Боко харам» оказались даже те канури, которые прежде не проявляли особого интереса к религиозно-политической деятельности своих соплеменников. Правительственные войска и полиция сталкивались с большими трудностями, действуя на территориях, населенных канури, поскольку последние отказывались от любого сотрудничества с центральными властями.

Одновременно произошла и радикализация движения «Боко харам». После смерти Мохаммеда Юсуфа движение возглавил Абубакар Шекау. Его точная дата рождения неизвестна, но судя по фотографиям,

Абубакару — в районе 30-35 лет. Один из ближайших соратников Мохаммеда Юсуфа, Абубакар Шекау также является этническим канури по национальности. Говорят, что он родился в деревне Шеко в штате Йобе, по имени которой и получил свою фамилию. Абубакара Шекау также называют «Даруль Таухид» — «специалист в единобожии». В прошлом он изучал исламское богословие, владеет, помимо родного, также еще тремя языками — английским, арабским и хауса. С 2010 г. «Боко харам» развернула полномасштабную террористическую войну на территории северных штатов Нигерии. Жертвами нападений боевиков организации становятся представители христианских меньшинств, сотрудники полиции и военнослужащие, чиновники, а также мусульманские деятели, выступающие с критикой экстремистских методов движения. Так, 14 марта 2011 года в городе Майдугури боевики организации застрелили мусульманского имама Ибрагима Ахмеда Абдуллу Болори, который неоднократно критиковал деятельность радикалов. Всего за 2011 год в результате действий боевиков погибло минимум 465 человек. 20 февраля 2012 года в Майдугури боевики обстреляли и забросали бомбами людей на городском рынке. Погибло 20 человек. 17 июня 2012 года смертники взорвали три церкви в штате Кадуна, в результате чего погибло, по меньшей мере, 40 человек. 20 июня 2012 года в результате перестрелки между

правительственными войсками и боевиками в районе города Даматура, погибло 40 человек. И это — далеко не полный список террористических атак группировки.

Стремясь положить конец насилию, 14 мая 2013 г. президент Нигерии Гудлак Джонатан был вынужден ввести в районе города Майдугури, являющегося эпицентром деятельности группировки «Боко харам», чрезвычайное положение. Также чрезвычайное положение было введено еще в ряде районов на севере Нигерии. Однако эти меры не повлекли за собой снижения террористической активности группировки. Так, 14 апреля 2014 г. «Боко харам» похитила более 270 школьников в лицее в штате Борно, мотивируя свои действия тем, что девочкам пришла пора покинуть школу и выйти замуж. 20 мая 2014 г. в результате теракта в городе Джос погибло 160 человек. 21 августа 2014 г. боевики захватили город Буну Яди в штате Йобе, объявив о создании «исламского халифата» на захваченной территории. Однако достаточно успешно действуют и правительственные войска. Так, 17 октября 2014 г. солдаты нигерийской армии уничтожили не менее ста боевиков в бою на нигерийско-камерунской границе. При этом потери вооруженных сил Нигерии составили всего восемь человек погибшими. Но этот серьезный удар, на некоторое время ослабивший группировку, не повлек прекращения ее деятельности на территории страны. Так, в январе 2015

г. боевики «Боко харам» сожгли 16 городов и деревень в штате Борно, включая город Бага на берегу озера Чад, где проживает 10 тысяч человек. 12 января 2015 г. боевики «Боко харам» на территории Камеруна атаковали город Колофат, однако камерунской армии удалось отразить атаку радикалов, уничтожив, по словам представителя командования вооруженных сил Камеруна, 143 боевика. Свои действия «Боко харам» распространила не только на территорию Нигерии, но и на пограничные районы Камеруна и Чада.

4 февраля 2015 г. произошло столкновение боевиков организации с вооруженными силами Республики Чад, в результате которого чадские военнослужащие уничтожили более 200 боевиков. Ответом на действия чадской армии стал налет на камерунский (почему-то) город Фотокол, в результате которого погибли 81 мирный житель, 13 чадских военнослужащих (чадские войска действовали и на территории Камеруна) и 6 военнослужащих вооруженных сил Камеруна. В марте 2015 г. стало известно о том, что «Боко харам» поддержала «Исламское государство» на Ближнем Востоке. После этого обеспокоенные власти западноафриканских государств приступили к обсуждению методов борьбы с набирающей силу радикальной организацией. Африканским союзом было одобрено создание восьмимиллионного регионального корпуса для противодействия экстремистам. 8

марта 2015 г. позиции «Боко харам» в пограничных районах Северо-Восточной Нигерии были атакованы военно-воздушными и сухопутными силами Республики Нигер и Республики Чад. В апреле организация «Боко харам» провозгласила себя «Западноафриканской провинцией Исламского государства».

Известно, что нигерийские радикалы поддерживают тесные связи с международными террористическими организациями, в первую очередь — с «Аль-Каидой». Некоторые боевики «Боко харам» прошли подготовку в Афганистане и Сомали, а в настоящее время не исключено, что они могут принимать участие в боевых действиях «Исламского государства» на территории Сирии и Ирака, а также в Ливии. По данным алжирской разведки, «Боко харам» тесно связана с действующим в Магрибе филиалом «Аль-Каиды». Одновременно «Боко харам» получает основательную поддержку от ряда нигерийских политиков и бизнесменов, выступающих в роли лоббистов и спонсоров «Боко харам». Так, в поддержке организации обвинили нигерийского бизнесмена Аль-Хаджи Белло Дамагума — собственника известной нигерийской газеты Daily Trust. Спецслужбы обвинили предпринимателя в организации финансирования «Боко харам», поскольку еще в 2002 г. суданская «Аль-Каида» передала Дамагуму 300 тысяч долларов для финансирования подрывной деятельности на территории Нигерии. В связях с «Боко ха-

рам» был обвинен и сенатор от штата Борно Али Ндуме, против которого дали показания задержанные боевики «Боко харам» — Ндуме, по их словам, выступал в роли спонсора радикальной организации.

В африканских войнах велика вина Запада

В настоящее время эпицентром деятельности организации «Боко харам» являются нигерийские штаты Борно, Йобе и Адамава. Здесь, в северо-восточной Нигерии, компактно проживают представители народа канури. Поскольку канури составляют многочисленную группу населения также в приграничных районах Нигера и Чада, в Камеруне, организация «Боко харам» пытается распространить свою деятельность и на территорию этих стран. Накал конфликта в 2014 г. достиг максимума — численность погибших на севере Нигерии сравнилась с числом жертв в Афганистане и Ираке во время высшей эскалации боевых действий в этих странах. Определенные изменения произошли и в методах деятельности боевиков. Так, «Боко харам» все более активно прибегает к криминальной деятельности, включая экспроприации банков и магазинов. Кроме того, боевики беспощадно расправляются с гражданским населением, в том числе и с мусульманами, что ставит их перед скорой перспективой утраты политического влияния даже среди мусульманского населения Се-

верной Нигерии. Последний фактор уже начал играть негативную роль, отражаясь на численности притока новых adeptов в движение. Жители северо-восточных штатов все реже вступают в ряды «Боко харам», предпочитая покидать район ведения боевых действий. В результате организации не остается иного выхода, кроме как прибегать к услугам наемников из Чада, Нигера и Камеруна, используя для их найма финансовые средства, получаемые от международных фундаменталистских организаций. Правительству Нигерии, в свою очередь, удалось изменить отношение к себе со стороны части местного населения и сформировать ополчение «Гора», в которое в массовом порядке вступают и канури, недовольные деятельностью «Боко харам». Получается, что в северо-восточных штатах Нигерии идет гражданская война, так как местная молодежь оказалась разделенной на сторонников проправительственного ополчения и «Боко харам».

В результате боевых действий и оттока населения штат Борно превратился к 2014 г. в беднейший штат Нигерии, хотя прежде таковым являлся штат Сокото. С 2013 года в результате террористических атак, предпринимаемых организацией «Боко харам», погибло около 13 тыс человек, более полутора млн. нигерийцев были вынуждены покинуть свои дома и стать беженцами на территории соседних штатов. Еще 250 тысяч человек из Нигера, Чада и

Камеруна также были вынуждены покинуть свои дома. Вооруженные столкновения продолжаются и в настоящее время. Так, 13 мая 2015 г. боевики «Боко харам» атаковали г. Майдугури. В августе 2015 г. президент Чада Идрис Деби сообщил о том, что у «Боко харам» сменился лидер. Новым главой организации якобы стал человек по имени Махамат Дауд, который отличается более умеренными позициями и готов к переговорам с властями Нигерии. Но дальнейшие события, последовавшие в сентябре 2015 г. вряд ли могут свидетельствовать в пользу этого утверждения чадского президента. После того, как в Чаде были казнены 10 боевиков «Боко харам», 3 сентября 2015 г. экстремисты предприняли нападение на две деревни на северо-востоке Нигерии. Жертвами боевиков, которые верхом на лошадях атаковали крестьян, стали 26 человек. 23 сентября 2015 г. подразделения нигерийской армии освободили из плена боевиков «Боко харам» свыше 240 женщин и детей, содержавшихся на территории одного из лагерей организации. Об этом мировым СМИ сообщил официальный представитель командования нигерийских вооруженных сил. Однако уже 25 сентября 2015 г. боевики «Боко харам» напали на крестьян, отмечавших мусульманский праздник в деревне на территории Республики Нигер. Погибло 15 человек — некоторые из них были застрелены, другим перерезали горло.

Достигшее своего апогея противостояние нигерийского правительства и радикальной организации «Боко харам» свидетельствует о глубоком кризисе нигерийской государственности. Западная модель политической организации и идеологии, принятая Нигерией после деколонизации, оказалась неспособной к эффективной организации жизни в масштабах всей страны. Если на юге Нигерии, после умиротворения народа игбо (гражданская война с самопровозглашенным государством Биафра в конце 1960-х гг.), западная модель политической организации оказалась еще более-менее эффективной, то северные нигерийские штаты, консервативные и полуфеодальные, предпочитают жить своим укладом. Основные нефтяные месторождения Нигерии и порты, через которые осуществляется экспорт нефти, находятся на юге страны. Естественно, что и основные экономические ресурсы находятся в руках представителей южной элиты — игбо и йоруба. Однако мусульмане Северной Нигерии не согласны с тем, что основная часть доходов от нефтедобычи оседает на юге страны, а северные штаты остаются на положении «бедных родственников». Это экономическое противоречие также становится одним из важных факторов, усугубляющих раскол нигерийского государства. Очевидно, что события в Нигерии отражают общие проблемы для многих других государств зоны Сахеля — вчерашних британских и французских колоний.

Активизация радикальных религиозных движений, готовых с оружием в руках отстаивать свои идеи и интересы, постепенно превращает пояс Сахеля в одну сплошную линию боевых действий. Территория вооруженного противостояния радикальных группировок и правительственных войск, вынужденных прибегать даже к иностранной военной помощи, протянулась от Атлантики до Красного моря. Воюют Мали и Нигерия, Ливия и Чад, Судан и Сомали. Однако, в отличие от событий на Ближнем Востоке, продвижение сторонников «Исламского государства» в Африке привлекает

гораздо меньше внимания мировых политических кругов. В дальнейшей эскалации конфликтов на континенте заинтересованы Соединенные Штаты Америки, для которых сам факт активизации религиозных экстремистов в Нигерии является поводом для наращивания военного присутствия в африканских странах. Вашингтон боится растущего экономического и политического влияния Китая на Африканском континенте и для противостояния ему готов (через подконтрольных саудитов и радикальные группировки) поддерживать религиозные войны и терроризм.

Источник: <http://topwar.ru/83480-afrikanskiy-halifat-severnaya-nigeriya-idet-po-stopam-blizhnego-vostoka.html>

Дамир Мухетдинов

ВЫЗОВ ЕВРОПЕ, ВЫЗОВ ИСЛАМУ (ЧИТАЯ «ПОКОРНОСТЬ» МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА)

На русском языке осенью 2015 года появился переведённый с французского бестселлер, который, на мой взгляд, духовно разрушает сразу две цивилизации: в нём осмеяны и основы старой Европы с её христианством, гуманизмом и нынешним постхристианским либерализмом, а также издевательски показан Ислам.

Как всё это разъяснили россиянам?

Читателям в России он был преподнесён в таком ключе: «Покорность» Мишеля Уэльбека — главный роман не только осени, но и в каком-то смысле всего года. Во Франции день выхода книги — 7 января — совпал с терактом в редакции парижской газеты Charlie Hebdo. На обложке печально известного номера высмеивался сам Уэльбек и сюжет книги: 2022 год, президентские выборы во Франции, лидер крайне правых

Марин ле Пен проиграет главе новой партии «Мусульманские братья» Мохаммеду Бен Аббесу. После теракта роман немедленно заклеили антиисламским, а Уэльбек уехал из Парижа, прервав рекламную кампанию. Но она была уже не нужна — «Покорность» в тот же день стала бестселлером» (Наталья Ломыкина, «Покорность» Мишеля Уэльбека — РБК Стиль <http://www.corpus.ru/press/houellebecq-michel-pokornost-rbk.htm>).

В похвалу автору можно записать острогу многих его наблюдений и чу-

тьё на запросы своего, европейского и прежде всего французского читателя. Всё остальное, увы, отравлено тотальным цинизмом. Если кто-то подумает, что «антиисламское» он написал в защиту традиционных и даже нетрадиционных европейских ценностей, то это вовсе не так.

Ещё раз приведу характеристику из РБК: «Сатира Уэльбека однако направлена не на исламистов, а на современное европейское общество, готовое променять свободу на сытость и покой. Мишель Уэльбек с прозорливостью большого писателя рассуждает о том, насколько привлекательной может стать для инфантильной европейской интеллигенции доктрина умеренного ислама».

И приходит к выводу: «Покорность становится ключевым словом, которое определяет состояние общества. И в этом смысле новый роман Уэльбека не сатира и не антиутопия. Это напоминание о том, каким может стать мир и как быстро душевная пустота заполняется покорностью».

А есть ли позитив?

Позвольте не вдаваться в подробности и не анализировать, насколько мастерски Уэльбек, рисуя своего героя, типичного и литературно обкатанного персонажа, сорокачетырехлетнего Франсуа, демонстрирует и его инфантилизм и душевную пустоту. Во-первых, этому посвящены его предыдущие сочинения.

И об этом пишут критики, перечисляя его романы: «В предыдущих своих текстах-бомбах Уэльбек со свойственной ему горькой язвительностью развеял по ветру все священные ценности либеральной западной цивилизации: «власть юности» и пользу психоанализа («Расширение пространства борьбы»), идейное наследие студенческой революции мая 1968 года («Элементарные частицы»), сексуальное раскрепощение («Платформа»), атеизм и научный рационализм («Возможность острова»), современное искусство («Карта и территория»)». (Собака. ru — <http://www.corpus.ru/press/mishel-ujelbek-pokornost-sobaka.htm>).

Это были перечислены, как выразился наш российский критик, «священные ценности либеральной западной цивилизации». А что уж говорить про нелиберальные европейские ценности? То есть, про христианство в целом и, что многие века было плодотворным для Франции — про католицизм?! Ему досталось от Уэльбека не меньше.

Его герой-антигерой Франсуа (имя, явно знаковое для Франции, не правда ли, чуть ли не эпоним?) — филолог, исследующий Гюисманса и, более того, сопереживающий вместе с ним его духовные искания. При этом, сколь тонко и язвительно высмеял путь этого лидера декаданса к католицизму, как поиздевался автор над следами Гюисманса, по которым прошёл Франсуа, чуть было не ставший

по примеру своего кумира облатом в траппистском монастыре! Над христианством автор издевается, опираясь на цитаты из Ницше и вообще полагает, что для Европы оно уже неактуально — это постхристианская цивилизация.

Итак, первый вывод, к которому приходишь по прочтении «Покорности», что Европа опустошена тотально, в душах её наиболее образованных людей такая пустота и такой гнёт бессмысленности, что жизнь продолжается лишь на поверхности, в потоке биологически неизбежных инстинктов.

Видимо в таком тотальном негативизме, самоотрицании всего европейского (до-при-пост-христианского) — особая привлекательность текстов Уэльбека для его поклонников в Европе. Это литература, выполняющая функцию... самоуничтожения.

Потому совсем необоснованно считать, что автор, как «некий европеец» противостоит чему-то негативному вовне. Он в первую очередь уничтожает почву под собой!

Если ранее критика, самая яркая и яростная, показывающая «Закат Европы», строилась всё-таки на подспудно нерушимой собственной школе европейских ценностей, то Уэльбек в первую очередь стирает в пыль всё европейское.

И, видя его состояние, как тотальную панику и тотальный негативизм, вполне понятным становится его негативизм в адрес Ислама и попытка его изощрённо высмеять.

Для чего упомянута «История О»?

Сюжетно, формально герой романа Франсуа приходит к концу романа в состояние, когда ему уже... хочется принять Ислам. И формально автор ставит читателя как бы перед оптимистическим триумфом героя, который так долго метался, мучился бессмыслицей и нередко стоял на грани самоубийства. Выход найден в Исламе!

Однако, давайте уточним два вопроса. Так ли уж важен именно Ислам для Уэльбека в этом романе и, следовательно, для антиутопии про Европу 2022 года?

И что именно автор понимает под словом «покорность», которым озаглавил свой опус и который, как ему кажется, выражает суть арабского понятия «Ислам»?

На первый вопрос, опять-таки точно отреагировала наша российская дама-филолог Анна Наринская: «Роль ислама тут, по большому счёту, могла бы играть любая консервативная и, что особенно важно, предлагающая подробнейший набор жизненных правил сила. Этот роман — как вообще-то и все романы Уэльбека — о кризисе современного человека в том его понимании, которое сформулировал Верлен, писавший о Бодлере: «современный человек, с его обострёнными и вибрирующими чувствами, с болезненно тонким умом, с насыщенным испарениями табака мозгом, с воспалённой алкоголем кровью»

(Свобода быть несвободным. Анна Наринская о «Покорности» Уэльбека — Коммерсант.ru — <http://www.corpus.ru/press/mishel-ujelbek-pokornost-kommersant.htm>).

Здесь очень уместно приведена психологическая характеристика «современного европейца». Бодлер-Верлен-Уэльбек пишут и о высоком уме и об отравлении на сугубо физиологическом уровне. Это практически медицинское заключение. Диагноз.

И вот, исходя из этого диагноза и сам будучи именно таким человеком, автор «Покорности» внешне будто бы увлекает своего Франсуа в Ислам, но эта религия для него, оказывается, имеет вот какое объяснение... Стоп!

С этого момента я уже не буду с благодарностью цитировать наших достойных российских умников-филологов и перейду к собственно богословскому и культурологическому анализу. Давайте вспомним, как и чем Уэльбек увлекает опустошённого Франсуа в Ислам?

В тексте немало рассыпано как бы малозначительно мелких деталей — но они неслучайны, знаковы и в целом создают вот какую картину.

Первое: что это за очаровавший Франсуа исторический особняк в престижном и богатом районе Парижа, где Редигер вёл первую миссионерскую беседу с Франсуа? Минимум два сильных мотива для размышлений: рядом руины римского амфитеатра Арены Лютении, что даёт автору и его герою вспомнить и рассуждать о гибели Римской империи

и всей античной цивилизации. Но самое главное — Редигер, оказывается, избрал этот дом и купил его (что явно стоило огромных денег!) из-за того, что в нём жил академик, писатель и издатель Жан Полан и дом связан с романом «История О».

Редигер сам объясняет Франсуа: «Конечно, мне интересен не Полан, кому вообще может быть интересен Полан? Но для меня каждая минута наполнена счастьем от сознания, что я живу в доме, где Доминик Ори написала «Историю «О», во всяком случае, тут жил её любовник, признанием в любви к которому и стала эта книга. Поразительная вещь, да?».

Итак, именно в этом доме, где проповедник Редигер испытывает «счастье», он произносит своё кредо, также в возвышенном тоне со словом «счастье». Здесь звучат ключевые для Уэльбека определения Ислама как «покорности».

«Покорность, — тихо сказал Редигер. — Никогда ещё с такой силой не была выражена столь ошеломляющая и простая мысль — что высшее счастье заключается в полнейшей покорности. Вряд ли я бы рискнул развить эту идею в присутствии своих единомышленников, они, возможно, сочли бы её кощунственной, но мне кажется, существует связь между абсолютной покорностью женщины мужчине, наподобие той, что описана в «Истории «О», и покорностью человека Богу, как того требует ислам. Видите ли, — продолжал он, — ислам приемлет мир *таким, как он есть*, как сказал

бы Ницше. (...) Для ислама же, напротив, божественное творение совершенно, это абсолютный шедевр. В сущности, что такое Коран, как не колоссальная мистическая хвалебная ода? Хвала Создателю и покорность Его законам» (стр.300-301).

В потоке будто бы учёной и полной впечатляющих цитат, будто бы про-исламской речи Редигера, на самом деле — подвох на подвохе и полно фактических ошибок, или, скорее всего, лукавых интеллектуальных подмен. К примеру, ислам толкуется через призму ницшеанской формулы и утверждается, что мир — абсолютный шедевр. Это и правда и неправда об исламе, смешение двух полуоборванных тезисов.

То есть: если говорить в целом о замысле Творца, то он, действительно, совершенен. Но это даётся в динамике, разворачивается во времени сквозь борьбу со злом, мыслится метафизически, то есть в снятии понятия времени, как завершение творчества (ахират).

Что касается жизни людей, протекающей в конкретной земной реальности, во времени (дунья) — то это жизнь, не только далёкая от совершенства, но исполненная искушений, измен, трагедий и требующая от человека борьбы. Духовная борьба — большой джихад, а физическая, военная борьба — малый джихад. Честно говоря, странно повторять весь этот ликбез, ибо он многократно прописан и в популярных брошюрах для массового читателя, и

тем более в фолиантах для учёных из круга Сорбонны.

Но Уэльбеку надо затуманить читателя, чтобы он принял ницшеанскую трактовку «приятия жизни», а именно — приятие всего, происходящего в дунья, без различения добра и зла. Если в Исламе главным как раз является «фуркан» — различение, ключевыми понятиями «харам-халяль», дозволенное и запретное, то для Ницше всеприятие означает жизнь «за гранью добра и зла». И это, по его мнению, даётся лишь Сверхчеловеку.

К этой первой подмене автор добавляет вторую. И справедливо предварают таким предупреждением: «Вряд ли я бы рискнул развить эту идею в присутствии своих единомышленников, они, возможно, сочли бы её кощунственной, но мне кажется, существует связь между абсолютной покорностью женщины мужчине (...)» Остановимся здесь! Что это за будто бы «абсолютная покорность женщины мужчине»? К Исламу это не имеет никакого отношения.

Да, во всех авраамических религиях (Иудаизм, Христианство, Ислам) говорится о необходимости послушания в браке, роли распределены патриархально чётко и мужчине отводится ведущая и ответственная роль мужа и отца. Кроме того, он обязан соблюдать чёткие правовые условия брака — в этом защита жизненных прав женщины и её детей. Определение «абсолютная» тут совсем неуместно.

Но понятно, почему эту подмену делает автор, выражая через Редигера своё «кредо об Исламе». Ему важно все отношения между мужчиной и женщиной свести только к эросу. Причём, как это ни странно и ни печально, к выхолощенному и предельно узкому его пониманию.

(В скобках замечу, сколь примитивно и грубо показана эротическая сторона жизни Франсуа (неужели, как типичного ныне француза?): она совершенно механистична и предельно материалистична, лишена творчества, любви и человечности. Из неё не способны вырасти ни нежность, ни дружба, ни семейные чувства, ни тем более интерес и любовь к детям, внукам — это вообще темы, даже не упоминаемые... Псевдо-эрос Франсуа — это стон демографической катастрофы, по сути — плод той самой «сексуальной революции», в которой 20 век искал счастье свободы! И язык описания эроса у Уэльбека — примитивен, полон вялых ненормативных оборотов, это агония того изящества и артистизма, которым ранее отличалась именно французская словесность в период классического гуманизма. В чём же причина агонии?)

По формуле Кассирера, «человек — существо символическое». И потому, если в эротизме остаются лишь эрекция и семяизвержение, подростковая неразвитость и отсутствие глубины, которая выражается прежде всего в «символическом», то эрос расчеловечивается, дегуманизи-

руется, как и всё мышление. И куда же он устремляется? Посмотрим).

Посмотрим, куда, к какому слову и к какому тексту ведёт автор, когда ему хочется выразить своё кредо. Читаем: «существует связь между абсолютной покорностью женщины мужчине, наподобие той, что описана в «Истории «О», и покорностью человека Богу, как того требует ислам».

Уточним, что это за роман? «История О» на сегодняшний день является главной культовой книгой садомазохистов. Все скучные подробности об этом (для тех, кто слышит впервые) в справке Википедии. Но как «многозначительно» кредо Редигера, к которому по Уэльбеку, присоединяется к концу романа Франсуа: он объясняет Ислам через... садомазохизм.

Вот в чём «открытие Уэльбека»!

Почему таким путём пошёл автор? Арабское слово, имеющее корень СЛМ-Ислам, он переводит не как «смирение, согласие, гармония, добровольное согласие ради обретения мира и покоя во всех проявлениях жизни» — а именно таковы многочисленные смыслы и обертоны многоуровневого слова СЛМ-Ислам — но именно и исключительно как покорность.

Если так до него делали многие переводчики (как на французский, так и на иные европейские и русский языки), то сегодня, в свете новейших изысканий коранистики и филологии, истории философии и богословия, такое понимание крайне узко, или даже стоит сказать чётче — оно

стоит на грани искажения сути. Именно на грани. Ведь от интерпретатора зависит, в каком культурном контексте его читатель воспринимает слово «покорность».

А это может быть довольно широкий спектр восприятия. Для кого-то в «покорности» слышен только позитив. И так было многие столетия. Но на рубеже 20-21 веков скорее слышны отзвуки менталитета рабства, принудительной подчинённости, негативные сами по себе. И само понятие «абд Аллах, раб Господа», которое многие века привычно читалось, как позитивное, теперь, после освобождения от идеологии рабства, в нашу эпоху гуманизации, воспринимается совсем иначе. И никого теперь не удивишь, что в Средневековье оно было практически синонимом таких понятий, как «хальк Аллах — творения, дети Божии», «авлия — друг Аллаха, возлюбленный Творца». В новейшее время оно звучит уже однозначно и явно негативно.

Важно осознать — так оно стало звучать сравнительно недавно, в контексте тех перемен смыслов, новых обертонов в звучании старых слов, которыми сопровождается общая гуманизация цивилизации.

Действительно, от того, как сегодня переводить слово СЛМ-Ислам, зависит очень многое. Во многом именно перевод этого единственного слова — сегодня ключ к пониманию Ислама! И явно его следует освободить от коннотаций Средних веков.

Следует переводить как смирение,

гармония. В Коране ведь сказано от имени Творца в Его обращении к людям: «Я завершил для вас религию — нет, не просто по-арабски сказать следует ИСЛАМ, но в переводе! — религию гармонии, смирения, согласия». Но обычно этот аят переводят так: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию и довёл до конца Мою милость к вам, и одобрил для вас Ислам в качестве религии» (5: 3).

Подчеркну — тут речь не о какой-то конфессии, религии, институте в современном европейском, научном, религиоведческом смысле слова. Пора читать коранический текст без этих коннотаций, поверх преград, которые ставят ему условности и язык ушедшего времени.

Алкоголь и обкуренность

Но вернёмся к нашему автору. Уэльбек не случайно «обращает» Франсуа в беседе с Редигером за бутылкой алкоголя — как подлинный француз своего времени (по Бодлеру-Верлену), он и не мыслит себе иного существования для умного, нервного и утончённого интеллектуала. Но по сути приписывает ему тот комплекс, который знают все, кто по долгу профессии общается с алкоголиками: алкоголик не в силах поверить, что хоть кто-то не пьёт...

Однако, у Уэльбека «главный агитатор за Ислам» не только выпивает, причём, по-французски изощрённо и элегантно. Но он ещё видит особую привлекательность Ислама в

полигамии. Эта тема для «обращения» Франсуа не менее важна, чем перспектива получить денежную выгоду от саудитов, которые на свои нефtedоллары, согласно сюжету этой антиутопии, скупают систему образования во Франции.

Да, в отличие от алкоголизма, в Исламе полигамия есть. Она в первую очередь легальна, то есть чётко юридически оговорена и не допускает нарушения достоинства и прав женщин. Но Уэльбеку важно вмонтировать в тему полигамии именно ореол «покорности» в самом извращённом, садомазохистском ключе — по версии «Истории О».

А вот тут уж его... интеллектуальное «откровение»! Точнее говоря — откровенная ложь. Но кто среди европейцев, ждущих остроумия и честности от своего «гуру», знает об этом? Действительно, а почему бы не приписать, вслед за Уэльбеком, всем мусульманам просто яростную животную тягу к полигамии? Ведь любвеобилие понятно всякому мужчине.

Но что делать с этой страстью, как её реализовать — решают общество, с его законами, культурой и религией. В каждом социуме и у каждой религии — свои особенности в «окультуривании эроса». Уэльбек в романе сам показывает, как его Франсуа, типичный современный европеец, исходя из инстинкта, «решает» подобные вопросы путём прелюбодеяния и секса вне брака, проституции... и как он несчастен и одинок при этом...

Почему бы не внести свою лепту в понимание «покорности» именно как садомазохистской акции? Пусть мусульмане и исламоведы-учёные потом оспаривают это, обличая как ложь — главное будет сделано. Миллионы читателей теперь будут на слово Ислам смотреть сквозь призму... «Истории О».

И в этом огромная вина Уэльбека как мастера слова, как писателя. За эту порчу понятий он понесёт ответственность перед Словом — как говорится, «от слов своих оправдаешься и от слов же своих осудишься».

Кто вы, читатели?

Но оставим это на совести автора и спросим его поклонников: а чем уж вам так противен, или хотя бы чем-то как-то неприятен... садомазохизм? Быть может, если он в современной постхристианской Европе легализован, в нём нет ничего такого ужасного... почему бы и нет? Тогда отчего бы и не принять вот такой «уэльбековский ислам», если он ничто иное, как чуть замаскированное, по-восточному подслащенное то же самое, родное... садомазохистское, да с коньячком...?

Да, да, вопрос к вам, уважаемые читатели, поклонники «гуру»: вы не видите, как вас виртуозно обманывают? Чем вы не мольтеровские простаки-Журдены, пытающиеся, читая профессиональных писателей, понять мир, жизнь, самих себя? Там-то был «мещанин во дво-

рянстве», а вы захотели из «свободолюбцев» попасть в «знатоки религии»?

Уэльбек показал вам: живёте сами в пустоте и на грани самоубийства, а вот вам альтернатива в виде Ислама. Думали, что это что-то новое и ужасное, что-то очень «восточное и мухаммеданское». Однако, «гуру» разъяснил вам, что это всё тот же... наш европейский садомазохизм! А легализованная полигамия да нефтедоллары от саудитов — это лишь приманка.

По сути, вам написали, вслед за «Историей О» как бы новую «Историю У». И то и другое — виртуозная ложь и про человека, и про Европу и про Ислам.

Но самое смешное и одновременно печальное, что всё тут мною написанное будет воспринято не так, как мне хотелось. Кто поспорит, что своей оценкой я (по законам постмодернизма) делаю писаниям Уэльбека только больше рекламы...

Астагфируллах — да простит меня за это Аллах!

